Проф. А. М. Селищевъ.

ЗАБАЙКАЛЬСКІЕ СТАРООБРЯДЦЫ.

Семейскіе.

Изданіе Государственнаго Иркутскаго Университета.

Г. Иркутскъ, 1920.

Паровая типографія о-ва потребителей «Сибирское Книжное Дѣло».

Проф. А. М. Селищевъ.

Забайкальскіе старообрядцы.

Семейскіе.

Вспомни нищету мою и гоненіе мое.
Я вспоминаю горечь и желчь мою,—
стѣснена во мнѣ душа моя (Іеремія, Плачъ III 19—21).

Изданіе Государственнаго Иркутскаго Университета.

Г. Иркутскъ, 1920 г.

I

Весною 1919 г. Совѣтомъ Государственнаго Иркутскаго Университета и Средне-Сибирскимъ Отдѣленіемъ Института изслѣдованія Сибири я былъ командированъ съ научною цѣлью въ Забайкалье. Своей задачей я поставилъ ознакомиться съ языкомъ и укладомъ жизни старообрядцевъ, такъ называемыхъ «семейскихъ» Верхнеудинскаго уѣзда. Имѣя въ виду условія и обстоятельства переживаемаго времени, въ особенности въ Забайкальѣ, я долженъ былъ по возможности принять мѣры къ болѣе или менѣе безопасному странствованію по мѣстности, гдѣ еще недавно происходили полныя ужаса экзекуціи карательныхъ отрядовъ. Сочувственно къ моей командировкѣ отнеслась Верхнеудинская Земская Управа, очень облегчившая мои разъѣзды по селамъ уѣзда. Свидѣтельствую гг. членамъ Управы мою глубокую благодарность.

3 дня (27—29 мая), проведенные мною въ Верхнеудинскѣ, этомъ городѣ песку и пыли, были заняты подготовкой къ отъѣзду и предварительному ознакомленію съ настроеніемъ деревни. Свѣдѣнія, полученныя мною, были неутѣшительны: какъ въ городѣ, такъ и въ селахъ настроеніе было напряженное: столкновенія «семеновцевъ» съ американцами, привозъ бурятскаго «царя» и его министровъ, разговоры о разныхъ «конфликтахъ» сгущали городскую атмосферу. Къ тому же съ запада свѣдѣнія доходили скудныя: иркутскія газеты не допускались къ обращенію въ Верхнеудинскѣ. Только изъ-подъ полы я доставалъ у старика-газетчика «Свободный Край»; «Наше Дѣло» совсѣмъ не получалось имъ. Не рискованно ли мое путешествіе по уѣзду? —освѣдомился я у и. о. начальника милиціи.—«Относительно всѣхъ мѣстностей опредѣленнаго отвѣта я дать не могу. Во всякомъ случаѣ чины милиціи будутъ освѣдомлены о Вашей поѣздкѣ и окажутъ Вамъ свое содѣйствіе». Въ воскресенье, 1 іюня, утромъ я отправился въ путь. Въ огромной колымагѣ, на подобіе той, въ какой кочуютъ цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, я потянулся на югъ. «Трактовая», или вѣрнѣе узкая песочная дорога между нависшимъ ельникомъ, о сучья котораго цѣплялась моя колымага, шла среди песчаныхъ холмовъ, поросшихъ деревьями. Недалеко въ сторонѣ разстилался дымъ отъ лѣсного пожара. Въ с. Саянтуй, Вахмистерово тожъ, находящемся въ 16 в. отъ Верхнеудинска, я смѣнилъ лошадей и направился въ старообрядческое село Тарбагатай или, по мѣстному произношенію, Тарбатай. Большая часть пути туда идетъ мимо голыхъ высокихъ горъ, отчасти приспособленныхъ подъ пашню. Только справа среди зеленыхъ береговъ блистаетъ на солнцѣ Селенга. Солнце пекло, а вѣтеръ поднималъ столбы пыли, застилавшіе мою убогую на этотъ разъ тележку. Мой возница, мужикъ лѣтъ 40, по случаю праздника немного хватившій «ханчи» и лукомъ закусившій, усѣлся со мной рядомъ и охотно подѣлился горестями жизни своего села. Тяжело жить: неурожай, дороговизна, неурядицы. Главное въ его разсказѣ было сообщеніе о карательномъ отрядѣ. Вотъ такого то и такого-то, совсѣмъ не причастныхъ ни къ какому злодѣянію, поведутъ въ баню, раздѣнутъ и хлещутъ плетьми съ завязаннымъ въ нихъ свинцомъ,—хлещутъ до полусмерти. Иногда можно было откупиться деньгами. А иногда и деньги брали и сѣкли. Грабили не только деньги, но и имущество, не исключая и женскихъ нарядовъ. О

бурныхъ наѣздахъ карателей, дѣйствовавшихъ именемъ полковника Семенова, о ихъ разнузданной вольности мнѣ разсказывали въ каждомъ селѣ. Дѣло доходило до того, что дѣвушки и молодыя замужнія бабы прятались при посѣщеніи села блюстителями порядка. Кошмарны сообщенія объ этихъ «судныхъ» дняхъ — такъ кошмарны, что я сталъ стараться, наконецъ, не заводить разговора на эту тему. И безъ того много печальнаго пришлось наблюдать на своемъ пути.

Къ вечеру 1-го іюня я добрался до с. Тарбагатая, расположеннаго на рѣчкахъ Куйтунѣ и Тарбагатайкѣ, сливающихся у этого села. Глядя на длинный рядъ избъ и ихъ обитателей, вспомнилъ слова «Дѣдушки»-декабриста:

Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ
Тёсомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока, —
Только ты имъ не мѣшай
«Гдѣ жъ та деревня?» — Далеко
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкаломъ ..— (Некрасовъ).

Да, и теперь тутъ избы тесомъ покрыты и народъ здоровый «хрушкой», какъ говорятъ сибиряки. Но на-счетъ сытости и прочаго дѣло обстоитъ не такъ: есть заболѣванія *голоднымъ* тифомъ, и «рекруты» не тѣ: жалуются на побѣги мобилизованныхъ; да и трезвость шатается, на подати ропщетъ народъ, судъ творитъ присланная милиція...

Тарбагатай (Тарбатай) было первое село, съ котораго я началъ свое ознакомленіе съ семейскими. Затѣмъ мною были посѣщены старообрядческія села: Куналей, Мухоршибирь, Новый Заганъ, Хонхолой, Никольское, Харауз. Встрѣчался и бесѣдовалъ со старообрядцами изъ Десятникова, Шаралдая (Шарандая, Шеролдая), Бичуры, съ Ганшея, — гдѣ въ послѣдній годъ самовольно поселилось много семейскихъ выходцевъ изъ сосѣднихъ селъ. Проѣхать на Хилокъ и на Чикой, гдѣ въ нѣсколькихъ селахъ также живутъ семейскіе [1], оказалось затруднительно: пришлось бы ѣхать въ сопровожденіи милиціи, такъ какъ, по ея свѣдѣніямъ, въ Заганскомъ хребтѣ, черезъ который лежалъ путь забились банды разбойниковъ.

Посѣщенныя мною села семейскихъ расположены въ долинахъ между отрогами горъ. Двѣ или три очень длинныя улицы, съ домами, соединенными одинъ съ другимъ заборами («заплотами») протянулись неподалеку отъ небольшой рѣчонки. Узенькіе переулочки («правулки») пересѣкаютъ ихъ. Такимъ проулкомъ мимо двора и гумна, можно выйти къ рѣчкѣ или за село, — къ горѣ, въ поле, на выпасъ. Долина, гдѣ расположились семейскіе, представляетъ довольно болотистую почву: идешь по улицѣ, а дорожная насыпь зыблется, эластично углубляется («зыбунъ»). По канавкамъ стекаетъ выдавливаемая сизо-мутная жижица. Въ нѣсколькихъ селахъ находятся настоящія болота, — калтусъ. Такова низкая часть Мухоршибири, гдѣ живутъ пра-

---

[1] См у П. А. Ровинскаго: «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв Сиб. Отд. Р. Географич. Об-ва Т III, № 3, стр. 123–124.

вославные или «сибиряки», по терминологии старообрядцевъ [1]) Въ послѣдніе годы тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступило въ особенности много воды, такъ что пришлось снести постройки съ насиженныхъ мѣстъ и оставить гумна и огороды. Плохо обстоитъ дѣло и въ Н. Заганѣ. Когда подъѣзжаешь къ этой деревнѣ, со стороны Мухоршибири, то видишь раскинувшееся топкое болото, а за нимъ протянувшуюся деревню. Заганцамъ селиться уже некуда стало: съ двухъ сторонъ болота, съ третьей засѣвное поле; а продолженіе долины занимаетъ Старый Заганъ, вплотную примкнувши къ Новому Загану. Въ Ст. Заганѣ населеніе православное. Использовать для построекъ поле нельзя: засѣвная площадь и безъ того невелика,—по двѣ съ небольшимъ десятины на душу [2]). А нужда въ постройкѣ большая: за годы войны дѣло строительства прекратилось; между тѣмъ полюбовный раздѣлъ во многихъ домахъ хотѣлось бы произвести. Выбравъ то или иное мѣсто, всѣ мужики данной семьи заняты устроеніемъ дома для очередного выдѣленія—старшаго сына или брата. «Такъ ужъ у насъ повелось».

Не всѣ села вязнутъ въ болотахъ. Иные семейскіе задыхаются въ песчаной пыли. Таково село Тарбагатай. Ни клочка травки не видно на главной и старой улицѣ этого села. Другія двѣ улицы находятся въ болѣе низкой части, вдоль небольшой рѣчки.

Избы семейскихъ—высокія деревянныя постройки. Если подойти снаружи, чуть рукой достанешь до окошка. Рамы и карнизы во многихъ избахъ украшены рѣзьбой и раскрашены. Хорошіе дома строятъ россійскіе плотники. Раньше они заняты были постройкой церквей. Теперь же спросъ не великъ по церковной части. Бѣдноватыя села, какъ напр. Харауз, похвалиться постройками не могутъ: по большей части избы тамъ низковаты и подслѣповаты. Внутри избы семейскаго чисто, опрятно. Полъ вымытъ и слегка посыпанъ пескомъ, а иногда застланъ самотканной матеріей. Въ переднемъ углу прибиты полки, на которыхъ разставлены иконы стараго письма и мѣдные восьмиконечные кресты въ кіотахъ. Тутъ же или на угловомъ столикѣ стоитъ кадильница, лежатъ свѣчи, висятъ лѣстовки (четки); на столикѣ положены «подручники», употребляемые при земныхъ поклонахъ. Въ другомъ углу большая русская печь, иногда раскрашенная какимъ-нибудь узоромъ, преимущественно синими или зелеными цвѣтами и пѣтухами. Въ сторонѣ отъ печи—палати. Стѣны чисто вымыты. Въ нѣкоторыхъ домахъ по стѣнамъ развѣшаны лубочныя картинки. У хорошихъ хозяекъ на стѣнѣ красуются «карманы»,—длинныя вышитыя полосы темной матеріи; часть такой полосы образуетъ мѣшочекъ, карманъ. Вдоль стѣнъ поставлены лавки. На окошкахъ стоятъ банки съ цвѣтами. Въ углу пріютилась «самопрядка», похожая, хотя и не вполнѣ совпадающая съ прялкой («пряхой»), какую я знаю по Орловской губ. Самопрядка у семейскихъ гораздо ниже, чѣмъ у орловскихъ крестьянъ. Конструкція же въ общемъ одинакова. Въ богатыхъ домахъ имѣется еще болѣе чистая изба—горница; сѣнями она соединяется съ общею избою. Въ каждомъ селѣ имѣется «земская квартира» («хватера») для лицъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службы для «начальниковъ» (синонимъ «чиновниковъ»). Въ нѣкоторыхъ селахъ земскія квартиры представляетъ собою удобныя, спокойныя, чистыя квартиры. Таковы квартиры въ Куналеѣ, въ Н. Заганѣ, въ Никольскомъ. Любопытна обстановка этихъ квартиръ. Тутъ есть стулья, деревянный диванъ, зеркало. Стѣны обязательно

---

[1]) По этой терминологіи, православная церковь—сибирская церковь и т. под.

[2]) По даннымъ Забайкальскаго Областного Статистическаго Комитета, душевой надѣлъ при переверсткѣ выразится еще меньшей цыфрой: 1184 дес. на 1069 муж. душъ. См. въ «Памятной книжкѣ Забайкальской области на 1914 годъ». Чита. 914. Стр. 446.

украшены большимъ количествомъ лубочныхъ картинъ. Вотъ наприм. картинное собраніе куналейской квартиры. Отъ иконъ непосредственно идутъ картины: избраніе Михаила Ѳедоровича на царство ; «Уродилася я, какъ въ полѣ былинка»; «Машина моему горю причина» (изображаетъ сцены разставанія и одиночества покинутой дѣвушки); подъ этимъ лубкомъ «Варвара великомученица» и «Архистратигъ Михаилъ»; далѣе идутъ картины со сценами изъ великой европейской войны,- картины страшныя, залитыя красной и желтой краской (кровью и огнемъ); среди этихъ картинъ помѣщенъ образъ великомуч. Екатерины; недалеко налѣплена «Счастливая минута» (онъ и она въ подвѣнечныхъ костюмахъ наединѣ) и много другихъ. Такой же составъ картинъ и въ другихъ квартирахъ. Въ н.-заганской квартирѣ подборъ картинъ нѣсколько иной: развѣшаны виды Иркутска и Владивостока портреты офицеровъ (—хозяинъ былъ на военной службѣ въ Иркутскѣ), «Сестра Беатрисса»; неподалеку отъ нея пожилая кокотка съ полуобнаженнымъ бюстомъ и гитарой, Похожденія шута Балакирева» и нѣк. др. На столикѣ стоитъ будильникъ и «гармафончикъ»; имѣется и альбомъ для открытыхъ писемъ, съ большимъ количествомъ открытокъ въ томъ числѣ и амурныхъ («Bujnost rozkoszna» и др.) Въ каждомъ домѣ имѣется самоваръ. Чай пить семейскіе теперь любятъ. Уже утратила свое значеніе ихъ поговорка. «Кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаенъ». Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ семейскіе старики и старухи блюли это изреченіе. Вѣроятно, нѣкоторые строгіе старики и теперь еще воздерживаются отъ чая. Вѣдь это изреченіе находилось въ связи съ тѣмъ, чему учили ихъ справщики и книжники. «Аще кто дерзнетъ пити чай, той отчается симъ отъ Господа Бога, да будетъ данъ трима анаѳема». Сдѣлана ссылка на «Книгу Іоанна Назарея архіепископа антіохійскаго, глава 20, л. 70». Такъ поучается въ старообрядческомъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь находящемся въ б-кѣ Иркут. Дух. Семинаріи, XLV 1797, л. 86). [1].

Дворъ у семейскихъ съ различными надворными постройками раздѣленъ на 2 (обычно) или на 3 части. За дворомъ находится гумно, часть котораго занимаетъ «ладонь» (токъ): тутъ хлѣбъ молотятъ машинами или «молотилами». За гумномъ идетъ огородъ. На широкихъ грядахъ съ толстымъ пластомъ навоза («назьму») въ четыре ряда сдѣланы углубленія («лунки»), а въ нихъ посажены огурцы капуста, брюква («бруква»). Зеленѣетъ на грядахъ также картофель («бульба»), бутунъ, чеснокъ, морковь. Много труда кладутъ женщины у семейскихъ на свои огороды. по разу или по два раза въ день онѣ поливаютъ огородныя гряды. А воду приходится таскать во многихъ мѣстахъ изъ-подъ горы или изъ колодцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ позволили географическія условія, проведены канавы. Такъ, въ Тарбагатаѣ двѣ канавы орошаютъ огороды. Одну канаву, въ нижней части села, провести легко было. Зато не мало труда положили тарбагатайцы на проведеніе канавы въ верхней части села, позади главной улицы. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ дядѣ Ивану, настоявшему провести въ прошломъ году канаву на протяженіи верстъ 6. Отъ этой канавы проведены рукава въ отдѣльные огороды. Иногда дядя Иванъ закрываетъ главную канаву у ея устья, и потокъ устремляется по самой улицѣ для освѣженія, «для воздуху». Дядя Иванъ—старикъ лѣтъ 70 съ лишнимъ, высокій, съ длинной сѣдой бородой, съ коротко остриженными волосами на головѣ Зимой и лѣтомъ онъ ходитъ въ одномъ и томъ же костюмѣ: безъ шапки, въ короткой курмушкѣ, въ ичигахъ, съ палкою въ рукѣ. Всѣ его помышленія въ прошломъ и въ этомъ году были устремлены на канаву. Спитъ и видитъ онъ ее. Иногда вскочетъ но-

[1]) Вслѣдствіе типографскихъ затрудненій въ передачѣ текста рукописей опущены надписные значки и раскрыты титла.

чью и спросонья кричитъ: «Ай, канава, канава прорвалась!».—Што ты, вѣдь ты въ избѣ,—проворчитъ старуха, и дядя Иванъ успокоится и заснетъ. За заботливость, которую дядя Иванъ выражаетъ и дѣломъ и еще больше словомъ, громкой руганью за непослушаніе, его прозвали въ селѣ комиссаромъ.—Въ Тарбагатаѣ проведены канавы и по «сѣнокосу»: водой ея поливаютъ траву.

Около огорода обыкновенно находится баня. Баня топится по-черному; но имѣются бани и съ трубами.

Въ каждомъ селѣ, около казенныхъ (съ гласнымъ *е* послѣ *з*, а не ѣ) амбаровъ, находятся общественныя сушила для просушки хлѣба. Это покатые помосты на четырехъ невысокихъ столбахъ: 2 столба по $2^1/_2$ арш., другія два по 2 арш. Покатъ сдѣланъ на югъ. Имѣются и частныя сушила.

Села семейскихъ по количеству домохозяевъ представляютъ собою большія русскія села, съ главной улицей, протянувшейся въ нѣкоторыхъ селахъ на нѣсколько верстъ. Вотъ цыфры домохозяевъ и населенія къ началу 1919 г. Въ Тарбагатаѣ 539 дворовъ; изъ нихъ 14 единовѣрческихъ, 60 православныхъ («сибирскихъ»), 465 старообрядческихъ Число населенія 3391. Въ Пестеревѣ старообрядцевъ всего 60 человѣкъ (всего здѣсь жителей 1279). Въ Куналеѣ 860 домохозяевъ; изъ нихъ 3 нестарообрядческихъ. Общее число жителей 4808. Въ Десятниковой 396 дворовъ; изъ нихъ старообрядческихъ 26. Число населенія 2096. Въ Надѣиной 290 домохозяевъ при 1606 человѣкъ населенія; изъ нихъ старообрядцевъ-поповцевъ 1196, безпоповцевъ 218, «сибиряковъ» 193. Въ Куйтунѣ 768 домохозяевъ при 4572 жителяхъ; старообрядческихъ 618 дворовъ при 3708 человѣкъ (изъ нихъ бѣлокринійцевъ 30 дворовъ и дворовъ 5 безпоповцевъ). Въ Старой и Новой Бряни 570 дворовъ при 4385 жителяхъ. Старообрядческихъ дворовъ 415 (въ Н. Бряни 378, въ Ст. Бряни 37). Въ Бурнашевкѣ 183 домохозяина при 1068 человѣкъ населенія; старообрядцамъ принадлежатъ 80 дворовъ. Въ Нижне-Талецкомъ жителей 654 человѣка, изъ коихъ 359 старообрядцевъ. Въ Нижней Жиримѣ 240 домохозяевъ; изъ нихъ 40 принадлежатъ безпоповцамъ-поморцамъ, столько же безпоповцамъ вообще, 115 поповцамъ Всего здѣсь старообрядцевъ 1118 человѣкъ Въ Верхней Жиримѣ 106 дворовъ, изъ коихъ 18 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 632 человѣка. Въ Мухоршибири 360 домохозяевъ; изъ нихъ старообрядческихъ 180. Общее количество населенія 2409 человѣкъ. Въ Н. Заганѣ 342 двора при 2350 жителяхъ; нестарообрядческихъ дворовъ здѣсь 10. Въ Шеролдаѣ 470 домохозяевъ, изъ которыхъ 70 нестарообрядческихъ. Число душъ мужск. п. 1530, женскихъ нѣсколько больше. Въ Гашеѣ 104 двора; изъ нихъ 2 нестарообр. Населеніе 577 человѣкъ. Въ Бичурѣ 1113 домохозяевъ и около 7000 человѣкъ населенія. Въ Харашибири 380 дворовъ, изъ которыхъ старообрядцамъ принадлежатъ 7; число жителей 2586. Въ Хонхолоѣ 696 домохозяевъ при 4287 человѣкъ населенія. 170 дворовъ принадлежатъ православнымъ. Старообрядцевъ безпоповцевъ дворовъ 300; прочіе—поповцы, въ числѣ которыхъ имѣются необщинники и общинники (дворовъ 50, имѣютъ свою церковь). Въ Никольскомъ 640 дворовъ, изъ которыхъ только 6 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь ок. 4200 человѣкъ. Поповцы здѣсь дѣлятся на общинниковъ (большинство; имѣютъ большую церковь, священника) и необщинниковъ (имѣютъ свою часовню). Въ Хараузѣ 370 домохозяевъ, изъ нихъ дома 3 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 1052 человѣка муж. п. и приблизительно столько же женскаго.—Цыфровыми данными на 1919 годъ для другихъ селъ я не располагаю. По оффиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ «Обзорѣ Забайк. Области» за 1908, 1909 1910, 1914 гг., общее количество старообрядческаго населенія, или на оффиціальномъ языкѣ, раскольниковъ, опредѣляется такими цифра-

ми. Въ 1909 г. во всей Забайкальской области старообрядцевъ было 54587 человѣкъ (27678 муж. и 26909 жен.); изъ нихъ 94,9% находилось въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ (51820). По сравненію съ 1908 г население увеличилось на 1913. Въ 1910 г. во всей Забайкальской области числилось 74557 старообрядцевъ (38025 мужчинъ и 36532 жен.); изъ нихъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 95,7% (71327). Что-то очень великъ выходитъ приростъ населенія въ теченіе одного года: на 19970 человѣкъ! Процентъ прироста старообрядческаго населенія очень внушительный. Прослѣдимъ нѣсколько цыфровыхъ данныхъ для одного села Бичуры. По архивнымъ даннымъ (Урлуцкаго и Бичурскаго архивовъ), въ 1808 г. [1]) въ Бичурѣ было 610 душъ об. п. (м. 300, ж. 310). На слѣдующій годъ показана цыфра бичурскаго населенія 652. Въ 1825 г. Бичура имѣла 614 м и 584 ж; изъ нихъ старообрядцевъ 530 м. и 539 ж. (всего 1069). Въ 1830 г. старообрядцевъ 619 м. и 657 ж. (правосл. 101 м. и 50 ж). Въ 1860 г.—1178 м и 1258 ж. (всего 2436). Правосл.—172 м. 102 ж.; единовѣрцевъ—25 м., 30 ж. Итакъ, съ 1808 г. до 1830 г старообрядческое населеніе въ Бичурѣ увеличилось вдвое (610, 1276). За слѣдующія 30 лѣтъ наросло населенія еще вдвое. За послѣднія 58 лѣтъ, къ 1919 г., бичурское населеніе увеличилось больше, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза За 110 лѣтъ съ 1808 до 1919 г. населеніе тамъ возросло до 7000 человѣкъ, т. е. увеличилось въ 11,3 раза. Домовъ въ Бичурѣ въ 1825 г. показано 150; къ этому надо присоединить домовъ 30 нестарообрядческихъ. Къ 1919 г. тамъ было 1113 домохозяевъ

Мы располагаемъ свѣдѣніями о количествѣ дворовъ (семействъ) старообрядцевъ, относящимися еще къ болѣе раннему времени, къ первымъ годамъ ихъ жизни въ Забайкальѣ. Именно, П. С. Палласъ, путешествуя по Сибири, объѣздилъ и Забайкалье (въ апрѣлѣ—іюнѣ 1772 г.). Онъ побывалъ и въ селахъ, гдѣ лѣтъ 6 тому назадъ, по его свѣдѣніямъ, поселились «польскіе колонисты», т. е. предки нашихъ семейскихъ, пришедшіе изъ Польши, и записалъ количество ихъ дворовъ въ той или иной деревнѣ. Такъ, въ Тарбагатаѣ было тогда 10 дворовъ (теперь 479), въ Хонхолоѣ 28 (теперь 526), въ Куйтунѣ 50 (теперь 618). Всего въ Тарбагатайскомъ округѣ, куда входили между прочимъ села Бурнашевка, Пестерева, Куйтунъ, Куналей, Брянь, число «новопоселеннныхъ колонистовъ» Палласъ опредѣляетъ цыфрой 466 [2]).

Семейскіе—народъ рослый, здоровый, красивый. Нерѣдки старики и старухи 80—90 лѣтъ. Но молодое поколѣніе уже мельчаетъ. По цвѣту кожи и волосъ отмѣтимъ слѣдующее. На-ряду съ великорусскимъ свѣтлымъ типомъ встрѣчаются и смуглолицые, съ большими карими глазами. «Смотри, какіе мы чумазые»,—замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ въ Тарбагатаѣ. «Вѣрно, повелось такъ отъ хохловъ, когда дѣды наши въ Польшѣ жили» [3]). Брадобритіе какъ душегубительный грѣхъ, строжайше воспрещается. Вернувшіеся съ военной службы епитиміей и покаяніемъ обязаны очистить свой грѣхъ невольной мерзости брадобритія. Воспрещается подходить къ кресту и къ иконамъ, пока не изгладятся слѣды богомерзкаго скобленія,—слѣды «блудолюбиваго образа прелести, душегубительныя помраченныя ереси, иже остругати браду» (отъ Потребника печати Іосифа патріарха, л. 443) До сихъ поръ еще блюдутся настойчивыя и суровыя осужденія этой римской папской ереси (см. ниже).

---

[1]) Цыфровыя данныя архивовъ извлечены изъ цитир. статьи П А Ровинскаго стр. 125—132

[2]) P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Ruszischen Reichs. III. St. Ptb. 1776, стр. 160, 165, 168, 257, 258.

[3]) Цыфровыя данныя антропологическихъ измѣреній см. въ брошюрѣ Ю. Талько-Грынцевича: «Къ антропологіи великороссовъ». Томскъ. 1898 – Къ сожалѣнію, количество субъектовъ, имъ обмѣренныхъ, незначительно.

Костюмъ женщины сохраняется издавна. Вотъ «обрядъ» замужней женщины. На головѣ *кичка*, сшитая изъ стеганой матеріи; имѣетъ видъ шляпы безъ полей, болѣе высокой спереди и нѣсколько понижающейся къ затылку. Передняя часть кички снизу имѣетъ неширокую полосу, вышитую бисеромъ. Но носятъ кички и безъ бисера. Молодухи вмѣсто бисерной полоски оторачиваютъ кичку снизу кучерями (*кучери*),—каймой изъ закругленныхъ гусиныхъ перышекъ. По затылку спущенъ *назатыльникъ*, шитый позументомъ. (Надѣвается въ праздничные дни и то не всѣми) Кичка покрыта шалью такъ, что два конца перевязываются спереди на кичкѣ и прячутся книзу; два другіе конца спускаются книзу, покрывая шею (см. прилож. снимки). Пожилыя женщины перевязываютъ покрытую кичку свернутымъ платкомъ: накладываютъ подъ подбородокъ, а концы завязываютъ на головѣ. Въ праздничные дни, въ торжественныхъ случаяхъ, надѣваютъ *кокошникъ*. Онъ имѣетъ видъ широкой туфли, шитой золотомъ или позументомъ. Онъ надѣвается на кичку и по бокамъ покрывается платкомъ (шалью). Кокошникъ старообрядческой женщины на Чикоѣ отличается отъ вышеописаннаго болѣе высокимъ и угловатымъ покроемъ (см на снимкѣ). Теперь кокошникъ надѣваютъ рѣдко. Я не видѣлъ ни одной женщины въ кокошникѣ. Съ видомъ и устройствомъ его я познакомился, только разсматривая женскій «обрядъ», хранящійся въ сундукахъ. Раньше обязательно, а теперь рѣдко, къ вѣнчанію молодая приготовляла кокошникъ; попъ въ церкви освящалъ его, возлагая на престолъ. Цвѣтная (обычно не узорами) рубашка съ глухимъ воротникомъ. Цвѣтъ рубашки разный: синій, красный, желтый. Цвѣтъ ея не совпадаетъ съ цвѣтомъ сарафана. Рукава доходятъ до кисти руки. По плечамъ и около локтя могутъ быть неширокія нашивки. *Сарафанъ* цвѣтной, яркаго цвѣта, съ большими рѣзкими цвѣтными узорами (обычно въ видѣ піоновъ и т. под крупныхъ цвѣтовъ). Внизу сарафана нашита цвѣтная полоска, рѣзко отличающаяся по цвѣту отъ сарафана. Могутъ быть и двѣ полоски, но по цвѣту разныя: вотъ лиловатый сарафанъ; по нему двѣ полоски: красная и повыше малиновая. Сарафанъ опоясывается самотканнымъ поясомъ. Узоръ пестрый, съ геометрическими фигурами. Сотканъ поясъ великолѣпно.—Такіе же пояса носятъ и парни.—Сбоку подвязанъ вышитый *карманъ*. Впрочемъ, теперь его носятъ рѣдко. Фартукъ («запонъ») цвѣтной (иного цвѣта по сравненію съ цвѣтомъ рубашки и сарафана) покрываетъ переднюю часть сарафана и доходитъ до половины грудей. Шнуромъ онъ держится на шеѣ, а на таліи онъ скрѣпляется также шнуромъ или тесьмой. Бусы украшаютъ грудь. Шнурокъ съ крестомъ надѣтъ также поверхъ рубахи. Крестъ всегда запрятанъ подъ фартукъ. На ногахъ сапоги съ широкими подборами. Смотря по погодѣ, надѣваютъ *курмушку* или *халатикъ*. Курмушка или *курма* —короткая одежда въ родѣ жакета съ клиньями. Шьется изъ плиса. Халатикъ доходитъ до колѣнъ. Онъ набрасывается на плечи, надѣтъ «на-растапашку». Когда же итти въ церковь, полагается надѣть его на-рукава. Въ теплую погоду вмѣсто халатика покрываются длиннымъ платкомъ: двумя концами онъ стягивается подъ подбородкомъ, а всею прочею частью (не сложенной вдвое) спускается съ головы назадъ. На пальцахъ носятъ кольца. У старухъ (немногихъ) я видѣлъ на рукѣ мѣдный браслетъ («брушлетъ»). По объясненію одной старушки, браслеты носятъ будто бы для облегченія рукъ при жатвѣ (с. Никольское)

Дѣвушкамъ кички носить, конечно, не полагается. Вмѣсто нея онѣ носятъ головныя повязки, иногда съ жемчужными привѣсками. Такой уборъ отмѣчаетъ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ на югѣ [1]). Головную повязку съ *рясами* указывалъ въ 70-хъ г.г.

[1]) «Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальѣ» Протоколъ Троицкосавско-кяхтинскаго Отдѣленія Приамур. Отд. Р. Г. Об-ва № 2 (1894), стр. 28

и П. А. Ровинскій. Но я такой повязки въ посѣщенныхъ мною селахъ не встрѣчалъ. Я замѣтилъ лишь, что дѣвушки надѣваютъ головную повязку, когда онѣ идутъ въ церковь (с. Никольское) Ни одной дѣвушки и дѣвочки безъ повязки я не видѣлъ въ церкви. Повязка представляетъ слѣдующее: картонъ, вырѣзанный въ формѣ серповиднаго кокошника, обертывается платкомъ (шалью), концы котораго перевязываются на затылкѣ и спускаются книзу. «Она при бумашки», говорятъ о дѣвушкѣ съ такой повязкой. Грудь у дѣвушки въ изобиліи украшена бусами (см. снимокъ).

Рубаха *мужчины* обычная великорусская. Въ рубахахъ стариковъ замѣтилъ слѣдующее отличіе: воротника почти нѣтъ: онъ замѣненъ узенькой полоской. Обычно рубаха и штаны шьются изъ покупной матеріи. Но носятъ рубахи и изъ самотканнаго холста, окрашеннаго въ синюю краску. Изъ такого же холста шьютъ и штаны. Покрой штановъ: очень широкіе, съ напускомъ. Молодежь уже шьетъ узкіе штаны. На ногахъ обычно *ичиги*, иногда сапоги. На головѣ носятъ небольшую валяную шляпу. Встрѣчаются молодые мужики и ребята съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. На рубаху, смотря по погодѣ, надѣваютъ поддевку или курму (курмушку). Поддевка короткая, недоходящая до колѣнъ. Курма или курмушка имѣетъ такой же покрой, какъ у бабъ. На югѣ, въ глухихъ мѣстахъ, молодежь носитъ куртики со стоячимъ воротникомъ, съ вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ лацканами. Поддевка, курма и куртикъ сшиты изъ плиса. Молодежь не строго держится стараго покроя платья: носитъ пиджаки, картузы. Когда идутъ въ церковь или въ моленную, надѣваютъ обязательно *халатъ*. Въ халатѣ стоятъ въ церкви и старики, и парни, и ребятишки.

Исключительное занятіе семейскаго—*земледѣліе*. Въ обработкѣ поля онъ чрезвычайно трудолюбивъ. Нѣтъ ни одной полоски удобной земли, которую онъ тщательно не приспособилъ бы для посѣва, хотя и не всегда получаетъ вознагражденіе за свои труды, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій Пашню—паръ семейскій обязательно троитъ; двоитъ рѣдко. «Два раза вспашешь,—2 хлѣба возьмешь. Три раза вспашешь,—3 хлѣба возьмешь». Пашутъ не только мужчины, но и бабы и дѣвки: «работники дорогіи».

Трудолюбіе семейскихъ и резузьтаты его были отмѣчаемы съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ поселенія въ Забайкальѣ. Въ 1772 году Палласъ обращаетъ особое вниманіе на «большой трудъ и прилежаніе» и на «чрезвычайный успѣхъ» «польскихъ колонистовъ». Онъ же описываетъ и нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни забайкальскихъ старообрядцевъ (см ниже). Въ 20 хъ г г. прошлаго столѣтія с Тарбагатай посѣтилъ А. Мартосъ и въ своихъ «Письмахъ о восточной Сибири» (М. 1827, стр. 115) отмѣчаетъ у семейскихъ «страсть къ землепашеству», «неутомимое прилежаніе, дѣятельность». Такіе же отзывы о нихъ оставили и декабристы, проходившіе черезъ старообрядческія села въ Петровскій заводъ. «Все у нихъ [у тарбагатайскихъ старообрядцевъ] соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». Такъ отзывался о нихъ декабристъ А. Е. Розенъ [1]). Такъ же характеризуются семейскіе и въ послѣдующее время. «Крѣпкій физически и нравственно, семейскій мужественно ведетъ борьбу съ природой: разрубаетъ лѣса, осушаетъ болота и обращаетъ ихъ въ плодородныя нивы и тучные луга; по общему отзыву, *семейскимъ* главнымъ образомъ весь верхнеудинскій округъ обязанъ благосостояніемъ». Такъ писалъ въ 1871 г. П. А. Ровинскій [2]). Большое культурное значеніе семейскихъ для Забайкалья отмѣча-

[1]) Записки барона А. Е Розена. «Отеч. Записки», 1876 г., № 4, 412.
[2]) Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Об ва Т. III, № 3, 122—123.

етъ и оффиціальный отзывъ о нихъ: «Особенно важное значеніе для края имѣло появленіе въ Забайкальѣ на жительство раскольниковъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «семейскихъ», поселившихся въ Верхнеудинскомъ округѣ». Такъ говорится о семейскихъ въ «Приложеніи къ Всеподданѣйшему Отчету Воен. Губ Забайк. Области»[1]).

Какъ живетъ старообрядческое населеніе? Какія болѣсти и чаянія его?

Прежде всего въ каждомъ селѣ отъ каждаго собесѣдника я слышалъ неизбѣжную жалобу на недостатокъ земли. Отъ старика и старухи до парнишки всѣ въ одинъ голосъ вопили: земли мало, земли дайте, хлѣба недостаетъ, сѣна не хватаетъ. И эти вопли не жадность семейскихъ. Съ землей обстоитъ у нихъ дѣло не благополучно. Посѣвная площадь недостаточна. На душу приходится отъ 2—2½ до 5 (рѣдко) десятинъ. Есть и такія села, гдѣ душевой надѣлъ удобной пахотной земли меньше 2 десятинъ. Такъ, напр., въ Билютомъ (Окино-Ключевской вол.), по оффиц. даннымъ 1914 г., пахатной земли 711 десятинъ, число мужскихъ душъ 452 Въ Урлукѣ 4289 десятинъ при 3203 муж. душъ. Сравните въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ въ Забайк. Области», находящемся въ «Памятной книжкѣ Забайкальской Области на 1914 г.». (Чита 1914). Къ тому же, то холодъ повредитъ урожаю, то градъ выбьетъ, то «кобылка» поѣстъ. Въ с. Тарбагатаѣ и Куналеѣ уже 2 года, какъ нѣтъ урожая. А въ с. Хараузѣ ежегодно, кажется, недостаетъ своего хлѣба. Кормятся хлѣбомъ, привозимымъ изъ южныхъ селъ, съ Хилка, главнымъ образомъ изъ Бичуры. Въ послѣднее время на деньги тамъ не хотятъ продавать хлѣбъ: обмѣниваютъ на женскіе наряды. Недостатокъ надѣльной земли заставляетъ крестьянъ арендовать землю у бурятъ. Почти каждый домохозяинъ снимаетъ по мѣрѣ своихъ силъ то или иное количество земли у бурятъ. Арендная плата въ этомъ году 80—120 р. за десятину. Бываютъ и иныя условія: крестьянинъ обязывается вспахать и засѣять своими сѣменами бурятскую землю, сжать и обмолотить, а зерно и солому раздѣлить пополамъ съ владѣльцемъ земли («сѣить съ половини»). Но не каждому крестьянину буряты сдаютъ землю. Нѣкоторымъ они отказываютъ по какимъ-нибудь соображеніямъ... «Любить, штобы кланялись ему. Заламаетца, а ты просишь ево: талаша, дай землицы». «Они—наши помѣшшыки»,—обычно говорятъ тамошніе крестьяне и выражаютъ весьма энергичныя претензіи завладѣть частью бурятской земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была назначена особая комиссія, которой произведенъ былъ осмотръ бурятской земли и намѣчены были участки для передачи крестьянамъ. При большевикахъ эти участки были утверждены за крестьянами Но въ настоящее время эта земля остается пока объектомъ претензій крестьянъ. «Хлопочимъ, но наша сила у тукъ нейдѣть». Пока семейскіе ожидаютъ законнаго общаго передѣла земли, не хотятъ «итить на силокъ, нахратомъ брать» Но это терпѣніе не прочно. При переживаемомъ безвременьи эти претензіи могутъ повести къ печальнымъ результатамъ. Не претендуетъ на бурятскую землю только населеніе Хярауза,—и то потому, что эта земля далеко отъ нихъ. Но у хараузцевъ въ теченіе 40 лѣтъ идетъ споръ съ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго изъ-за покосной площади. Отвѣтъ на свои жалобы хараузцы получали отъ властей слѣдующій: «Право на спорную площадь покоса принадлежитъ вамъ;—жалуйтесь». А жаловавшимся никольцамъ тѣ же власти говорили: «Вы фактически пользуетесь этой площадью и продолжайте пользоваться». Хараузцы показывали мнѣ много документовъ, оправдывающихъ ихъ претензіи. Въ областномъ земельномъ комитетѣ обѣщали рѣшить этотъ вопросъ къ

---

[1]) Обзоръ Забайк. Области за 1881 г. Стр 3

концу іюля. Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи жалобы харaузцевъ послѣдніе непрочь прибѣгнуть къ оружію и «на-грудки лѣзть». Не благополучно обстоитъ дѣло съ сѣнокосами и выпасомъ и въ другихъ селахъ. Въ особенности тяжело приходится заганцамъ. У нихъ есть небольшой участокъ подъ покосъ. До 1 іюня ст. ст. скотъ пасется тамъ. Но съ 1 го іюня покосъ запираютъ, и скоту пастись совершенно негдѣ. Остается только болото у села, куда рискуютъ залѣзать однѣ свиньи

Молодой скотъ семейскіе сдаютъ на пастбище бурятамъ за извѣстное вознагражденіе Получаютъ скотъ обратно не безъ урона. Отдавать молодой скотъ на лѣтнюю кормежку бурятамъ издавна практикуется тамъ. Такъ дѣлали уже въ 70 хъ г. г. XVIII-го в: указаніе на это имѣется у Палласа (III, 168).

Чтобы поправить свои дѣла по хозяйству, семейскіе ходятъ на з а р а б о т к и на желѣзнодорожныя станціи или на пріиска (на Олекму, на Зею). Много уходитъ на заработки изъ селъ Хараузa, Никольскаго, Хонхолоя, Тарбагатая, Мухоршибири и нѣкоторыхъ другихъ. По пріискамъ давно уже ходятъ Въ 1882 г., напр. ушло изъ Мухоршибири 780 человѣкъ[1]) На пріискахъ теряютъ нерѣдко здоровье и жизнь. Тѣ, кто не забалуется на чужой сторонѣ, возвращаются домой съ деньжонками. Удается не только поправить дѣла по хозяйству, но и скопить небольшой «капитулъ».—«Ну, и раздулъ кадила» —говорятъ о разбогатѣвшемъ.

Затруднительное положеніе у себя на родинѣ, принуждаетъ семейскихъ искать болѣе свободныхъ земель и п е р е с е л я т ь с я. Тянутся на Амуръ На Троицу изъ Мухоршибири направилось туда 10 семей

Другое обстоятельство, угнетающее семейскихъ,—это с о в р е м е н н а я н е у р я д и ц а. Будетъ ли порядокъ?»—опять неизмѣнный вопросъ задававшійся мнѣ на каждомъ шагу мужиками. «Видно намъ не дожить до порядку!»—меланхолично замѣчали вздыхая, старики. Неурядицей вызвано и ненадежное настроеніе мобилизованныхъ. Семейскіе, какъ, повидимому, и прочіе тамошніе крестьяне, не понимаютъ значенія борьбы съ большевиками. «Богъ вѣсть, зашто народъ убиваютъ! Партіи борютца, а народъ пошто мѣшаютъ?» - Это замѣчаніе не разъ приходилось слышать въ деревнѣ «Будь порядокъ, мы солдатъ дадимъ. Какъ можно безъ войсковъ? Никакъ нельзя. А таперь парней взяли, а тамъ ихъ смущають,—говорють: вы не идите за Кульчука, и тащутъ на другую сторону. Иные на свою сторону манють. А наши парни глупые,—мы народъ темный,—боятца: возьметь верхъ другая «партія» и будеть наказывать солдатъ,—вотъ бѣгуть и бѣгуть. Насъ стариковъ наказывають, а мы што съ парнями подѣлаемъ: оны намъ на глаза не показываются».

Очень безпокоятъ семейскихъ недоразумѣнія въ средѣ нашихъ союзниковъ. Первый большой вопросъ, предложенный мнѣ въ Тарбагатаѣ, былъ такой: «А какъ на-шшэтъ войны Америки съ Японіей?»—Какой войны?—переспрашиваю я «А въ Удинскимъ на Березовкѣ, ужъ окопы вырыты». Этотъ вопросъ мнѣ задавали въ каждомъ селѣ. Съ перваго разу меня считали въ селѣ, куда я пріѣзжалъ, за американца и относились благожелательно. «Маланья! пошто сходъ собирають?—кричитъ одна баба другой (въ Хонхолоѣ). «Американецъ пріѣхалъ, подписы брать, на чьей мы сторонѣ,»—отвѣчаетъ та «Американецъ», т. е я, сидѣлъ около одной изъ этихъ бабъ и мирно бесѣдовалъ объ огородѣ. «А зачѣмъ японцы недавно пріѣзжали и планы снимали?»—освѣдомляются у меня въ Харaузѣ собравшіеся въ волости старики.

---

[1]) «Сибирь» 1882 г., № 5

И еще постоянныя жалобы сельскихъ обывателей: подати не по силамъ. 40—42 рубля съ души земскихъ налоговъ; кромѣ того волостныя подати, а тутъ еще у нѣкоторыхъ подоходный налогъ: 100—300 рублей на домохозяина. Гдѣ намъ взять такія деньги? Энонъ дядя Хома,—одинъ, сынъ въ солдатахъ у самого ноги болятъ а подоходный налогъ плати,—100 рублей. Хорошо, если можно хлѣба продать. А мы его сами покупаемъ (въ Тарбагатаѣ, Куналеѣ, Хараузѣ). Нынче правительство не народное.—Почему?—А зачѣмъ оно противъ народу.-Чѣмъ?—Податями. Слѣдовало далѣе перечисленіе податныхъ тяготъ

Мѣстные представители власти, чины милиціи отчасти способствуютъ успокоенію, но только отчасти. Изъ положительныхъ сторонъ ея дѣятельности надо указать на энергичное преслѣдованіе разбойническихъ шаекъ. Это сознаютъ и крестьяне. Но не меньше и жалобъ на милицію Она заводитъ кумовство съ преступными элементами, потворствуетъ имъ, не отзывается на обиды, чинимыя ими, пьянствуетъ. «Какой это начальникъ! Вчера стоялъ подъ березкой и грабилъ а таперь милиція,»—во всеуслышаніе раздавалось по селу. Вообще въ такой аттестаціи милиціи въ селахъ не стѣснялись, и громче всѣхъ выражалось недовольство со стороны «женскаго полку» Въ селѣ Никольскомъ разсказывали, какъ отыскивали оружіе у одного богатаго мужика: избили до полусмерти, въ ротъ навозъ («назёмъ») забивали; довели до того, что бѣдняга разумомъ повредился. А пьянство до того доходитъ, что одинъ милиціонеръ арестовываетъ другого; бываетъ, что младшій сажаетъ подъ арестъ старшаго. Единственное сдерживающее начало для сельской милиціи—уѣздный начальникъ, страхъ передъ которымъ кое-въ чемъ останавливаетъ блюстителей порядка.

Отношеніе къ «большевизнѣ» сочувственное. Эти села только слышали программныя рѣчи большевиковъ и видѣли ихъ бѣгущими послѣ своего паденія По мѣстамъ съ благодарностью вспоминаютъ, что большевики разрѣшили воспользоваться крестьянамъ спорной бурятской землей. Вернувшіеся военноплѣнные своими разсказами о голодающихъ деревняхъ Европейской Россіи нѣсколько поколебали надежды на большевицкое благополучіе.

Вотъ нѣкоторые факты для представленія о политическомъ «умонастроеніи» семейскихъ. Но изъ этихъ фактовъ невозможно сдѣлать опредѣленнаго заключенія о политическихъ тенденціяхъ семейскихъ. Могу лишь еще замѣтить что ихъ весьма безпокоитъ отсутствіе главы государства,—отсутствіе «хозяина». Кого бы они желали видѣть «хозяиномъ», президента или монарха? Этотъ вопросъ, боясь быть заподозрѣннымъ, я избѣгалъ предлагать. Но нерѣдко въ разговорѣ со стариками для меня представлялось, что этотъ вопросъ они рѣшили-бы такимъ образомъ: хорошо-бы, если-бы тамъ, гдѣ то вверху, сидѣлъ царь,—сталъ бы порядокъ въ государствѣ, а поближе къ намъ, къ народу, правителями были бы большевики или вродѣ нихъ. Въ Тарбагатаѣ мнѣ передавалъ старикъ, какъ одинъ старообрядецъ, ученый человѣкъ, дивно начитанный, говорилъ, что въ Учредительномъ Собраніи будутъ выбирать хозяина земли русской по писанію; а писаніе укажетъ-де, что долженъ быть царь.

Семейскій—трудолюбивый земледѣлецъ. Все, что выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ обрабатыванія земли, мало привлекаетъ его вниманіе, если не затрагиваетъ его жизненныхъ интересовъ. «Мы народъ глупый, темный, необразованный,—знаешь—семейшина» и т. п выраженіями аттестуютъ себя семейскіе.—Нѣтъ, говоришь имъ,—народъ вы не глупый, сметливый, но, что правда,—народъ темный Школьное дѣло въ селахъ семейскихъ стоитъ на крайне низкой ступени. Можно сказать, школы у

нихъ нѣтъ. Грамотнаго человѣка въ селѣ не легко найти. Если найдешь, то окажется, что грамотѣ онъ обучился на военной службѣ. Въ 7 волостяхъ, посѣщенныхъ мною, я не встрѣтилъ ни одного грамотнаго предсѣдателя. Въ огромномъ селѣ Куналеѣ при моемъ пріѣздѣ не было секретаря (писаря). Уже съ недѣлю какъ ушелъ. За это время набралось много казенныхъ пакетовъ въ волости. Можетъ быть, тамъ были и срочныя дѣла. Кто ихъ знаетъ. Новаго секретаря, который прочиталъ бы эти пакеты, не подыскали еще.

Единственнымъ мѣстнымъ источникомъ мудрости является уставшыкъ (уставщикъ) или справшыкъ. Онъ обучаетъ кое кого изъ ребятъ церковно-славянской грамотѣ, чтобы они могли, лѣтъ черезъ 5 обученья, прочитать на «клыросѣ» часы, шестопсалміе или кануны. Къ обученію же гражданской грамотѣ уставщики относятся недоброжелательно и тормозятъ дѣло народнаго образованія. Они рѣшительно возстаютъ противъ открытія школъ, угрожая отлученіемъ отъ общины.—«Не буду хоронить, не пущу въ церковь, въ молитвенный домъ»,—грозно заявляетъ уставщикъ своему послушному темному стаду. Въ минувшемъ году былъ съѣздъ уставщиковъ, и на этомъ съѣздѣ было постановлено ими: «школъ не открывать». Забыто или обойдено изреченіе изъ словъ Іоанна Златоустаго, которое имѣется въ ихъ старообрядческихъ сборникахъ: «Сладостенъ убо цвѣтникъ и рай; много же сладостнѣе книжное прочитаніе и разумъ». Уставщики—страшное зло въ семейскихъ обществахъ. Эти мракобѣсы губятъ тѣло и душу простого человѣка,—губятъ произволомъ своей церковной власти. Сами они, бредя по церковнымъ книгамъ, совершенно не разумѣя самаго простого текста и наивно толкуя его, мнятъ себя непогрѣшимымъ кладяземъ премудрости. Вотъ образецъ глубины и чистоты этого кладязя. Одинъ изъ передовыхъ молодыхъ старообрядцевъ, желая показать всю глупость и надутость своего уставщика, нежелавшаго приглашать учителя для ребятъ, вызвалъ его на грамматическій споръ. Тотъ принесъ свои непогрѣшимыя книги. И въ этихъ книгахъ встрѣтилось названіе падежа - родительный,—и числа—множественное—.«Что это такое?»—спрашиваетъ молодой старообрядецъ.—Это,—грубо кричитъ во все горло уставщикъ,—это по нашему Сусой, а если Сисой, то это будетъ значить родительный.—Зимою по старообрядческимъ селамъ Верхнеудинскаго у. проѣзжалъ земскій школьный инструкторъ, самъ старообрядецъ. Всѣ его усилія, всѣ увѣщанія на основѣ святоотеческихъ писаній остались напрасны. Тотъ уставщикъ сорвалъ сходъ, другой терроризовалъ стариковъ, запугавъ ихъ муками ада, а тамъ этотъ инструкторъ возбудилъ къ себѣ подозрѣніе, какъ отступникъ, служащій въ земствѣ. «Служу въ земствѣ»—одного этого было достаточно для того, чтобы тонъ разговора сейчасъ же измѣнился въ худшую сторону. А въ огромномъ селѣ Бичурѣ рѣчь инструктора прерывалась шумными криками: «Не надо намъ этого! Жили мы и безъ школы, да цѣлы были». Отрицательное отношеніе къ школѣ вызывается не только внушеніемъ мракобѣсія уставщиковъ, но и подозрительностью семейскихъ, развившеюся на основѣ горькихъ опытовъ прошлаго въ ихъ жизни,—ихъ боязнью, какъ бы не попасться въ ловушку. «Мы боимся,– говорили н.-жиримскіе старообрядцы инструктору,—что насъ обманутъ и насильно потомъ принудятъ къ тому, что намъ не нравится». Школы въ нѣкоторыхъ селахъ существуютъ. Но посѣщаемость ихъ весьма незначительна, и немногіе учащіеся принадлежатъ не къ старообрядцамъ. Изрѣдка встрѣчаются въ школахъ и дѣти послѣднихъ. Состояніе школъ, которыми могли бы располагать старообрядцы, чрезвычайно тяжелое. Населеніе относится къ нимъ безучастно. Вотъ огромное село Бичура. Для здѣшнихъ старообрядцевъ имѣются 2 школы. Но обѣ онѣ влачатъ жалкое существованіе, въ особенности одна изъ нихъ. «Во

время моего посѣщенія (въ февралѣ),—сообщаетъ инструкторъ,—въ этой школѣ было только 8 человѣкъ учащихся, дровъ не было ни одного полѣна и печь была совсѣмъ нетопленой. Учительница занималась съ дѣтьми въ шубкѣ, въ платкѣ и въ валенкахъ. Дѣти всѣ были тоже одѣты. Къ концу урока руки у дѣтей совсѣмъ закоченѣли и они не могли ими писать».

Какъ ни давятъ уставщики, все же нѣкоторые стремятся научить своихъ дѣтей и, минуя школу, отдаютъ ихъ частнымъ, убогимъ учителямъ. Такъ, напр., въ селѣ Надѣинѣ. Въ этомъ селѣ имѣется земская школа, гдѣ обученіе, разумѣется безплатно. И все же въ школѣ всего 6 человѣкъ Между тѣмъ, у домашнихъ учителей за особую плату обучается около 40 дѣтей и подростковъ.

Нѣкоторыя общества не высказывались рѣшительно противъ школы. Они только хотѣли бы, чтобы школа была въ ихъ духѣ, чтобы посредствомъ школы не навязывалось чуждое укладу жизни старообрядца. Любопытно познакомиться съ характеромъ отвѣтовъ, данныхъ инструктору на поставленные имъ вопросы на сходѣ въ с. Шеролдай. Вопр. Какую цѣль ставите школѣ? Отв. Главнымъ образомъ воспитательную; но не отрицаемъ и образовательной. В. Значеніе личности учителя въ дѣлѣ воспитанія? Отв. Учитель—все; нехорошій человѣкъ не можетъ быть учителемъ. В. Допускаете ли возможность присылки или выписки учителя со стороны Отв. Пока нѣтъ. А дальше будетъ видно. В. Курсы для учителей Отв. Сами по себѣ такіе курсы желательны. Но вопросъ,—кто ихъ будетъ устраивать. Изъ отвѣта села Н.-Жиримы. Школа должна научить дѣтей читать и писать русской гражданкой, читать по-церковно-славянски, считать устно, письменно и на счетахъ, любить Бога и Его святой законъ. Учителемъ желаютъ имѣть образованнаго старообрядца. По вопросу о средствахъ для содержанія школы высказались за собственныя средства: если прибѣгнуть къ земству, то оно будетъ тогда и завѣдывать школой.

Передъ моимъ пріѣздомъ въ с. Хараузъ тамошній сходъ, благодаря усиліямъ одного молодого старообрядца, составилъ приговоръ объ открытіи въ этомъ селѣ земской школы. При этой школѣ предположено 2 учителя: одинъ, назначенный земствомъ, будетъ обучать общеобразовательнымъ предметомъ, другой—старообрядецъ, выбранный міромъ, будетъ преподавать церковно-славянское чтеніе и Законъ Божій. Домъ для школы отводитъ одинъ изъ крестьянъ. Содержаніе школы отнесено на счетъ земства. Собиралось обсудить вопросъ о школѣ и хонхолойское об-во Находясь въ Мухоршибири, я получилъ изъ Хонхолойской волости срочно пакетъ съ приглашеніемъ пріѣхать на сходъ, 9 іюня, «для обсужеенія давно назрѣвшаго вопроса объ открытіи училища среди старообрядцевъ и пр.». Но мой путь лежалъ къ югу. Когда, спустя недѣлю, я доѣхалъ до этого села и освѣдомился о школьномъ вопросѣ, то оказалось, что этотъ вопросъ остался открытымъ неизвѣстно до какихъ поръ.

До отъѣзда къ семейскимъ я долго бесѣдовалъ съ инструкторомъ-старообрядцемъ, съ глубокою скорбью разсказывавшимъ мнѣ о темнотѣ своего народа, и, казалось, конца онъ не видѣлъ тому мраку и гнили, которые заволокли его собратій. Познакомившись съ ними на мѣстѣ, я не вынесъ впечатлѣнія безысходности. Недовольство, пока скрытое, по поводу запретовъ, налагаемыхъ уставщиками и стариками, широко распространяется среди молодого поколѣнія,—среди мужиковъ и парней. Въ особенности велико значеніе въ этомъ отношеніи, оказанное военной службой и войною. Въ каждой бесѣдѣ, на-ряду съ жалобами на земельныя затрудненія, на неурядицы, шли жалобы на собственную темноту.—Да кто же въ этомъ-то вино-

вать? Учились бы!—«Да все старики виновати,—грѣхъ,—говбрють». «Старики училишша не дають». «Старики училишша ни примають». «Отця-матеря виновати». «Справшыки училишша намъ не дають, у церкву пускать не будуть». «Безъ училишша мы какъ безъ глазъ». Вотъ выраженія, какія я слышалъ отъ молодыхъ мужиковъ и парней. Послѣднее выраженіе принадлежитъ 15 илѣтнему парню Антамону. «Да нѣтъ, будетъ ужъ: безъ школы не обойдешься. А то что: идешь по городу, видишь—написано и ничего не понимаешь. Идешь, какъ скотина. А когда въ солдатахъ были. Вѣдь срамъ-то какой: что не старообрядецъ, то неграмотный. Смѣются! Письмо нужно написать,—проси другихъ. Получишь письмо—заставляй читать другого. А въ письмѣ може, прописано: жена убѣжала. Бѣда, паря!» Такъ разсуждають молодые крестьяне. Школа нужна. Темнота связала по рукамъ и по ногамъ. Выражалось и рѣшительное пожеланіе къ скорѣйшему открытію школы. Все это я наблюдалъ въ постоянныхъ собесѣдованіяхъ въ каждомъ селѣ. Земство должно скорѣе прійти на помощь молодому поколѣнію старообрядцевъ и, учитывая особенности ихъ быта и настроенія, открыть хорошія образовательныя школы и курсы. Ждать, пока инициатива выйдетъ отъ общества, напрасно: надо опять-таки не забывать жизненнаго уклада старообрядца: старики и уставщики приговоровъ объ открытіи школъ составлять не будутъ, а молодое поколѣніе выразить гласно своего протеста не сможетъ да и не посмѣетъ. Во что бы то ни стало, нужно обуздать мракобѣсіе уставщиковъ: они губятъ народную жизнь.

Уставщики возстаютъ не только противъ образованія, но и противъ медицины. Отъ всѣхъ болѣзней тамъ лѣчатъ знахарки. Обратиться къ врачу—большой грѣхъ, по писанію Тамъ сказано: «О врачахъ. Лучше есть в нездравіи пребывати, нежели ради премѣненія немощи въ нечестія впасти. Аще бо і уврачюетъ бѣсъ, бол'ми повредитъ), нежели пол'зова». Такъ говорится въ одномъ старообрядческомъ рукописномъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь хранящемся въ Ирк. Дух. Сем. (XLV, 1798). Оспу прививать, конечно, воспрещено[1]. Года 4 тому назадъ въ старообрядческихъ селахъ свирѣпствовала эпидемія оспы. Много молодыхъ жизней унесла она. Въ Куналеѣ умерло за одинъ годъ 700 ребятъ, въ Куйтунѣ—800! Въ каждомъ селѣ вы на каждомъ шагу встрѣтите лица, испещренныя оспой. Не мало слѣпыхъ и одноглазыхъ отъ той же болѣзни. Тифъ, скарлатина также бушуютъ тамъ. Во время моей поѣздки было много больныхъ тифомъ. Въ Тарбагатаѣ имѣется больница. И надо замѣтить что вопреки ругани и анаѳемствованію уставщиковъ больными старообрядцами она посѣщается. Тайкомъ прививаютъ и оспу. Для избѣжанія грѣха *записи* въ больничную книгу нѣкоторые записываются не подъ своей фамиліей. Въ этомъ селѣ я жилъ у старика, внукъ котораго болѣлъ тифомъ. Старичекъ-врачъ посѣщалъ больного. Пасмурно принималъ его хозяинъ. «Каждый разъ когда уйдетъ докторъ, я молю Бога простить меня за мое прегрѣшеніе, за то, что я дерзнулъ усумниться въ его всемогуществѣ».

Солнце печетъ немилосердно. На огородѣ рыться слишкомъ жарко стало. Иду къ колодцу. Онъ не глубокій. По бокамъ покрытъ льдомъ Баба несетъ ведра съ водой пополамъ со льдомъ.—Ледъ то зачѣмъ?—«А мы его въ чашку кладемъ и ребятишкамъ даемъ. Оны сосуть и не плачуть». Отойдя нѣсколько шаговъ, встрѣтилъ

[1]) Такъ повсюду у старообрядцевъ «Не прищеплюютъ воспы» и старообрядцы румынской Добруджи «Повѣрите вы: есть которые уже по 300 и 400 франковъ аменду платили. У остроіъ по второму разу идуть» «Мы бѣлокриницкіе подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги» (метрическія) В Г. Короленко Очерки и разсказы. Кн IV. 226—234 («Надъ лиманомъ»).

мужика: идетъ къ уставщику: пригласить на похороны своей младшей дѣвочки. «Горлушкомъ маялась и померла».

Уставщики не уступятъ добровольно своей власти. Если у старообрядцевъ-поповцевъ т. е. пріемлющихъ священника «по ихъ волѣ», кто либо заведетъ рѣчь о поискахъ попа, то уставщикъ и его подголоски старики загорланятъ: «Ищи если тебѣ хочется. А намъ попа не нужно».

Въ вопросѣ: како вѣруеши? семейскіе въ разбродѣ. Нѣтъ ни одного села, въ которомъ старообрядцы были бы одного толка. Большинство принадлежитъ къ поповцамъ. Поповцы дѣлятся на общинниковъ, зарегистрировавшихся, какъ община, по закону 1906 г., и необщинниковъ (большинство). Общинниковъ много въ с. Никольскомъ. Эти поповцы, руководимые своимъ умнымъ уставщикомъ, признали общину и нашли себѣ батюшку, престарѣлаго старообрядческаго священника бѣженца изъ Самарской губ. Первый разъ никольскіе общинники слышали свѣтлую заутреню. Слезами обливались отъ радости. Другимъ поповцамъ такого религіознаго подъема испытывать не приходится: вечерню, часы, кануны отправляетъ уставщикъ. Онъ же можетъ совершать и нѣкоторыя требы: крещеніе (не міропомазаніе), похороны. Вѣнчанія у нихъ тоже нѣтъ: «у насъ блудно сходютца». Лишь спустя нѣсколько лѣтъ, навернется откуда-нибудь батюшка, наложитъ эпитимію на сошедшихся и повѣнчаетъ. Молодые сходятся иногда воровски безъ согласія старшихъ. Спустя нѣкоторое время, молодые приходятъ къ роднымъ невѣсты, бухаютъ въ ноги съ повинной,—происходятъ «простины», сопровождаемыя гулянкой. Къ помощи священника отъ общинниковъ поповцевъ, поповцы-необщинники ни въ коемъ случаѣ не прибѣгнутъ: одни другихъ считаютъ заблудшимися еретиками.

Имѣется небольшое число семейскихъ, принадлежащихъ къ бѣлокриничской епархіи (въ с. Куйтунъ).

Безпоповцы нѣсколькихъ толковъ. Старые безпоповцы и новые, бывшіе раньше поповцами; но затѣмъ они отказались принимать бѣглыхъ поповъ. Прежніе безпоповцы, безпоповцы поморцы, не сообщаются съ позднѣйшими безпоповцами (с. В. Жирима).

Имѣются еще *темновѣрцы*, самые заскорузлые фанатики: какъ на исчадіе ада смотритъ темновѣрецъ на человѣка не своего толка. «Темновѣрцы у церкви безъ свѣчей; ихъ могилы особь» (Куналей).

Въ Хонхолоѣ мнѣ указывали еще на *песочниковъ*, употребляющихъ при крещеніи песокъ вмѣсто воды.

Въ каждомъ селѣ поповцы и безпоповцы имѣютъ свои молитвенные дома. Въ Никольскомъ у поповцевъ-общинниковъ большая церковь, а у необщинниковъ—часовня. Во время остановки въ Мухоршибири я былъ за вечерней въ пятницу передъ Троицей, т. е. наканунѣ родительской субботы, въ молитвенномъ домѣ у поповцевъ. За вечерней поминали «родителевъ». Небольшое помѣщеніе раздѣлено на 2 части. Въ задней части стоятъ женщины, въ передней мужчины. Въ передней же части по бокамъ помѣщаются лѣвый и правый «клыросы». По срединѣ передней части, поближе къ амвону,—аналой, передъ которымъ стоитъ уставщикъ. Къ восточной стѣнѣ ведетъ небольшое возвышеніе, вродѣ амвона. Стѣна уставлена иконами стараго письма. Къ аналою уставщика подходитъ длинный столъ, уставленный «канунами»,—банками меда съ пшеничкой; на каждой банкѣ прилѣплена горящая свѣча. Чтеніе и возгласы уставщика сопровождались пѣніемъ то одного, то другого клыроса. Въ опредѣленныхъ частяхъ вечерни происходило чтеніе на клыросѣ. Читали мальчики. Иногда чтецъ былъ бойкій: «читаетъ быдто рубить». А иногда чтецъ ошибался. Въ такомъ случаѣ слѣ-

довала поправка со стороны мужчинъ. Чтецъ: «иже»...—«егоже», вслухъ хоромъ замѣчаютъ ему мужчины. Чтецъ: «свобо́ди».. —«свобо́дй»... слышится хоровое замѣчаніе. «Повтори!»—иногда раздавалось со стороны молящихся. Произношеніе при пѣніи очень открытое: вм. *и* слышится почти что *е*: «Господе помелуй..; «ал ле луе ја...» Изъ удареній: удареніе на предлогѣ: «во̀ имя, на́ небеси, во̀вѣки, о̀ бозѣ»... (—Такъ и въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ). Каждый приходящій, сотворивъ широко-размашистое крестное знаменіе (двуперстно), дѣлалъ земной поклонъ на востокъ, на югъ и на сѣверъ и земной поклонъ назадъ, передъ молящимися, отвѣчавшими ему поклономъ головы, и затѣмъ становился на свое мѣсто. У каждаго имѣется подручникъ (подрушникъ)—небольшая подушечка, которую подкладываютъ подъ руки при земныхъ поклонахъ. Въ рукахъ у молящихся *лѣстовки*,—четки изъ кожи (обычно) или изъ бисера (рѣже). Молящіеся должны перебирать пальцами сборки лѣстовокъ и шептать молитвы. Среди обычныхъ сборокъ выдѣляется нѣсколько большихъ сборокъ: когда дойдутъ пальцы до опредѣленныхъ большихъ сборокъ должно читать положенныя молитвы.

Отстоявъ вечерню, я вышелъ на паперть. «Глянитца тебѣ наша служба?»—спрашиваетъ меня одна баба, выходя изъ моленной.—Если бы женскій полкъ поменьше болталъ за службой, было бы лучше.—«Помяни родителевъ»,—обращается ко мнѣ другая баба, подавая крашеное въ луковичномъ отварѣ яйцо.—Спаси Христосъ, помяну.—За ней съ тѣмъ же подношеніемъ еще баба и еще, и моя шапка сразу наполнилась крашеными яйцами. Бережно ступая по уличному зыбуну, направился я на свою квартиру, сопровождаемый довольными взглядами встрѣчныхъ семейскихъ.

Въ Никольскомъ я былъ у общинниковъ во всенощной 15 іюня, въ большомъ свѣтломъ храмѣ. Молили Илью пророка о дождѣ. Всенощную служилъ священникъ. Богослуженіе было старинное, уставное. Слабовато справлялись съ своимъ дѣломъ клиросы. Нѣкоторые пѣвчіе ужъ особенно старались о своемъ громогласіи въ значительный ущербъ благозвучію. Чтеніе для молящихся маловразумительное. На другой день была обѣдня. У необщинниковъ богослуженія не было; но въ день молебствія (16) и они не работали. Послѣ обѣдни началось обливанье: молодежь обливала каждаго встрѣчнаго.—«Обливаютца—дожжа ворожуть». Щадили лишь меня да прятавшихся за моей спиной Дождя давно не было. Всходы были добрые, но засуха уже стала вредить имъ. Необходимъ былъ дождикъ. Ночью къ душевному успокоенію крестьянъ дождикъ собрался.

Невѣжественные руководители старообрядцевъ, ихъ отцы и наставники, какъ страшнаго грѣха, боятся отступленія отъ мельчайшихъ преданій старины. Вся жизнь должна зиждиться на святоотеческихъ книгахъ. Вѣдь тамъ сказано: «аще кто убавитъ или прибавитъ къ тому, яже написахомъ, да будетъ проклятъ». Такія заклинанія въ изобиліи находятся въ старообрядческихъ книгахъ. Не располагая достаточнымъ количествомъ святоотеческихъ книгъ, смѣшивая книги каноническія и не каноническія, базируя часто на послѣднихъ, и главное, не понимая ихъ, давая тексту, чаще безсвязно выхваченному отрывку, грубое и не соотвѣтствующее смыслу даннаго текста толкованіе, эти «пастыри» въ гордомъ сознаніи своей праведности шлютъ анаѳему всѣмъ, кто уклонится въ чемъ-нибудь отъ ихъ требованій,—уклонится, хотя бы въ томъ направленіи, чтобы приблизиться къ преданію своихъ предковъ, затемненному невѣжественностью уставщиковъ. Одинъ здравый старообрядецъ поднялъ голосъ за то, чтобы вести метрическія записи. Вѣдь это не грѣхъ. Насъ въ наказаніе лишили русскія власти права вести метрическія книги. «Возстановимъ это наше старое право!» Да будетъ проклятъ, кто поведетъ метрическія записи: это будетъ походить на нико-

ніанскую церковь! Ересь!—Такова была резолюція на предложеніе «заблудшагося» старообрядца. Незадолго до моего пріѣзда къ семейскимъ, ребятъ со всего уѣзда возили въ Верхнеудинскъ для опредѣленія по внѣшнему виду возраста ихъ. Злостные въ своемъ невѣжествѣ, уставщики нашли формулы для оправданія ряда пороковъ своей паствы. За куренье табаку—проклятіе (по писанію; ср. ниже). Но самая отвратительная матершинная ругань, которая постоянно на устахъ и стараго и малаго (даже 8 лѣтнихъ рябятъ) у нихъ находитъ такое оправданіе: «Грѣхъ, что идетъ въ уста, а не то, что съ устъ». И это изувѣрское изреченіе они промѣняли на наставленіе и указаніе своихъ отеческихъ писаній: «О скверносло вцѣхъ и о срамословцѣхъ. Лучше есть гной отъ устъ твоихъ плевати, нежели словеса скаредная износити и смрадная»... и т. д. (въ забайк. старообр. сборникѣ Ирк. Дух. Сем. XLV, 1798). П. А. Ровинскій, наблюдая жизнь семейскихъ, писалъ о ихъ уставщикахъ: «Можно помириться съ жизнью съ самыми простыми людьми, но жить постоянно съ книжниками и фарисеями не возможно Это все ханжи и лицемѣры, въ нихъ нѣтъ ни на волосъ правды, отъ нихъ не услышите слова живаго, а все самыя безплодныя измышленія и словоизлитія» [1]). Эти слова человѣка, свободнаго отъ всякихъ клерикальныхъ тенденцій, а только скорбящаго при видѣ мертвящаго гнета уставщиковъ, повторяю и я.

Печальную картину представляетъ нравственное состояніе старообрядческаго общества. Въ особенности пошатнулось молодое поколѣніе. Заплѣснѣвѣлыя формулы ихъ стариковъ перестали удовлетворять молодежь. Не порывая окончательно связей съ бытовымъ укладомъ жизни отцовъ и дѣдовъ, она, хотя и безсознательно, ищетъ обновленія, жаждетъ новой, свѣжей струи въ душной атмосферѣ, испорченной уставщическими испареніями. Ищетъ и не ненаходитъ. Огромную роль въ этомъ переломѣ играетъ пребываніе въ другихъ краяхъ, въ другомъ мірѣ. Выходъ молодежь нашла бы—въ школѣ, въ образованіи. Этого нѣтъ, и молодежь пьянствуетъ развратничаетъ, хулиганствуетъ. Не говоримъ уже о куреньѣ. Курильщиковъ не малое количество есть въ каждомъ селѣ. Уставщики въ моленную ихъ не пускаютъ, старухи. плачутъ по погибшимъ, а они все-таки курятъ,—«курють подлецы крадчи, а то и въ-открытку». Есть даже такіе,—усумнились въ «леригіи»: «Креста ругають!»—жаловались мнѣ. Не мало найдется и среди пожилыхъ, которые не отстанутъ отъ буйной молодежи. «Какой таперь народъ,—одна распублика!».«Чижало жить смирному человѣку у нонишнимъ народѣ. Швецкый [свѣтскій] законъ держуть, а не духовный». Скверная ругань, какъ карканье воронъ, стоитъ надъ селомъ. Ругаются всѣ: и мужики, и бабы, и ребята. Развратъ не находитъ себѣ рѣшительнаго осужденія. Пьянство оглушило всѣхъ. «Самогонку пьють, шибко пьють!» Пьянствуютъ не только мужики и парни, но и бабы и бахвалятся этимъ. И 10 лѣтнихъ ребятъ я встрѣчалъ пьяными (въ Мухоршибири, «десятскіе»). И помину нѣтъ о томъ, о чемъ писали старообрядческіе книжники въ Забайкальѣ: «блудникъ, піяница, лѣнивый на единой колеснице». «Толма бо ненавидитъ богъ піанаго, яко мы пса гнушаемся мертва смердяща» (Сбор. Ирк. Д. Сем. XLV. 1798).—Грабежи, поджоги и убійства—послѣдствіе нравственной распущенности старообрядческаго общества. Тамъ лошадей угнали, тамъ плужки украли, а тамъ спалили,—приходилось слышать то въ одномъ, то въ другомъ селѣ. Въ Куналеѣ при мнѣ происходило вскрытіе 5 тѣлъ убитыхъ. Между ними былъ одинъ военноплѣнный, незадолго до смерти вернувшійся изъ плѣна. Мужикъ былъ скромный, работящій. Кто его убилъ, неизвѣстно. Народъ обвиняетъ полюбовника его жены. Въ томъ же селѣ у меня

---

[1]) Изв Сиб Отд Р. Г Об ва т IV. № 3, 120

просидѣлъ часовъ до 10½ вечера предсѣдатель волостной управы. Съ большой боязнью онъ отправился домой: какъ бы на улицѣ не убили. «По ночамъ не сплю. Боюсь поджога»,— жаловался онъ мнѣ. Разъ уже сожгли его постройки. Въ Никольскомъ во время моего пребыванія тамъ было нападеніе ночью на одного мужика спавшаго у себя на дворѣ. Удалось спастись бѣгствомъ. Выстрѣлы не задѣли его Тогда же происходили похороны одного крестьянина, убитаго на мельницѣ крестьяниномъ изъ сосѣдняго села Харауза. Въ Мухоршибири подхожу къ одному строющемуся дому: 3 раза сжигали постройки этого мужика. По наведеннымъ мною справкамъ, мужикъ былъ хорошій, смирный, работящій. «Злобу гонють на человѣка»,— со вздохомъ говорили мнѣ. На 3-ій день Троицы пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Н Заганъ молодой мужикъ изъ сосѣдняго села Шеролдая. Плача, жалуется на разбойничество На Троицу во время пьянства нѣсколько мужиковъ передралось. Онъ, какъ свидѣтель, показалъ милиціи все такъ, какъ происходило. Милиція виновныхъ въ буйствѣ оставила въ покоѣ. А между тѣмъ одинъ изъ буяновъ угрожаетъ свидѣтелю пожаромъ и смертью...«Сказню тебе»! Вчера онъ съ ножемъ турилъ за маткой свидѣтеля. Милиція обѣщала разобрать дѣло не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. «А недѣлю-то какъ же я буду жить? Помоги Бога ради!»

Въ прошломъ году по селамъ Забайкалья повили себѣ гнѣзда разбойническія шайки грабившія и убивавшія по глухимъ дорогамъ Забайкалья. Теперь тамъ стихло. Пугаютъ лишь переѣздомъ изъ Мухоршибири къ Бичурѣ, черезъ Заганскій хребетъ. Мнѣ разсказывали объ одномъ изъ такихъ «удалыхъ молодцовъ», о казненномъ разбойникѣ изъ с. Шеролдая Кривцовѣ. Ему было всего 22 года; но онъ успѣлъ загубить нѣсколько жизней. Первое убійство онъ совершилъ 15-лѣтнимъ парнемъ: задушилъ свою тетку за 300 рублей. Своею жизнью онъ былъ доволенъ: «Хорошо пожилъ»,—хвалился онъ передъ смертью Идя на висѣлицу, онъ выпросилъ дозволеніе пропѣть: «За тюремной стѣной умиралъ арестантъ молодой».

Нашъ очеркъ современной жизни семейскихъ закончимъ гулянками на Троицу и на масленицу.

Утро Троицы я провелъ въ Мухоршибири. Отстоявъ обѣдню въ «сибирской», т. е. православной, церкви, я отправился въ Н. Заганъ находящійся въ верстахъ 5 отъ Мухоршибири. До обѣда все чинно было: спали, отдыхали мирно бесѣдовали, сидя въ «застини». За селомъ собрались дѣвушки и парни,—пѣсни поютъ, вѣнки завиваютъ. Пѣсни поются старинныя, а иногда раздается и частушка «Забрехали по собачьему»,—ворчатъ старики, услыхавъ частушку. Послѣ обѣда по селу началось катанье. Въ небольшой двуколкѣ набито штукъ по 5 бабъ, раскраснѣвшихся отъ жары и выпитой водки и самогонки. Лошадью управляетъ мужикъ Лошадь идетъ медленно. Возсѣдающіе, грузно колеблясь изъ стороны въ сторону, непремѣнно оглашаютъ село пѣніемъ, иногда согласнымъ, иногда вразбродъ. Среди катавшихся были бабы молодыя и довольно пожилыя. Помахивая платками, онѣ «ревѣли пѣсни съ необыкновеннымъ усердіемъ. 4 года горевали; теперь справляютъ праздникъ по старинному, какъ полагается. Время отъ времени по улицѣ проходятъ группы молодыхъ бабъ, разнаряженныхъ въ свои яркіе костюмы: взявшись за руки, онѣ медленно идутъ, оглашая село заунывнымъ пѣніемъ. Зайдя въ избу, онѣ подкрѣпляются яишней (яичницей) и хмѣльнымъ. Но увидишь и молодыхъ бабъ, не катающихся, не разгуливающихъ съ пѣснями и не жарящихъ яишню: онѣ сиротливо сидятъ у избы: мужья изъ плѣна не вернулись. «Всѣ яйцы просидѣли, а ихъ все нѣту. Другова мужа надо куплять, да вотъ Митька (мальчикъ 3 лѣтъ) говорить:—Подожди батьку,— хотя онъ и не видѣлъ еще своего батьку». Гулянье во всю было... «Рыпаемъ Ваш-

ство, рыдаемъ»,—покрикивалъ мнѣ почтенный Измаилъ Исаакичъ Оглы, татаринъ, родившийся и выросшій въ Н. Заганѣ (отецъ его пришелъ сюда съ Кавказа). А Арламъ (Варлаамъ) М. отъ всей души предлагалъ мнѣ выпить съ нимъ самогонки. Два дня продолжалось гулянье. Ревъ послѣднихъ катавшихся я слышалъ во вторникъ утромъ часовъ въ 6. Въ этотъ день было унылое, пасмурное настроеніе въ селѣ. «Быдто надсѣлись, ревемши».

Такъ же шумно проводятъ семейскіе и масленицу. Катанье, выпивка, закуска. Парни дѣвушекъ катаютъ, а онѣ парней въ гости зазываютъ,—слюбляются. Ни «безстудія», ни «безчинія», ни «проклятаго дѣла» не видятъ семейскіе въ этихъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ раньше ихъ отучали книжники, писавшіе: «зри о безстудіи и о безчиніи. Конъное рыстанія, по улицамъ катанія въ праздничныя дни и во вся мисоеды а наипаче въ самые дни прощенныи на сырной недѣли множайшія діавольская замышленія творятъ... юноши малыя такожды во прощенныи дни осѣдлаютъ имъ кóнѣи и ездѣютъ по улицамъ, соберутся гурбою. Се творятъ по обычаю татарскому...» (рукоп. старообрядч. сб. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797).

II.

Въ каждой старообрядческой общинѣ имѣется нѣсколько человѣкъ, обученныхъ церковно-славянскому чтенію и письму. Въ результатѣ многолѣтняго обученія молодой старообрядецъ осиливаетъ церковно-славянскую грамоту, преподанную ему начетчикомъ при помощи стариннаго русскаго способа. «Подобаетъ оубо вамъ о оучителіе вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей оучити божественымъ писменемъ. Первое оубо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ: потомъ же часовнику и псалтыри, и прочимъ божественнымъ книгамъ». Такъ прописано въ предисловіи къ старинной грамматикѣ, переплетенномъ въ одномъ старообрядческомъ забайкальскомъ сборникѣ (Ирк. Д. Сем. XLV. 1822). Тутъ же предупредительно замѣчено: «А и самимъ бы вамъ знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дéбело и тóностно и гдѣ с пригибеніем оустъ и гдѣ с раздвиженіем и гдѣ просто. Паче же ять [ѣ] с естемъ [е] разнити еже бы нерещи в мѣсто пѣнія пеніе... и прочая таковая. Сіе бо вельми зазóрно і оукорно». Начетчикъ по мѣрѣ своего разумѣнія старается, чтобы учащіеся твердо держались въ произношеніи написанія книжнаго. Но въ отношеніи фонетики они безсильны отучить своихъ учениковъ отъ особенностей ихъ прозношенія. Въ книжномъ пригибеніи и раздвиженіи устъ начетчики сами плохо освѣдомлены. Въ говорѣ семейскихъ вм. мягкаго *с* представлено мягкое *ш* (шепелявое мягкое *с*, см. ниже о говорѣ), а вм. мягкаго *з* мягкое *ж* (шепелявое мягкое *з*). Такимъ же образомъ произносятся и церковно-славянскія слова, напр., въ церкви: *ш'ила* вм. *сила*, *ж'емля* вм. *земля* и т. п. На церковно-славянскомъ чтеніи отражается также аканье и яканье,—черты живого говора семейскихъ. Но по отношенію къ постановкѣ ударенія,—къ постановкѣ въ согласіи съ старописьменными и старопечатными книгами, начетчики и старики—грамотеи слѣдятъ неукоснительно. Они вслухъ поправятъ чтеца въ церкви, произнесшаго слово съ удареніемъ не на томъ слогѣ, на какомъ требуется старокнижной традиціей. Допустить ошибку въ удареніи—значитъ отступить отъ православнаго святоотеческаго преданія. Они блюдутъ наставленіе старинныхъ русскихъ церковно-славянскихъ грамматикъ, указывавшихъ на грѣховность искаженія ударенія «Вéрьхняя сила [постановка надстрочныхъ знаковъ] знати и оученикомъ

своимъ сказывати имена и силу ихъ.. А о семъ наипаче молитъ васъ наше худоуміе господію нашу и братію, еже бы вамъ всякимъ зѣлнымъ потщаніемъ наказати оучениковъ, и в началѣ часовника перваго стиха: царю небесныи оутѣшителю душе истинныи и прочая а не говорити и не оучити в мѣсто душе душе яко же не искоусніи слову оучат и говорятъ, зѣло сіе и вельми богу въ троицѣ славимому бранно, яко в мѣсто духа святаго глаголютъ доушю, и невѣмы каку; страшно бо есть братіе неточію сіе рещи, но и помыслити» (изъ той же грам.).

Старообрядческие грамотеи поддерживаютъ старую книжную традицію. Въ послѣдние годы семейскіе запаслись печатными московскими старообрядческими изданіями. Но среди начетчиковъ обращаются и болѣе старыя изданія и рукописныя книги. На этихъ книгахъ и рукописяхъ училось много поколѣній старообрядческихъ грамотеевъ, съ этими книгами они уходили въ изгнаніе, за эти святоотеческія писанія они шли въ ссылку, на страданіе и на смерть. Основныя мысли и положенія древле-православныхъ книгъ черезъ грамотныхъ людей усваивались и прочими представителями старообрядческой общины. Въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ положеній старообрядства принимали участіе не только начетчики, но и люди некнижные. См., напр., въ бесѣдахъ архим. Михаила съ забайкальскими старообрядцами[1]).— Бесѣды относятся къ 80 мъ г г. XIX в.

Въ настоящее время многія предписанія книжныя утратили остроту ихъ значенія. Кромѣ, можетъ быть, отдѣльныхъ лицъ, незамѣтно уже строгаго слѣдованія всѣмъ правиламъ, преподававшимся книжными людьми Такъ, напр., во всѣхъ старообрядческихъ наставительныхъ сборникахъ, просмотрѣнныхъ мною, строго воспрещается имѣть общеніе съ еретиками, къ которымъ относились и «никоніанцы». Нельзя было пить, ѣсть съ ними изъ одной посуды Вотъ цѣлое «Сказаніе отъ священныхъ правилъ и отъ оучителей церковныхъ, яко не[по]добаетъ к еретикомъ и схизматикомъ пріобщенія имѣти в молитвословіи, в яденіи, в питіи и любви» (Старообр забайк. сборн. Ирк. Д. Сем. XLV. 1822 л л 40 об.—46; то же въ сборникѣ Троицк. монаст, 33 об.—41). «Зри. православным. за едино точію общеніе в яденіи толико пола[га]ет осужденіе... Послушайте православніи и съ еретиками не смѣшиваитеся да не сведени будете в вѣчныя муки с ними» (Старообр. сборн. Ирк. Д Сем. XLV 1806, л 20, 22. Тѣ кто «съ еретиками сообъщенія имѣютъ въ яденіи и питіи, въ дружбахъ — ересь» (старообр. забайк. сбор. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797, л. 104).— Семейскіе выполняли это требованіе еще въ 70-хъ г.г. прошлаго вѣка и даже позднѣе. Теперь этой нетерпимости уже незамѣтно или, по крайней мѣрѣ она въ глаза мнѣ не била. Вездѣ я находилъ радушный пріемъ и сердечное угощеніе. Мало того, теперь и съ карымой заодно непрочь выпить араки. Между тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ старообрядецъ еще блюдетъ во всей возмутительной полнотѣ это «святоотеческое» предписаніе. Вспомните разсказъ В Г. Короленка, какъ угощалъ благодарный безпоповецъ въ Добруджѣ, липованъ, извозчика Луку и соціалиста Катріана, помогшихъ спасти липовану возъ и лошадь. «Онъ наливаетъ себѣ стаканъ, говоритъ: «Господи благослови» и быстро опрокидываетъ въ ротъ Потомъ подноситъ Лукѣ и Катріану. Они выпиваютъ. Липованъ наливаетъ по другому стакану.—А самъ?—спрашиваетъ у него Лука, выпив послѣ Катріана.—Не догадался вишь... Теперича нельзя мнѣ: посудину вы опоганили.—Онъ кидаетъ стаканъ въ кусты..»[2]).

[1]) «Бесѣды съ старообрядцами начальника забайкальской противораскольнической миссіи Архим. Михаила. Спб. 1887, стр 60 слѣд

[2]) Очерки и разсказы. Кн. IV, 342. См также безпоповскую кампанію липованъ, пришедшую въ трактиръ каждый съ отдѣльнымъ стаканомъ Jbid. 406.

Каковъ запасъ книжнаго богатства забайкальскихъ старообрядцевъ? Чѣмъ питались и питаются старообрядческіе книжники Забайкалья въ теченіе ихъ жизни въ Сибири? — Мнѣ не удалось познакомиться съ книжными собраніями начетчиковъ. Трудно сойтись съ этими людьми, привыкшими только запугивать своихъ темныхъ односельчанъ. Я боялся, что мою попытку поближе подойти къ нимъ они скомпрометирують въ глазахъ прочихъ старообрядцевъ, а добрымъ отношеніемъ ко мнѣ послѣднихъ я дорожилъ и дорожу. Но я имѣлъ возможность обслѣдовать старообрядческія рукописи находящіяся въ селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ. Туда онѣ попали, будучи отобраны у забайкальскихъ старообрядцевъ священникомъ Курышевымъ. - Въ Троицкомъ монастырѣ находился «Начальникъ противораскольнической миссіи вь Забайкальѣ». — Кромѣ рукописей Троицкаго монастыря, я познакомился съ старообрядческими рукописями, хранящимися въ библіотекѣ Иркутской Дух. Семинаріи, куда онѣ попали, какъ конфискованныя у забайкальскихъ старообрядцевъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей находится сургучная печать: «Нерчинской заводской полиціи печ.». Между прочимъ, такая печать красуется на рукописной псалтыри (XLV, 3813) и на каноникѣ (XLV, 3814). И эти книги оказались опасными для спокойствія государства. Попадали въ библіотеку Иркут. Дух. Семинаріи книги отъ забайкальскихъ старообрядцевъ и другимъ путемъ. Въ 60-хъ г. г. прошлаго столѣтія они жаловались С. В. Максимову: «Въ Иркутскѣ хвастаютъ что тамъ де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свезешь [излишняя гипербола! *А. С.*]: все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо» [1]).

Однѣ изъ рукописей принесены были въ Забайкалье изъ Европейской Россіи, другія были написаны въ новомъ мѣстѣ жительства въ Забайкальѣ.

1) Вотъ книжечка въ малую осьмушку «*Бесѣдословіе*», написанная красивымъ полууставомъ (XIX в.), съ заглавіемъ въ изящно исполненной рамкѣ[2]). Бѣседословіе, избрано из разума священнаго писанія и отъ богословскихъ истолкованныхъ умствъ. О миробытіи и о случаехъ послѣдняго врѣмени, и обыскательное любомудріе о вѣре. Въ пользу сыновомъ сіона». Написана она въ Забайкальѣ. Извѣстенъ и авторъ ея. «Сіе Бѣседословіе грѣшнымъ Іоанномъ изъ тюменскихъ мѣщанъ бывшимъ Легостаевымъ за Байкаломъ моря; Аминь (запись на л. 137). Къ «забайкальцамъ» онъ нерѣдко обращается, какъ къ читателямъ, слушателямъ и друзьямъ, пріютившимъ его. О себѣ Іоаннъ Легостаевъ говоритъ, что онъ, «аще и многогрѣшенъ, но правою вѣрою во Христа Ісуса [іса] былъ и есть и будетъ христіянинъ, и есть оныя исповѣдникъ, прелести древлезавистника титина [дьявола] раз'яснитель и обличитель» (л. 2). Въ теченіе 30 лѣтъ онъ испытывалъ гоненія и страданія за правую вѣру защиту ея и за обличенія прелестей антихриста (л. 31). Онъ обличаетъ не только «горестное паденіе» великороссійской церкви, но и единовѣрцевъ, а также бѣглопоповцевъ. Самъ онъ, повидимому, принадлежалъ къ одному изъ толковъ безпоповщины. На лл. 129—131 онъ разсказываетъ забайкальцамъ о своихъ дѣяніяхъ, и разглагольствованіяхъ о вѣрѣ. Въ Тюмени въ духовномъ правленіи онъ тридневно разглагольствовалъ, о чемъ обширный на нѣскольких листахъ докладъ былъ посланъ въ Синодъ. Въ Казани свой «подвигъ страданія поновилъ». Состязался тамъ со архипастырями въ Канцысторіи. «За твердое в вѣрѣ стояніе военнаго званія себя освободилъ. Еже архипастыри в комиссію военнаго суда о мнѣ отнесли, что я, называя ихъ еретиками, отступниками, злыми вождями, сосудами антихристовыми. Къ тому присовокупили, но на

[1]) С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга, 4-е изд., т. II, 263.

[2]) Фабричный штемпель на бумагѣ: «Высочайше утв. компаніи Угличской фабрики».

основанiи текста священнаго писанiя, еже въ кафермацiи военнаго Губернатора и в выпискѣ по одобренiю архипастырѣй поясняется, глаголють, что Иван Легостаевъ в вѣрѣ не притесняемъ, исполняетъ свои христiянскiя обряды по своему вѣроисповѣданiю и наши архипастыри все его книжныя доказательства прiняли врезонъ, утвѣрдили и сказали: Вѣримъ, Вѣримъ, Правда. Правда. Ей благодарю Казанскихъ архипастырей Деректора акадѣмiи, архимандрита, Кафедральнаго Протопопа Вихтора Петровича с прочими, еже на мѣня порочьно, но го мнѣ похвально изрекоша и не мнѣ хвала, но древлецерковному богопросвѣщенному благочестiю и спасителеву имени: Слава аминь».

2) Вотъ засаленная тетрадочка, усердно читавшаяся семейскими, написанная, вѣроятно, въ началѣ XIX в. со стихомъ о Iосифѣ прекрасномъ. Писалъ «войска донскаго, пети избянской станицы, бывшей казакъ, Порфирей Романовъ, сынъ Буровъ». То же лицо написало большой сборникъ разнаго содержанiя (*«Цвѣтникъ»*), наход. въ библiотекѣ Ирк. Духовной Семинарiи, XLV, 1882. «Спотрудижеся всѣмъ вѣцѣ собрати и ставити сiю книжицу многогрѣшныи и непотрѣбныи рабъ божiи порфирiй романовъ, сынъ буровъ» (Запись въ концѣ книги). На кожаномъ переплетѣ печать нерчинской заводской полицiи. Петръ Буровъ списалъ и обширный *Каноникъ* (Ирк. Д. Сем. XLV, 3814). На переплетѣ сургучный слѣдъ нерчинской полицiи.—Несомнѣнно, всѣ указанныя книги Бурова написаны имъ въ Забайкальѣ.

3) Вотъ еше «святая богодохновенная книга собранна отъ многихъ различныхъ отъ божественныхъ отеческихъ книгъ, отъ святыхъ писанiихъ, отъ старопечатныхъ сведетельствованныхъ. А составлинна сiя книга Давыдомъ старцемъ». Ркп. in f., размѣромъ 131 листъ. Написана полууставомъ въ к. XVIII-го в. Тутъ подобрано много статей рѣзко полемическаго характера. Имѣется нѣсколько рисунковъ съ изображенiемъ и перечисленiемъ ересей. Вотъ змѣй седьмоглавый, а на немъ жена-блудодѣйница; въ рукахъ у ней сосудъ со всякой нечистiю, сирѣчь еретики и раскольники. Надъ звѣремъ перечислены ереси. Или вотъ еще изображенiе: церковь истинная православная и церковь никонiанскихъ учениковъ. Посрединѣ вдоль листа приклеена полоска, а подъ ней вращается полукружiе съ перечисленными ересями. Какъ этотъ «кругъ» покрываетъ церковь православную, такъ человѣкъ ересьми раздираетъ вѣру христiанскую, разрушаетъ и оскверняетъ (см. приложенные снимки). Прочiя изображенiя представляютъ собою рамку въ видѣ церкви «православной» или какой-нибудь «еретической», а въ срединѣ рамки прописаны ереси. Въ сборникѣ находятся статьи, обличающiя богоотступничество еретиковъ не только въ Европѣ, но и *въ Сибири*. Въ главѣ 29 ой показано «отъ святаго божественнаго писанiя о людехъ глаголимыя благословѣнныи, I еще ихъ называютъ *тавринцы* и называютъ *козлы* а въ *сибирьской старонѣ называютъ мураши*. А святое божественое писанiя таковыхъ называетъ законоприступники I отъ вѣры христовыи и соборныя апостольскiя церквы отпадшiи и отъ святыхъ соборовъ отъ святыхъ отецъ приклинаеми и къ еретикомъ причитаеми». Ихъ ересь: имѣютъ поповъ явныхъ, миропомазанiе берутъ отъ архiереевъ росейскихъ, попы на клятву благословенiе даютъ, подати платятъ, въ нечестивое воинство отдатчиковъ собираютъ, съ вѣроотступниками у себя въ домѣ пьютъ и ѣдятъ. Таковы богоотступничества *мурашей*. Выписки для обличенiя ихъ занимаютъ 14 стр. (лл. 100—106). Въ написанiи этой книги постоянно отражаются черты говора старца Давыда.— *а* вм. неударѣннаго *о*; *и*, *я* вм. неудареннаго *е* (*е* и *ѣ*). Форма глагола наст. вр. ед и мн. оканчивалась на мягкое *ть* (ть); если пишется -*тъ*, то это по требованiю книжной и орѳографической традицiи; списатель иногда путался въ употребленiи на письмѣ *ть* и *тъ*, ставя *тъ* не только въ передачѣ

формы 3 л. ед. и мн. но и въ передачѣ неопредѣлен. (инфинитива): никтожа можетъ нипродать никупить, нипрожить гдѣ... (93 об.), итить (125). г произносился какъ согласный длительный; въ концѣ—*х*, что отразилось въ путаніи г и *х*: о друзѣхъ (65), слугахъ (69). Форма личнаго мѣстоим. родит.—вин. на—*е*: *меме, тебе, себе*: держатъ у себѣ (25 об.) и др. Все это черты говора *семейскихъ* (подробнѣе см. въ главѣ о языкѣ).

Обличительную книгу съ такими же изображеніями, какъ въ сборникѣ старца Давыда, видѣлъ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ у одного семейскаго начетчика[1].

4) «Сія книга, нарицаемая цвѣтникъ, избранная изъ церковныхъ книгъ напечатася въ типографіи виленской въ лѣто 7308 е, списана Петромъ Овчинниковымъ въ 1880 года» (зап. на 117 л.). Овчинниковъ—распространенная фамилія у семейскихъ. Въ говорѣ Петра Овчинникова было длительное г, въ концѣ слова перешедшее въ *х* Отсюда путаница въ написаніи г и *х* и въ срединѣ: *книха* (нѣсколько разъ). Этотъ обширный сборникъ (въ 4-ку на 384 листахъ) содержитъ «Воспоминаніе преславнаго чудеси святаго архистратига Михаила, еже есть былъ въ Хонехъ», «О чудесѣхъ святаго великомученика Мины», «Сказаніе о явленіи ангела господня въ пустынѣ преподобному Макарію египтянину» и слова изъ пролога. Послѣ записи на л 117 слѣдуютъ слова (Ипполита папы римскаго о скончаніи міра 118—145, и др.), сказанія житія (изъ Патерика), изъ Четьи-минеи, изъ Великаго зерцала), страсти Христовы и сонъ Богородицы. Составъ цвѣтника П. Бурова совсѣмъ иной: тамъ преимущественно статьи апологетическія, но имѣются и вообще назидательныя; включены каноны.—Сборникъ Овчинникова находится теперь въ Троицкомъ монастырѣ.

5) Большой рукописный сборникъ (въ 4 ку на 308 листахъ, новаго полуустава, XIX в.) библіотеки Ирк. Дух. Семинаріи, XLV, 1814 Весь занятъ статьями о пришествіи антихриста. «О случаехъ послѣдняго времене, Тити[нъ] потрясетъ зельми; 666-е число о антихристѣ». Таково заглавіе этого сборника. Онъ состоитъ изъ 3-хъ частей: «в первой чясти о антихристи, во второй чясти о соборнѣйших отступленіихъ, въ третіей чясти о смущеніи и недоумѣній и разгласіи в вѣрных простаго народа отъ вины главныхъ отменъ» (конецъ предисловія). Въ послѣдней части весьма рѣзкія обличенія Петра I, какъ антихриста, какъ «первѣйшаго раздорника, отступника божія», какъ «прескверпаго онаго адскаго пса» и т. д.—Мы не знаемъ мѣста написанія этой книги. Но можемъ утверждать, что она была въ обращеніи у старообрядцевъ Забайкалья. Кромѣ мѣста теперешняго ея нахожденія, на это указываютъ черты языка позднѣйшей записи на переплетѣ и письма, вложеннаго въ этотъ сборникъ.—На верьхняй (зап.); въ письмѣ: неоставти, обижаитись, братицъ Арсентій Степановичъ, а тветникъ обратна пришлити, будитъ денигъ, письма ретка шлемъ.—Тимофей Археревъ самъ писалъ.—Онъ рекомендуетъ своимъ роднымъ обратиться «к Серовымъ они мнения поморскаго».

6) Въ библіотекѣ Ирк. Д. Семинаріи (XLV, 1784) находится большой рукописный сборникъ красиваго полуустава (новаго), въ 4-ку на 278 листахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ *олонецкіе* или *поморскіе отвѣты* (л. л. 1—218). «Божіею помощію и заступленіемъ пречистыя богородицы и всѣхъ святыхъ всепустынное общетрудное совѣтоотвѣтное извѣщеніе наше, егда довершихомъ и тогда е рукоприкладываніемъ достовѣрствовахомъ. Лѣта отъ мироздания 7231-го (отъ Р. Х. 1723), мѣсяца іюня 21 дня» (Зап. на 214 л.). Здѣсь въ 106 отвѣтахъ, то сжатыхъ, то подробныхъ указаны отступленія великороссійской церкви отъ преданій св. отцовъ, отъ древляго

[1]) Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальи 17.

благочестія и апологія своего старообрядства. Тонъ и стиль отвѣтовъ умѣренный, солидный, дипломатическій, безъ крикливаго задора другихъ старообрядческихъ писаній. Обращаясь къ іером. Неофиту, присланному къ олонецкимъ старообрядцамъ на Петровскіе заводы, старцы пишутъ въ «Предисловіи»: «по указу всепресвѣтлѣйшаго императорскаго величества, велено намъ с тобою учинить тихое и кроткое разглагольство о произшедшемъ несогласіи, и ты о ономъ несогласіи вопросовъ сто шесть прислалъ еси. Мы же на оны отвѣтное разглагольство написахомъ с древлецерковными свидѣтельствы, свобождающе сими и тебе и себе и прочія слышатели отъ излишнихъ трудовъ» (11). Раньше отвѣтовъ старцы изъявляютъ, «яко мы не въ своихъ, но в древлепреданныхъ церковныхъ уставѣхъ пребываемъ» (8 об.), «того ради древлеправославныя церкве уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душямъ своимъ получимъ... якоже святіи в тѣхъ древлеправославныхъ уставѣхъ, знаменующеся двѣма перстома богу угодиша, тако и мы знаменаемся двѣма перстома, в тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ желаемъ и молимся угодити богу. Яко же они по древлецерковнымъ святымъ книгамъ спасеніе получиша, тако и мы по тѣмъ святымъ книгамъ просимъ отъ господа милости спасеніе получити... Но ежели нынѣ церкви великороссіистѣй не пріобщяемся, и того ради отъ васъ осуждаемся, яко расколотворцы, но, понеже мы в древлеправославныя церкве преданіяхъ, раскола какова несотворихомъ... и съ намѣреніемъ спасительнолюбительнымъ в древлевлецерковныхъ уставѣхъ пребываемъ, сего ради нѣсмы расколотворцы. А и пріобщенія нынѣшнія россійскія церкве опасаемся,... новинъ отъ никоновыхъ временъ нововнесенныхъ опасающеся,... съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковная содержанія согласитися ужасаемся о чемъ во отвѣтѣхъ пространнѣе засвидѣтельствуется» (9 об.—10). Къ отвѣтамъ приложена «Краткая історія о отвѣтѣхъ» (218 об — 230). Въ этой исторіи разсказывается, при какихъ обстоятельствахъ писались отвѣты, какъ происходили разглагольства въ апр. 1722 г.—сент. 1723 г. въ Олонецкомъ уѣздѣ. Листы 231 об — 260 заняты исторіей осады и взятія Соловецкой обители (взята была въ январѣ 1676 г. послѣ 7 лѣтъ съ лишнимъ осады ея). Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ имѣются прекрасныя изображенія благословляющей руки, а въ концѣ книги изображенія креста. На семинарскомъ экземплярѣ на послѣднемъ листѣ запись: «Написася сія святая и богодохновенная книга, глаголемая отвѣты олонецкія въ лѣта отъ Адама 7269-го [отъ Р. Х. 1761] мѣсяца декабря въ 20-го дни». Но бумага и почеркъ этой рукописи, кажется, болѣе поздняго времени. Экземпляръ этотъ принадлежалъ *Петру Шумилову* (помѣтки). Имѣется помѣтка съ фамиліей *Бондыревъ*. Гдѣ списана эта книга, мы не знаемъ. Но на пребываніе ея въ Забайкальѣ мы указаніе имѣемъ. Въ Троицкомъ монастырѣ имѣется книжечка въ прекрасномъ кожаномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, въ 8 ку, содержащая въ себѣ «исторію о отвѣтѣхъ». Полууставъ письма ея тотъ же, что и «Олонецкихъ отвѣтовъ» семинарскаго экземпляра. Безъ сомнѣнія, не только этимъ, но и другими экземплярами «олонецкихъ (или «поморскихъ») отвѣтовъ» располагали забайкальскіе старообрядцы. Эта книга—основоположная у старообрядцевъ. Ссылки на нее испещряютъ каждое старообрядческое писаніе. Въ 1884 году «Поморскіе отвѣты» были напечатаны «въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ». Въ это изданіе ни «Исторія о отвѣтѣхъ», ни «Исторія» объ осадѣ Соловецкой обители не вошли. О другихъ изданіяхъ «Отвѣтовъ» см. въ статьѣ В. Г. Дружинина: «Подлинная рукопись Поморскихъ Отвѣтовъ и ея изданіе» (Изв. Отд. рус. яз. и Слов. И. Ак. Наукъ. 1912 г., т. XVII, кн. 1, стр. 53—77).

7) Въ Троицкомъ монастырѣ находится тетрадка довольно поздняго написанія

(2 ой половины XIX стол.), отобранная у старообрядцевъ той мѣстности (Верхнеудинскаго у.). На тетрадкѣ помѣтка, вѣроятно, лица, отобравшаго ее: «Раскольническая поэзія». Она содержитъ въ себѣ апокрифическую «Бесѣду трехъ святителей», разговоръ мальчика съ философомъ, проникнутый старообрядческой тенденціей—отрицательнымъ отношеніемъ къ «свѣцкому» знанію; духовный стихъ о вѣроотступничествѣ на Руси; повѣсть «О хмѣльномъ питіи»; различныя сентенціи; неизмѣнное «Отъ книги Кириловы листъ 234 преніе философа Панагіота со Азимитомъ»—о брадобритіи римскаго папы и духовенства,—именно, при какихъ обстоятельствахъ возникла эта скверная ересь (:cherchez la femme!).

Кромѣ такихъ книгъ, соборниковъ, цвѣтниковъ, семейскіе располагали книгами богослужебными,—псалтырями, часовниками, канониками. И до сихъ поръ у нихъ имѣются эти книги въ рукописномъ видѣ. Часть изъ этихъ книгъ попала въ Троицкій монастырь и въ Ирк Дух. Семинарію.

Я отмѣтилъ нѣсколько рукописныхъ книгъ, написанныхъ или только бывшихъ въ обращеніи у забайкальскихъ старообрядцевъ (семейскихъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ я отмѣтилъ общій характеръ содержанія каждой изъ нихъ. Такого же въ общемъ содержанія у забайкальцевъ были и другія книги. Ссылки на нихъ будутъ сдѣланы ниже. Темы всѣхъ этихъ писаній (кромѣ богослужебныхъ), «богодохновенныхъ книгъ» одинаковы: пришествіе антихриста и слугъ его, послѣдніе дни міра; гибель человѣчества въ ересяхъ; ереси душегубительныя и обличенія ихъ; призывы къ соблюденію древляго православія; историческія справки возникновенія раскола въ великороссійскомъ государствѣ; страданія за правую вѣру не признавшихъ никоновскихъ нововведеній; духовно-назидательные стихи, повѣсти и изреченія.—Статьи ad hoc приспособлены изъ священнаго писанія, имѣющаго отдаленное или только внѣшнее отношеніе къ трактуемымъ вопросамъ, изъ писаній святоотеческихъ, напр. изъ словъ Іоанна Златоуста, изъ книгъ Никона Черногорца, изъ старыхъ славяно-русскихъ сборниковъ,—Маргарита, Измарагда, Андріатиса,—изъ Кормчей, Патерика, изъ Катехизиса большого («печати святѣйшаго Филарета патріарха»), изъ «Кириловой книги», весьма цѣнимой старообрядцами (см. ниже), изъ «поморскихъ отвѣтовъ», изъ книги «святаго Іосифа преподобн. волоцкаго», изъ «книги Зинаръ», изъ «Стоглавника», изъ «книги Баронія» («Дѣянія церковныя», цѣнимой и до сихъ поръ; напечатана старообрядцами въ Москвѣ, въ 1913 г.), изъ раннихъ старообрядческихъ «челобитныхъ», (напр. «соловецкихъ чудотворцевъ»), изъ «собранія новаго страдальца отца нашего Аввакума протопопа», отъ книгъ Максима грека, отъ седмитолковаго апокалипсиса, изъ «книги о вѣрѣ», изъ книги «Алфа и Омега» и другихъ «старопечатныхъ, старописьменныхъ и харатейныхъ». Изъ этихъ книгъ взяты отдѣльныя статьи, изреченія или на основаніи ихъ составлены собственныя произведенія. Въ сборникахъ забайкальскихъ старообрядцевъ нерѣдко дѣлаются ссылки на книги западно-русскаго и польскаго происхожденія,—въ сборникахъ Ирк. Дух. Сем. XLV 1797 и XLV 1798: «Апокалипсисъ польскаго нарѣчія напечатано», «Книга діалогизмъ изданная в Кіевопечерской лавре, року 1604 (?)[1], Потребникъ Петра Могилы (1644; ошибка: слѣдуетъ 1646), «Синопсисъ въ лѣто отъ созданія мира 7188» и др. (изъ сборн. 1798).

---

[1]) «Діалогисм дховныи си ест двоесловіе... в Кіево-Печерской чудотворной Лаври... Варламом Голенковскимъ тоеяжде стыя лаври намѣстникомъ, трудолюбно издадеся. Року отъ Рождества Хва. 1714». На оборотной сторонѣ гербъ Іоасафа Кроковскаго и четверостишіе къ нему.—Экземпляръ Ирк. Дух. Сем. VIII. 1374. Имѣется 2 экз. «Діалогизмъ», изданный въ Москвѣ въ 1796 г. (Ирк. Д. Сем. VIII. 1796,—2 экз.), иного содержанія по сравненію съ кіевскимъ.

Главная тема старообрядческихъ сборниковъ, на которую подобрано и соста влено огромное количество статей и отдѣльныхъ извлеченій,—это давняя тема о *при шествіи антихриста*. Почти во всѣхъ небогослужебныхъ книгахъ, просмотрѣнныхъ мною, встрѣчаются разглагольствованія о послѣднихъ дняхъ міра, о знаменіяхъ и слугахъ антихриста. Главнымъ источникомъ, откуда черпались свидѣтельства пришествія антихристова и признаки слугъ его,—это толковый апокалипсисъ. Эта книга была и есть любимой у старообрядческихъ книжниковъ. Одинъ экземпляръ *изъ За байкалья* попалъ къ библіотекарю Иркутской Городской библіотеки Н. Ст. Романову. Списокъ к. XVII или XVIII в., въ листъ, на 126 лл., съ 74 рисованными листами. Рисунки въ краскахъ, хорошо выполненные. «Книга Апокалипсисъ имѣетъ словъ 24, а главъ 72, стиховъ 311. Святаго Андрея архіепископа кесаріи каппадокіискія Сказаніе апокалипсіи святаго апостола Иоанна богослова евангелиста сокровенныхъ преди откровение .—Любили пользоваться старообрядческіе книжники и словомъ «Блаженнаго Ипполита папы римскаго и мученика, слово в неделю мясопустную, о скончаніи мира и о антихристѣхъ и о второмъ пришествіи господа нашего і[су]са христа». Въ сборникахъ помѣщалось это слово цѣликомъ (напр., въ сборн. Иркутск. Д. Сем. XLV, 1822, лл. 90—126; въ сборн. Троицкаго мон., переписанномъ П. Ов чинниковымъ, на лл. 118—145) или въ извлеченіяхъ [1]). Но чаще всего дѣлаются заимствованія изъ такъ называемой «Кириловой книги». Цитаты и статьи изъ нея испещряютъ каждый старообрядческій сборникъ [2]). Эта книга, какъ «богодохновенная», глубоко чтилась старообрядцами.—«Сей богословецъ святой Кирилъ паче прочихъ объяснилъ, како ложнаго ученія блюстися и яко антихристова печать, то есть еже отъ своихъ единовѣрных отступити и гоненіе на нихъ воздвигнути» —говорится въ старообрядческомъ сборникѣ Ирк. Д Сем. XLV, 1806 (59 об.).—Замѣтимъ, что этотъ «богословецъ» былъ Стефанъ Зизаній.— Одно изъ беззаконныхъ грѣховныхъ дѣяній никоніанцевъ,—это отрицательное отно шеніе къ «Кириловой книгѣ». Среди 20 пунктовъ своихъ несогласій съ никоніанской церковью, поморецъ подъ 14 мъ пунктомъ приводитъ слѣдующее «свидѣте[ль]ство отъ божественнаго писанія»: «Книгу имѣнуемую Кирилову не благочестне злослó вяще всюду порицаютъ ее книгою ложною и вѣроятія недостойною, содержащіяжесь въ ней божественныя словеса отъ пророческих и апостольских писаніи о право славнѣй нашей вѣрѣ и о превысочайшей богословіи оглаголуют быти прелестію и обманом простым людям, и яко бы сіи плевелы то есть божія глаголы и божественныя догматы посѣялъ Зизаніи»... (Ирк. Д. Сем. XLV. 1822 л. 76). Всѣ признаки апокалипсическаго антихриста объявляются на римской церкви, а затѣмъ на послѣдовавшей за Римомъ великороссійской церкви.—Ангелъ связалъ сатану и заключилъ его въ бездну на 1000 лѣтъ. (Апокалипсисъ, гл. 20). 1000 лѣтъ прошло. Но сатана еще не развязанъ. Онъ пустилъ отъ себя только духъ нечистый на Христову церковь, сталъ прельщать православныхъ христіанъ. Духъ сатанинскій объялъ собою Римъ: «И тако по тысящи лѣтехъ Рымъ отпадѣ со всѣми западными странами, прельщенны быша отъ таковаго пущеннаго отъ ничистаго духа, прельщенны во лжю, въ проклятыя въ ереси... и подъклонилися звѣрю седмиглавому, который изъ моря вы шилъ пестрыи» (Ирк. Д. Сем. XLV. 1797, 26 об. То же въ сбор. XLV, 1814). Вышелъ изъ моря звѣрь седмиглавый и десятирогій съ 10-ю вѣнцами на рогахъ, а на головахъ имена хульныя (Апокалипсисъ, гл. 13)... «По ересямъ называется звѣрь, а

[1]) Цитируютъ слово папы Ипполита и липоване,—старообрядцы въ румынской Добруджѣ. Ср въ «Очеркахъ и разсказахъ» В. Г. Короленка, кн. IV, стр. 235.

[2]) Печатана и въ наше время, въ 1895 г. въ Москвѣ въ единовѣрческой типографіи.

седми тайнахъ [таинствахъ] называется седмиглавымъ, и роговъ десять—царей из разныхъ царьствъ совокупятся въ едину волю, въ едину вѣру къ седмиглавому звѣрю, сирѣчь к рымскому царству, къ папѣ, къ великому еретику, а что на розехъ его десят вѣнцовъ, то значют царьскія персони; а на главахъ его имена хулна, сиречь все духовныя таинъствы творимое еретиками. сей седмиглавый звѣрь есть видимый человѣкъ еретикъ папа рымскій и прочіи власти великіи еретическія оболщенныи отъ дiявола».. (LXV, 1797, 26 об. - 27; см. изображеніе змея седмиглаваго). И будутъ великій еретикъ папа и иже съ нимъ гнать православныхъ христіанъ ко своему нече стію, къ проклятымъ ересямъ. Передъ пришествіемъ антихриста по всей вселенной распространится еретическое нечестіе, лживое проповѣданіе, «рымское евангеліе», а отеческія святыя преданія оставятъ, и все святое божественное писаніе еретиками ненавидимо и хулимо будетъ. И дастъ антихристъ слугамъ своимъ начертаніе имени своего, «на деснѣй руцѣ ихъ или на челѣхъ ихъ» имя звѣрино—число 666. Начертаніе или печать антихриста трегубая: 1) образъ повелительный, царскій антихристовъ начертанный, 2) деньги, 3) триперстное сложеніе сирѣчь ересь проклятая щепоть; замыкаетъ въ себѣ эта печать число имени его 666 (XLV, 1797, 30 об.—31) Когда по 7-мъ вселенскомъ соборѣ отпалъ · Римъ со всѣми западными странами отъ благочестія и истинной вѣры, то отъ Рима прочія всѣ царства восприяли «рымскія про клятыя ереси.. и зато рымское царство всѣмъ царствамъ мати погибели и папа рымскій надо всѣми еретиками еретикъ есть» (XLV, 1797, 32. LXV, 1814, 45, 54—55, 48). Семь царей, по апокалипсису, падутъ во власть антихристу, будутъ слугами римскаго престола; 3 царей самъ антихристъ покоритъ войною и послѣ нихъ будетъ 11 мъ царемъ. Было 5 патріарховъ: въ Римѣ Іерусалимѣ, Антіохіи, Александріи, Цареградѣ. Сіи 5 патріарховъ были истинноблагочестивые. Но по 1000 лѣтъ отпалъ римскій патріархъ отъ соборной апостольской церкви и сталъ слугою и предтечей антихристовымъ. 4 другихъ вселенскихъ патріарха согласились посвятить пятымъ патріархомъ въ великороссійскомъ государствѣ вмѣсто отпадшаго папы римскаго. Но прошло нѣсколько лѣтъ, въ разныхъ временахъ; и сіи четыре патріарха, іерусалимскій, антіохійскій, александрійскій и цареградскій, такожде пали въ нечестіе, присоединились къ пятому отпадшему патріарху, къ папѣ римскому и къ римскимъ проклятымъ ересямъ и сотворились еретики великіе, слуги и предотечи антихристовы. Оставался только одинъ благочестивый патріархъ въ великороссійскомъ государствіи. Потомъ и шестой патріархъ отпалъ отъ благочестія,—отпалъ вмѣстѣ съ великороссійскимъ государствомъ и присоединился къ римскимъ ересямъ и сталъ слугой и предотечей антихристовымъ. Отъ шестого патріарха, отъ Никона, великое царствіе россійское подклонилося къ той женѣ-любодѣйницѣ, что сидитъ на звѣрѣ седмиглавомъ (XLV, 1797, 33—34). «О злый Никонѣ, душегубный пагубниче. Не ты ли конь и всадникъ самого сатаны. Не ты ли поспѣшникъ аньтихристовъ. Не ты ли оугодникъ діяволовъ. Не ты ли бесѣдовалъ съ самѣмъ сатаною. Не ты ли погубилъ оу нас всю вѣру христіянскую... О звѣрю проклятый. О лукавый ширмеръ позаратай, шурмуишъ воинъства, биешъ ти голени церковныя... О блудница вавилонская, блудница всескверная беззаконная и т. д. и т. д. («Отъ посланія священномученика протопопа Аввакума и страдальца». Сб Троицк. мон.). Пріидетъ и седьмой патріархъ и назовется царемъ и святителемъ (XLV, 1797. 34). Папа римскій, взявшій себѣ власть духовную и мірскую, предотеча антихриста по писанію, якоже пишетъ Іоаннъ Златоустый. «Отъ того времѣни настала власть антихристовыхъ предатечь. Такожде и во въторым новым въ Рымѣ великом въ царьствіи въ росъсейскомъ, въ царьскомъ градѣ Петеръбургѣ... сталъ царь и патріархъ Се бысть пре [при] царѣ Петрѣ первымъ имъператорѣ» (Ib 35 об и въ XLV,

1814. 278 об.). Когда содержалъ старый Римъ благочестіе, были патріархи и цари. Цари патріархамъ покорялися. Впалъ старый Римъ въ ереси,—появился папа и царь вкупѣ. Такъ и въ новомъ Римѣ, въ Россійскомъ государствѣ, при благочестіи были патріархи и цари, «но патріархъ болій царя саном духовнымъ и царь покорялсы ему». Отпало Россійское государство къ Риму,—не стало патріарха, «тогда царь воспріялъ себѣ имъператорскій титулъ отъ папы рымъскаго, а патріарховъ отминилъ.., въ рымском царьствіи царьствуетъ папа духовный вкупи патріархъ и царь, а въ великоросейскомъ царьствіи царьствуетъ имъператоръство вкупи царь и патріархъ едино имя назвато имъператоръ, и тако отъ тѣхъ врѣмѣнъ явно въ великоросейском царьствіи настала власть антихристовых слугъ и предотечивъ» (ib. 36 об. и др. XLV, 1814. 284). Никонъ и Петръ, принявшіе лживое римское ученіе, времена измѣнили, переставили и украли. «Разумѣйте мужіе братія, яко Никонъ патріархъ врѣмена премѣни, восемь лѣтъ у Христа Бога убавилъ, рекше укралъ — нынѣ в лѣточисленіи отъ Рождества Христова не щитаются. А первый императоръ новой годъ измѣни: не сентября, на генваря 1-го празднуется» (Бесѣдословіе, 62). Да и мірское имя Никона и титулъ Петра—это печать антихриста, число звѣриное 666. «Внегда онъ [Никонъ] в бѣлцахъ нарицашеся Никита, погречески же глаголется Никитіосъ, в немже званіи состоится 666. Подобнѣ и во ономъ императорѣ, во властельскомъ его имени, тоже знаменаетъ быти 666: ибо егда оныи Петръ здѣ в россійскомъ государствѣ, опровергъ вся древнія обычаи, вмѣсто же онѣхъ возобновивъ еллинскія и римскія отверженныя обычаи; тако и вмѣсто царскаго званія пріи имѣноватися поримскіи «императоръ», обаче на римскомъ языцѣ сіе императорское имя глаголется безъ мыслетей, якоже о том в букваряхъ троязычныхъ показуетъ, и пишется сице: «іператоръ», еже значитъ 666. Въ немъ преисподній теітанъ засяде и озвѣрися» (XLV. 1814, 272) [1]). На вѣрныхъ рабовъ божіихъ воздвигли гоненіе лютое и, духомъ лукавымъ побуждаемые, стали хуловать ихъ раскольниками, съ 1667 г и при ономъ «титинѣ», «иператорѣ».

Началось шатаніе на Руси еще до Никона. Въ 1595 лѣто Малая Русь приступила къ римскому костелу и его ересямъ и заручную грамоту папѣ дала. Но, когда исполнилось 1666 лѣтъ, тогда заколебался самый великій столпъ въ вѣрѣ христіанской,—заколебался и палъ: палъ «Никонъ патріархъ и нача собирати многія ереси и развращенныя пути надохненіемъ сатанинъским и совѣтіемъ Арсеньтіемъ, рымъским еретиком греческимъ черницѣмъ; зри въ челобитнои соловѣцких чудотворцовъ..; и повелѣ печатати книги со многими ересьми». Ввели и много другихъ беззаконныхъ новшествъ. Вѣчную пагубу, великое смущеніе и мятежъ, а церкви великое озлобленіе и бѣды произвели въ россійской землѣ еретикъ Арсеній, прельстившій Никона, Никонъ, прельстившій царя Алексѣя Михайловича, и царь. Раскольникамъ, принявшимъ римскія сатанинскія нововводства Никона, нѣсть надежды на спасеніе: «таковыхъ всѣхъ еретиковъ святое писаніе вѣчному проклятію придаетъ, трижди анаѳеме предани». (XLV, 1797, 66 об.).

Что касается тѣхъ *ерссей*, въ которыя пала римская и послѣдовавшая за ней великороссійская церкви, то обличеніемъ ихъ и защитѣ древляго благочестія много мѣста удѣляется въ старообрядческихъ сборникахъ. Обширное произведеніе олонецкихъ старцевъ-старовѣрцевъ ихъ 106 отвѣтовъ, съ большими подробностями выясняютъ и обосновываютъ свое расхожденіе съ никоновскими «нововнесеніями». Въ другихъ писаніяхъ эти основныя положенія старообрядства повторяются, развиваются

[1]) О антихристовыхъ дѣяніяхъ Петра I вообще писалось много старообрядцами. См указанія у А. Н. Пыпина: Исторія рус. литературы, т. III, 341—342.

въ томъ или иномъ направленіи, снабжаются дополнительными доводами,—а также добавляются и другіе обличительные пункты, дипломатично обойденные олонецкими старцами или позднѣе вызванные обстоятельствами въ жизни старообрядцевъ. Въ сборникѣ Д. Сем XLV, 1797, приложено нѣсколько рисунковъ съ изображеніями церкви еретиковъ и перечисленіемъ ересей душегубительныхъ. Вотъ на л. 67 мъ изображена «церковь великоросъсейскихъ никоніяньскихъ людей великихъ раскольниковъ и отступниковъ отъ благочестія». Рамка съ горизонтальными линіями, по бокамъ по 3 окна Вверху 5 куполовъ. На каждомъ куполѣ крестъ съ перекладиной посрединѣ и на концахъ; это—«ришотки и крыжи римъских еретиков, отвѣржены отъ святыя христовыи церкви». Внизу 3 ступеньки ведутъ къ церковнымъ дверямъ. Направо жертвенникъ съ 5-ю (а не съ 7-ю) просфорами. Въ рамкѣ перечислены ереси. «1 ересь. аллилуія четвирятъ» (—не подобаетъ аллилуйя трегубить, но слѣдуетъ дважды глаголати «аллилуія» а въ третій «слава тебѣ боже»; объ этомъ очень много говорили олонецкіе старцы). «2 ересь. о одѣждахъ» (— не строить нелѣпыхъ одеждъ, сирѣчь иноземскихъ или еретическихъ; аще не послушаютъ, да отлучатся и причастія имъ не давать, кто бы это ни былъ: царь, князь, воинъ; аще и смертью будутъ угрожать, да не убоимся: лучше умереть, чѣмъ законъ господень и преданія святыхъ отецъ преступить, ib. 71—72). «3 ересь. непостящихся среду и пятокъ во весь годъ. «4. отъ падѣнія ни брегутъ праздниковъ господнихъ и святыхъ. 5 ересь. колѣнонипоклонницы. 6 ересь. въ крещеніи обливаютъ («такожде творятъ въ великоросъсейскомъ царьствіи, въ малоросіи въ той же ереси вси прибываютъ: вмѣсто крещенія лжицыю воду на главу возлѣваютъ. ib. 76 об.; о томъ же говорится въ XLV, 1798 и въ XLV, 1822). «7 ересь. о бритобритіи» (—подробнѣе см. ниже). «8 ересь. власовъ на глове нипостриженія. 9 ересь. о продажи и купованіи дара духа святаго» (—сирѣчь бѣрутъ и даютъ за таины церковныя, архіереи бѣрутъ, а людіи даютъ ib. 80). «10 ересь. о триперстномъ сложеніи сирѣчь о щепотѣ» (—весьма длинная апологія двуперстія въ «олонецкихъ отвѣтахъ»; въ указанномъ выше экземплярѣ на поляхъ многочисленныя и безукоризненно выполненныя изображенія кисти руки съ двуперстнымъ знаменіемъ). «11 ересь іисъ (—слѣдуетъ ісъ: см. въ 49 олонецкомъ отвѣтѣ статью 13-ю, посвященную имени Ісовѣ. Разсуждаетъ объ этомъ написаніи и книга Давыда: «сія ересь проповѣдуетъ иного царя, сирѣчь антихриста. Три буквы ісъ проповѣдуетъ св. Троицу, а іисъ—4 буквы, 2 по 2, проповѣдуетъ 2 рога, 2 рога проповѣдуютъ 2 власти антихриста: царя и святителя, 74 об.). «12 ересь. чай. 13 ересь. табакъ. 14 ересь малаксова»[1]) («благословляти щелчкомъ», 50). «Отъ падѣнія премѣненія крестовъ и множества примѣненія отеческимъ преданіямъ отъ своихъ суетныхъ умышленіевъ. Для восприятія таковыхъ ересѣй и для премѣненія отеческаго приданія *старопечатныхъ книгъ*, зато таковыя вси называются отъ святаго писанія отступницы, отпадшия, ничистивыи раскольницы и еретицы. прокляты трижды». И еще ересь въ иконописаніи. «Нынѣ еретицы умыслили бутъто зъ живыя писать; да и много у нихъ измѣненія во иконахъ: власы расчесаны и ризы измѣнены, и сложенія перстъ вмѣсто христова знаменія малаксову преданію раскоряку пишутъ щелчкомъ и подъпись измѣнили ісу, пишутъ іисъ порымскому, и много измѣненія во иконахъ. Неподобаетъ православному много и глядеть ни токмо кланятся такимъ неподобнымъ образомъ (—89. Ссылка на «челобитную соловецкихъ чудотворцевъ»). Въ семинарскомъ сборникѣ XLV 1822

[1]) Ср въ «Скрижали» (Москва. 1656), статью: «Ніколаа сщеннаго, малакса, протопопа науплійскаго, о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки сщенника, внегда блвити ему хртоименитыя люди». Въ началѣ находится изображеніе благословляющей руки (стр. 818—821 ненумеров.) Экземпл Ирк Д Сем XLV 1816.

помѣщены «Разъговоры, послѣдовавщія въ 1700-мъ году между двумя старообрядцами. 1 й былъ попбвлянъ, а 2-й поморецъ. Первый вопросилъ втораго: для чего вы другъ любезный отдѣлилис отъ великороссійской церкви. И на что второй отвѣчал: покорнейша прошу выслушать свидете[ль]ство отъ божествѣнаго писанія в сих 20-ти пунктах» (л.л. 72—76). 1—2) Еретическое написаніе имени Іисуса двумя слогами и оскорбленіе писавшихъ однимъ слогомъ. 3) Книги старопечатныя и старописьменныя опорочены. 4) Хула на изображеніе Богоматери («уподобляютъ русской бабицѣ»). 5) Хула на крестъ изъ трехъ древъ. 6), 7) двухперстное сложеніе перстовъ порицаютъ вельми злоглаголательно. 8) Обливаніе при крещеніи. 9) Отвержены древніе антиминсы. 10) Св. мужей Стоглаваго собора возыменовали плевелосѣятелями. 11) Стефана Зизанія переименовали эфіопомъ и ученикомъ діавола. 12) Не признаютъ мощей св. мучениковъ, обличавшихъ на судищѣ поганыхъ царей нечестивыхъ. 13) «Константина Панагіота, греческаго учителя, ревностное обличеніе латынских ересей сравниваютъ с неумством бражниковъ и людей кабацкихъ». 14) Злословятъ «Книгу Кирилову». 15) Аѳанасіевы ответы на вопросы князя Антіоха называютъ подложными. 16) Отметаютъ достовѣрную и чудотворную повѣсть о Троянѣ царѣ и о Фалконіялѣ дѣвицѣ, по смерти спасшихся. 17) «Какое то в молитвах своих призывают великое имя паче имени пресвятыя Троицы» (!). 18) Порочатъ одежду иноческую. 19) Пѣніе староцерковное порицаютъ дурнымъ и мужицкимъ. 20) Оправдываютъ власоращеніе, парикоошеніе, брадобритіе, табакопитіе.—Всѣ эти положенія-ереси подробно освѣщаются и опровергаются отъ писанія во всѣхъ старообрядческихъ сборникахъ. См., напр., изложеніе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ въ 38 статьяхъ 50-го отвѣта олонецкихъ старцевъ (л.л. 112 об.—147). На-ряду съ вопросами, относящимися къ жизни церкви и къ христіанскому уставу, трактуются въ той же плоскости и вопросы: о чаѣ, о табакѣ, объ одеждѣ, о брадобритіи («или «бритобритіи»). Послѣднему пункту, богомерзкой латынской ереси, удѣляется много мѣста. «Сія ересь сотворена и вышла отъ проклятого великаго отъ еретика папы рымскаго отъ Петра Гугниваго: наученіимъ отъ блуднаго бѣса ради любодѣянія за женъское за потпупія остригъ браду свою» (XLV. 1797 л. 38 об.). Это тотъ самый, что повелѣлъ «въ органы и тинпаны и въ мусикіи въ церкви играти». Онъ же повелѣлъ безъ покаянія прощать грѣхи и не беречься всякой скверности и со псами изъ однихъ блюдъ ѣсть (ib. 66). Любили разсказать и о томъ, при какихъ обстоятельствахъ сталъ папа, а за нимъ все латинское духовенство брить бороды. Объ этомъ интимныя подробности передовалъ философъ Панагіотъ (—не даромъ въ порицаніи его старообрядцы видятъ душегубительную ересь). «Отъ книги Кириловы, листъ 234. Преніе философа Панагіота ко Азимиту философу, отъ божественнаго [!] писанія, отъ философіи, отъ риторики и отъ витіи...—Последи же философъ Панагіотъ ко Азимиту рече: чесо ради папы ваши и вси церковницы стригутъ брады, рцы ми. Азимитъ. Пріиде агглъ нощію къ папѣ и рече ему: Аще хощеши быти, яко агглъ, остризи браду, понеже аггли без брадъ предстоятъ престолу божію. Панагіотъ: нѣсть тако, но солгалъ еси. Слыши Азимите азъ ти исповѣмъ истину». «Истина заключалась въ томъ, что женщина, взаимности которой добивался папа, поставила требованіе: «аще хощеши да пріиду къ тебѣ на ложе, то остризи браду свою». Папа бороду остригъ, но женщина насмѣялась надъ нимъ. Папа, желая прикрыть свой позоръ, сказалъ духовенству, что голуби, которыхъ онъ пріучилъ къ себѣ на плечо, передали ему волю Божію остричь бороду. Пусть и прочіе духовники послѣдуютъ ему. «Тояже вы и до днесь держитеся прелести, понеже жена посрамила есть насъ, и бріете брады своя подпупія ради женскаго»,—заканчи-

ваетъ свою истину философъ Панагіотъ (Изъ сборн. Троицк. мон.; см. выше подъ № 7, л.л. 15—15 об. находится и въ другихъ сборн., напр въ XLV, 1797, л.л. 78—79).

Въ бездну грѣховную вринулъ великороссійскую церковь богоотступникъ Никонъ. Еще больше ересей развилось на Руси при Петрѣ первомъ. Онъ назвалъ себя императоромъ, именемъ звѣринымъ, объединилъ въ себѣ власть царскую и патріаршескую,—тоже по сатанински; онъ ввелъ гибельную печать антихриста—двуглаваго орла, знаменующую двѣ власти антихриста (XLV, 1797, 60 об., 90 об.) При благочестивыхъ царяхъ гербомъ былъ крестъ, а еретиковъ проклинали и отъ римскаго и австрійскаго («астрицкаго») царства убѣгали и не принимали ихъ начертаніе двуглаваго орла. «А когда Росея, руской народъ отпали отъ благочестія и въпали вовъ ничестія, въ проклятыя въ ереси, въ лѣто 1667, и по отпаденіи чрез колико время насталъ въ руской земли царь ничестивыи, отпадшій Петръ Алексеивичъ и сей царь приклонился вовъ едино мыслія къ Рыму и Острицкому императору, къ рымъскому католическому закону и възя ихъ обычая гербъ двуглаваго начертаннаго орла.. и сей царь Петръ Алексеивичь въвелъ вовъ Росею чистоту въ воинстви, сирѣчь штатъ а во штати три погибѣли душевныя: первое—ересь щепотъ, вторая ересь—богомерское бритобритія, третія ересь—нимѣцкое платія и въ семъ во проклятомъ в штату весь народъ росейской земли души ихъ въ погибилъ идутъ» (XLV, 1797 л. 92 об.). Петръ I знаменуетъ собою двурожнаго звѣря: первый рогъ—его отецъ Алексѣй Михайловичъ, «онъ же Никону-дьяволу въ нарушеніи благовѣрія помощникомъ учинился, а второй рогъ—самъ Петръ. Сей Петръ всѣ остатки благочестія до конца изпразднилъ Онъ въ короткое время всѣ языческіе обычаи поганскихъ вѣръ вовозобновилъ: это показуютъ самый видъ и дѣйствія его: брадобритіе, ношеніе одеждъ и проч А по описи народной раздѣлилъ народъ на чины, размежевалъ землю и рѣки и всякія усадьбы и завѣщалъ каждому наблюдать за своей частью,—другому не давать, и этимъ создалъ врагъ междуусобную брань, свару и бой въ людяхъ. Раздоры начались и въ куплѣ и въ продажѣ отъ введенія чиновъ и уставовъ. По уставамъ латынскимъ нѣмецкихъ странъ онъ заставилъ людей пещися о богатствѣ и о тщетной славѣ А это все значитъ: непрестанно «со оною дщерію вавилонскою совокупляяся блудити и ис чаши ея мерзостію сребролюбіемъ грѣха упиватися». А народная перепись Петра,—послушайте пророческое слово св. Ипполита: «на кійждо градъ пошлетъ и взаконенія по всѣмъ странамъ с бѣсы же и с чювственными человѣки». Петръ антихристъ, «подкидышъ дьяволовъ» (XLV, 1814 л.л. 248-251, 253 об.)

Повиноваться властямъ придержащимъ должно по писанію. Но, учатъ нѣкоторые изъ книжниковъ, не всѣ ихъ приказанія слѣдуетъ выполнять: нельзя губить свою душу, выполняя богопротивное повелѣніе властителя. И Іосифъ Волоколамскій пишетъ, «еже подобаетъ повиноватися властем, кромѣ еже повредитися благочестію» (изъ отдѣльнаго рукоп. старообрядческ. листка).

Противно святой церкви, говорятъ нѣкоторые, отдавать сыновъ своихъ въ нечестивое воинство и деньги по душамъ собирать на подати (см. выше).

Мысль о близости дня суднаго, о наличности всѣхъ знаменій пришествія антихриста не покидаетъ старообрядца и въ XIX-мъ вѣкѣ. Въ семинар. сборникѣ XLV, 1798 сдѣланъ въ концѣ одной страницы перечень государей «отъ римскаго поколенія», отъ Екатерины I-ой до Павла, Александра, Костянтина, Николая, Михаила. «Толико Россія отрину турецкаго владѣнія, щитая отъ Азова, Крым, Герсон, Адестъ уже владычествует; узревый Ездра гордыи времена і се кончина сут беззаконія его исполниша» (—ср. передачу Херсона посредствомъ «Герсон», повидимому, въ языкѣ писавшаго г произносился не взрывно, а дли-

тельно; т. е. такъ же, какъ у семейскихъ въ концѣ вм. ѣ произносилось не ж, а х отсюда путаница въ передачѣ такого ѣ и х посредствомъ одного знака. А Иванъ Легостаевъ восклицаетъ за Байкаломъ-моремъ: «Нынѣ что [въ Россіи] есть? не антихристъ ли изыде изъ Ерусалима или отъ Рима и в Россію пришелъ есть. (Бесѣдословіе 25 об). Вся вселенная во отступленіи есть (ib. 29). И да вѣси, христолюбіе, яко вся христіанская царства пріидоша в конецъ и снидошася во едино царство государя нашего по пророческимъ книгамъ... Зритѣ мужіе и братіе, время нынѣ плачевное и толико скорбное, должны другъ о другѣ соболѣзновати и оплакивати» (ib. 30—31).

Въ старообрядческихъ сборникахъ сообщаются нерѣдко свѣдѣнія изъ прошлаго ревнителей древняго благочестія. Эти свѣдѣнія касаются исключительно темы страданій, перенесенныхъ отъ гонителей,—великороссійскихъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Разсказывая о гоненіи на непріемлющихъ никоновскихъ нововнесеній, списатель вспоминаетъ гоненія на христіанъ и въ первые вѣка христіанства: какъ тамъ, такъ и здѣсь гонители—невѣрные идолопоклонники, богоотступники. Трогательно и витіевато разсказана исторія объ осадѣ и разореніи Соловецкой обители. Семь съ лишнимъ лѣтъ выдерживала осаду богоспасаемая киновія. Измѣна одного изъ братіи отдала ее на разореніе лютому воеводѣ Мещеринову. Много пострадало, было замучено до смерти «преподобныхъ старецъ». Во второй части исторіи сообщены подвиги страдальцевъ за древлее благочестіе по разореніи соловецкой киновіи. Такъ, діяконъ и екдисіархъ соловецкій Игнатій—«сей единъ отъ соловецкія киновіи изыде и со многими ко Господу взыде. Въ Палеостровстѣмъ монастыри со двѣма тысящьма и седми стами собравшихся за древнее отецъ благочестіе отъ присланныхъ воиновъ сожженъ». «Германъ смиреномудрый и крѣпкій... також со многими собравшимися яко с тысящію и пятьми стами в вышереченнѣмъ монастыри отъ воиновъ пріѣхавшихъ огнепаленіемъ отъ здѣшнихъ в будущая преселивыйся добрѣ». Много и другихъ отцовъ и истинныхъ христіанъ отдало жизнь за древлецерковные законы и за обличеніе новинъ (приложеніе къ «олонецкимъ отвѣтамъ», сем. ркп. XLV, 1814 256—256 об.).

Гоненія на непризнавшихъ новинъ Никона не прекращались и въ послѣдующія десятилѣтія. Хула, изгнаніе, пытки, темничныя заключенія, усѣкновенія, сожженія выпали на долю стоявшихъ за непремѣнность древняго благочестія. При второмъ носителѣ звѣринаго числа 666, при императорѣ Петрѣ I, гоненія на «староверцевъ» со всей остротой напомнили имъ опять о пришествіи антихриста о послѣднихъ дняхъ міра. Горячія обличенія Петра заключаетъ въ себѣ сем. сб. XLV 1814 (ср. выше). Всѣ дѣянія Петра—дѣянія антихристовы, по писанію. Сказано въ писаніи, что антихристъ нѣкоторое время будетъ терпимо относиться къ истиннымъ христіанамъ и даруетъ тѣмъ «льстецъ малыя снѣди, печати ради своея скверныя». И Петръ даровалъ эту малую снѣдь. Онъ допустилъ на короткое время свободное исповѣданіе старообрядцами своей вѣры, свободное разглагольство съ ихъ противниками. Но не долго продолжалось это время, «яко малу нѣкую снѣдь пачавкали». Указомъ 1716 г. февраля 8-го дня по общей переписи старообрядцы должны были платить двойной окладъ [1]), но въ дѣлахъ вѣры оставались свободны. Указомъ 1722 г. сентября 24 дня эта свобода у нихъ отнималась: воспрещалась свободная проповѣдь, а ихъ книги названы раскольническими и должны быть отобраны (—сообщенъ и указъ этотъ, «духоборца глаголъ», лл. 272—273). Назвавъ эти книги раскольническими, пресквернный онъ адскій песъ вѣсь соборъ святыхъ съ самѣмъ Господѣмъ охулова». Народная опись—

[1]) Въ Тобольской губ. старообрядца называютъ *двоеданъ*.

печать антихристова для печатанія народнаго: ибо послѣдователи древлецерковные, желая вписаться въ оный *раскольнический* окладъ, должны прійти къ чувственнымъ бѣсамъ императора и, кланяясь, просить о начертаніи себя въ окладъ раскольниковъ, «и тако симъ подобіемъ пріяша печать антихристову, сирѣчь раскольниками ся нарекоша, и тѣмъ его обоготвориша, а себя же въ отступники вложиша». Но ревнители правой вѣры твердо помнили писаніе: «зане Господь Богъ чрезъ ангела своего, утверждая люди своя, глаголя: не прімати антихриста онаго в царя себе, сирѣчь въ покореніе ко оному императору (!) во опись его не вдаватися» (лл. 279—280, 289),—и полилась кровь страстотерпцевъ, пролитая симъ звѣремъ. «Глаголютъ нѣцыи, яко отъ онаго лѣта 722 до Екатерины третія описи оно ихъ старовѣрческое ученіе острѣе виннаго шинкарства и денижнаго мастерства отъ него антихриста надзираемо содѣяся»: отыскивали потаенныхъ раскольниковъ, древнія книги и оныя на огнѣ сжигали, непрестанно къ щепоти привлекали и насильно еретически причащали (лл. 274 об.—275, 289). Стойкіе ревнители и отцы благочестія не покорялись титину и обличали его беззаконія. Они не подклонились подъ печать антихристову, не начертались раскольниками. А онъ лютый мучитель, «таковымъ горла оловомъ заливая, инѣмъ же уста кляпами забивая» (294 об.), гналъ подъ свою печать. Много въ то жестокое время правовѣрныхъ христіанъ смертію животъ свой запечатлѣло, «и яко же о сибирскихъ страдальцѣхъ исторія показуетъ». Настало послѣднее время; «блаженъ иже Христа ради съ радостію тогда мученіе пріиметъ» (л. 300).

Заблудшіеся еретики старопечатныя книги опорочили, назвали ихъ «старогадками и старопачканными» (3 й пунктъ «Разговора» въ сб. XLV. 1822) «Какъ говорилъ Никонъ, адовъ песъ, такъ и сдѣлалъ: «Печатай Арсенъ книги какъ нибудь, лишь бы не по-старому» (Житіе Аввакума). Въ олонецкихъ (поморскихъ) отвѣтахъ подробно перечисляются отступленія въ текстѣ новопечатныхъ книгъ (въ рукоп. экз на лл. 173—177). Обличая «еретическую блудню» (прот. Аввакумъ), защитники древляго благочестія православнаго «обкладывались» писаніемъ старописьменнымъ и старопечатнымъ, неискаженнымъ. Составлялись списки книгъ, въ особенности чтимыхъ старообрядцами. Такой списокъ, хотя и далеко неполный, находится въ сборникѣ XLV. 1798: «О книгахъ благочестивыхъ». Перечислены слѣдующія книги: Стоглавъ, книга святаго Кирила Іерусалимскаго (заложена 7121 лѣта совершена же 7152»), книга о вѣрѣ въ лѣто 7156, книга кормчая въ лѣто 7161, въ первое лѣто царя Алексѣя Михайловича напечатанъ служебникъ (въ томъ служебникѣ при концѣ приложено поученіе еже православнымъ христіяномъ брадъ не брити), въ лѣто 7137 напечатанъ въ Москвѣ потребникъ, грамматика напечатана въ Вилне 7103 лѣта, четія минея макаріевская. Въ перечнѣ сдѣланы ссылки на «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго и на «Пращицу» Питирима[1]). Оттуда и указаны эти книги, для укоренія вѣроятно противниковъ. Конечно, этотъ, опытъ старообрядческой библіографіи крайне не полный. Въ каждомъ старообрядческомъ писаніи сдѣланы заимствованія и ссылки на очень длинный рядъ книгъ старописьменныхъ, харатейныхъ и старопечатныхъ. Въ позднѣйшихъ своихъ писаніяхъ старообрядцы не стѣснялись пользоваться соотвѣтствующими данными и изъ книгъ русскихъ юго-западныхъ писателей (ср. выше).

---

[1]) «Розыскъ о Расколнической брынской Вѣрѣ, о Оученіи ихъ, о Дѣлахъ ихъ и изъявленіе» Въ Москвѣ 1755. Глава 8 я въ 1 й части «О книгахъ же старыхъ и о книгахъ новыхъ» (Пользуемся экземпляромъ Ирк. Д. Сем. XLV. 1786. Тамъ находится 5 экз. этой книги. На одномъ имѣются позднѣйшія рукописаныя замѣтки). «Пращица противо вопросовъ расколническихъ». Въ Москвѣ, 1752 Въ разныхъ мѣстахъ этой огромной книги указываются старопечатныя (и новопечатанныя) книги. (Пользуемся экземпляромъ Ирк. Д Сем XLV. 1721 Имѣется 5 экз.).

Кромѣ темъ, посвященныхъ расколу, въ письменности старообрядцевъ вообще и за байкальцевъ въ частности, представлены статьи и религіозно-нравственнаго, духовно-назидательнаго содержанія. Матеріалъ для этихъ статей черпается исключительно изъ памятниковъ славяно русской письменности. Тутъ находятся выписки изъ «Златаго бисера многоцѣннаго» о чтеніи книжномъ, о зависти и ненависти, изъ книги «Измарагдъ» о житіи, о творящихъ пиры-банкеты, о поганскихъ обычаяхъ, о незабытной памяти и др., изъ книги митроп. Даніила «О еже како жити по уставу святыхъ отецъ , разныя наставительныя статьи изъ «Андріатиса» о наказаніи развращенныхъ и о хульникахъ и др., изъ «Златоструя»: о добродѣтели и о злобѣ, о разсужденіи и неразумѣніи, о любви и о дружествѣ («внимай любезное чадо и милыя любезныя друзи!»), о попахъ, неучащихъ людей, о сквернословіи, какъ въ церкви стоять. какъ посреди міра спастись и др. Брались статьи изъ Патерика, изъ Толковой псалтыри, изъ Зерцала великаго, напр. «како не терпитъ врагъ діяволъ идѣже союзъ любве и сего творити безсиленъ творити человѣки, паче же бабами», изъ Кормчей, напр., о бракахъ, изъ разныхъ соборниковъ. Имѣются выдержки изъ книгъ болѣе поздняго времени,—изъ «Ѳеатрона», «изъ книги Баронія» и др.—Таковъ въ общемъ составъ духовно назидательныхъ статей, находящихся въ старообрядческомъ, по всей вѣроятности, забайкальскомъ сборникѣ Д Сем. XLV 1798. На тѣ же темы и изъ тѣхъ же сочиненій подобраны статьи и въ другихъ сборникахъ. Религіозно-назидадательной же цѣли служили давнія славяно русскіе апокрифы и ихъ передѣлки Иногда на апокрифы старообрядческій книжникъ ссылался при доказательствѣ того или иного положенія относительно «древляго православія» или для обличенія какой-нибудь «римской бляди». Для него и писаніе отца церкви, и каноническая и неканоническая книга, апокрифъ имѣли одинаковое значеніе. Отголоски апокрифическихъ сказаній во взглядахъ старообрядцевъ, въ частности семейскихъ, можно наблюдать и въ настоящее время. Вотъ тетрадка (XIX в.) троицкаго монастыря, отобранная у старообрядца. Она вся занята апокрифами и повѣстями. Тутъ находится «Бесѣда трехъ святителей» дающая огромное количество свѣдѣній читателю на самые глубинные вопросы. Напр.. Вопрос. Сколько лѣт Богородица поживѣ. Отвѣт. Седмьдесятъ два лѣта. Вопрос. Кто Богородицу крести. Отвѣтъ. Петръ апостолъ. Вопросъ. Кто діяканъ отмѣтникъ, пѣвецъ блудникъ. Отвѣтъ. Діаконъ отмѣтникъ Петръ апостолъ, пѣвецъ блудникъ царь Давидъ. Вопрос. Что у Бога нѣтъ. Отвѣт. Неправды Вопросъ Что небесная высота, а земная широта и морская глубина. Отвѣт. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. Вопрос. Отъ чего солнце сотворено. Отвѣтъ. Отъ свѣтлыя ризы своя господни и отъ огня. Вопрос. Отъ чего аггли сотворены. Отъ духа святаго и отъ огня» и много другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Далѣе слѣдуетъ разговоръ мальчика съ философомъ, проникнутый отрицательнымъ отношеніемъ къ «свѣцкому знанію . Философа во всѣхъ пунктахъ «разговора» побиваетъ мальчикъ. Напр. «Малчикъ спросилъ: кто ученнѣе всѣхъ въ свѣтѣ. Отвѣтъ. Книжникъ: кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣцкое житіе. Малчикъ: неправда: а кто читалъ одну книгу и довольно знаетъ себя.. Книжникъ сказалъ: изрядно; слушай, дружокъ, когда ты столь свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія мира. Малчикъ: готовилъ адъ, чтоб его наполнить тѣми, кто о семъ безполезно любопытствуетъ» и т. д.—Въ той же тетрадкѣ читатель могъ узнать «О хъмѣлномъ питіи, отъ чего уставися горелное вино душепагубное. Братіе, послушайте сего благовѣстія и разумѣйте что хмѣлное питіе отъ бѣса сотворено на пагубу душам православным христіяномъ и на вѣчную муку». Слѣдовало повѣствованіе, какъ сатана, чтобы противодѣйствовать распространенію христіанства, послалъ на землю пьянаго бѣса, а этотъ бѣсъ нар-

валъ на горѣ травы (на поляхъ замѣчено: «хмѣлю»), коей была прельщена Ноева жена, и показалъ одному человѣку, какъ варить хмѣльное питье. Сварилъ человѣкъ хмѣльное питіе и отослалъ царю. Царю понравилось оно и черезъ него распространилось въ народѣ. «И разнесе то піяное питіе въ Цыцарію и в Литву и по всѣмъ царствамъ и странам. Потомъ на кончину вѣка сего и к намъ пріиде в рускую страну на погибель душамъ христіянъскимъ и на вѣчную муку. И потомъ пріиде в рускую страну злая брань матерная на оскверненіе земли и воздуху и всей твари. И затѣмъ пріиде в рускую страну антихристово питіе сухая табака, въ нейже наипаче человѣцы повредишася... Святии отцы отрекоша с таковыми ни ясти, ни пити, ни вкупѣ Богу молитися, яко отъ врага укрѣплены занеже то первая пѣчать антихристова и знаменіе пришествію его».

Изъ сборника Д. Сем. XLV. 1798 книжникъ могъ дать отвѣтъ своей братіи на такіе вопросы: «Что есть небо. Отвѣт. Престолъ божій. Вопрос. Что есть солнце. Отвѣт. Огнь небесный, сила содержителна всѣхъ свѣтилъ» и др. Тутъ же: «Вопрос. Что есть вѣра» и др. Въ томъ же сборникѣ помѣщены занимательные и вмѣстѣ съ тѣмъ пророческіе 12 сновъ царя Мамира и ихъ протолкованіе. Эти «сны» отвѣчали старообрядческимъ ожиданіямъ пришествія антихриста и взглядамъ на окружающее, какъ на мерзость запустѣнія, реченную пророкомъ. 2-й сонъ: «Видѣхъ тѣло наго страшно стояща. И отвѣща философъ ко царю: Будетъ время зло велми; тогда людіе облекутся во одежди необычныя и чюжія. и жены возлюбят одежды нелѣпыя, нагія и блудническія на прельщеніе малоумным. И тогда мало начнутъ добра творити: вси уклонятся в прелесть мира сего». 10-й сонъ: «Видѣхъ гору велми высоку, а ней лежит камен велми красенъ, гора развалилася, а камен разсыпался. И рече философ ко царю: То будут в нѣкоей стране царьство православное и многія люди отъ православныя вѣры отпадут и царьство то раздѣлится и пакі уставится на мало время, и тогда скоро будетъ скончаніе миру». Къ концу міра относятся и 2 послѣдніе сна. Въ концѣ въ скобкахъ составитель сборника замѣтилъ: «зри в книзѣ мефодія патарьскаго сія нужды и бѣды [передъ кончиною міра] вси описаны». Въ томъ же сборникѣ имѣются «Написанія Аѳонасія мниха іерусалимскаго к Панкови о древѣ разумнѣмъ добру и злу (Кормчая старопис. лист 566)» и «того же Афанасія о наузѣх і о стрѣлѣ громнѣи».

Любили почитать старообрядцы и «Страсти Христовы». Это апокрифическое произведеніе имѣется напр., въ сборникѣ, переписанномъ П. Овчинниковымъ (наход. въ Троицкомъ мон.). Въ библіотекѣ Ирк. Д. семинаріи (XLV. 1817) имѣется печатное изданіе: «напечатася въ типографіи супрясльской, въ лѣто зтге» (—г по опечаткѣ вм. вѣроятно к, т. е отъ Р. Хр. въ 1817 г). Книга принадлежала раньше «раскольнику Артемію Трифанову» (помѣтка). Въ той же библіотекѣ находится и рукописный (XVIII в. или нач. XIX в.) экземпляръ «Страстей» (XLV. 1824). Того же времени рукописный экземпляръ «Страстей» принадлежитъ библіотекарю ирк. городской библіотеки Н. С. Романову. Были ли эти 2 экземпляра въ употребленіи у семейскихъ, мы не знаемъ. Замѣтимъ еще, что въ экземплярѣ Н. С. Романова за «страстями» помѣщена *Лѣтопись Великаго Устюга* (18 стр.); а изъ В. Устюга и вообще изъ той области шла въ Сибирь основная колонизаціонная волна, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя діалектологическія и историческія [1]). Поучительны и *мы-*

[1]) Среди устюжанъ въ Сибири были и хорошіе переписчики книгъ. Одинъ изъ такихъ переписчиковъ исполнилъ для криволуцкаго разночинца (Киренскаго у. Ирк. г.) сборникъ поученій, въ 168 л. въ восьмушку. «Сія стая Бгодухновеная и нравоучителная книга криволуцкой волости разночинца Петра Иванова сна Кузакова. писалъ сію книгу города Устюга великаго Василей Григорьев Новоселцовъ, а писана 1756 г. Апрѣля 13».— Изъ собранія М П Овчинникова въ Иркутскѣ.

тарства, пройденныя душой Өеодоры. Путь мытарствъ—напоминаніе живущимъ о грѣховности ихъ жизни и объ исправленіи ея. А сколько грѣховныхъ **терній** растетъ въ грѣшномъ мірѣ! И все грѣховное, содѣянное человѣкомъ въ земной жизни, предстанетъ передъ его душой на томъ свѣтѣ. Вотъ, къ примѣру, «пятое на десять мытарство: всяка ересь иже вѣруютъ въ стрѣчу и в чехъ, и в полазъ, и во птичій грай, и в ворожбу, и басни баютъ, и в гусли гудутъ» и т. д (приложеніе къ старообрядческому рукоп. чину погребенія. Ирк. Д. Сем. XLV 1802).

Къ религіозно-назидательной книжности старообрядцевъ очень близки по своему содержанію *духовные стихи*. Они отличаются отъ религіозно-нравственныхъ статей только своею формой. Духовные стихи у забайкальскихъ старообрядцевъ, какъ и у другихъ ихъ собратій, распѣваются не только лицами, знающими грамоту, но и неграмотными, наизусть заучившими стихи со словъ другихъ. Распѣваются они старыми и молодыми, мужчинами и женщинами. Расхваливали мнѣ одну бабочку въ Тарбагатаѣ: шибко жалостно стихи поетъ, въ особенности когда ей «воточки» поднесутъ. Многіе къ ней ходили учиться стихамъ. Что касается содержанія духовныхъ стиховъ семейскихъ, то оно общее съ содержаніемъ стиховъ, распѣваемыхъ старообрядцами и на Поморіи и въ Стародубѣ и Вѣткѣ. Одни стихи посвящены расколу въ русской церкви, отражаютъ настроеніе гонимыхъ старообрядцевъ, ихъ жалобы и вопли,—чѣмъ полны были ихъ «житія», челобитныя, посланія. Въ тетрадкѣ Троицкаго монастыря (гдѣ «Бесѣда трехъ святителей») находится стихъ **«о озлобленіи каеоликовъ»**. Разсказано о гибели на Руси древляго благочестія, о побѣдѣ змія седмиглаваго, звѣря десятирогаго, испустившаго свой ядъ въ каөлическій красный вертоградъ. Мракъ объялъ землю русскую; солнце скрыло свои лучи, луна и звѣзды померкли, и бездны всѣ содрогнулись. Измѣнились злобно всѣ древнія святыя преданія, всѣ пастыри въ еретичествѣ потонули, а вѣрные изъ отечества изгоняются,—царитъ тамъ вавилонская любодѣйница и поитъ всѣхъ изъ чаши мерзости. (Ср. изображенія въ ркп. XLV, 1797). Вмѣстѣ съ тѣмъ слышится глубокая скорбь и надрывающій душу плачъ изгнаннаго, покинутаго человѣка, бродящаго во мракѣ безъ наставника и учителя. Исходъ скорби въ одномъ, —въ удаленіи отъ міра. «Ты пари, душе, въ чащи темныя, отъ мірскихъ суетъ удаленныя!».

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
попусти Господь такову бѣду:
облакъ темный всюду осѣни,
небо и воздух мракомъ потемни;
солнце въ небеси скры своя лучи
и луна в нощи свѣтлость потѣмни
но звѣзды вся потемниша зракъ,
и дневный свѣтъ преложися въ мракъ.
Тогда тварь вся ужаснушася
но и звѣзды [вм. бездны] вся содрогнушася,
егда адскій звѣрь разрѣшишася,
отъ заклепъ твердых искочи нагло.
О, коль яростно испусти свой ядъ
в кафалическій красныи вертоград.
Зѣло злобно тогда врагъ [возревѣ],—
кафалическій род мучить повелѣ:
святыхъ пастырей въскорѣ истреби,—
увы, жалости! огнемъ попали,
и [четы] иноковъ уловляхуся
злымъ казненіемъ умерщвляхуся;
всюду вѣрніи закалаеми,
аки класове пожинаеми.
Тогда вѣрніи горце плакаху,
зѣло жалостнѣ къ Богу взываху:
время лютости, Боже сохрани [сократи],
отъ мучительства злаго защити;
аще не твоя помощь сохранитъ,
и избранных всѣх адскій змій прельстит.

Охъ, увы, увы, лютыхъ тѣхъ временъ!
Охъ, увы, увы, скорбныхъ оныхъ дней!
Како лютый звѣрь нас погуби,
вся древеса вскорѣ попали.
Аще помянемъ благочестіе,
пресвѣтлое правовѣріе,
егда процвѣталъ кринъ церковный,

тогда зѣло облисталъ чинъ священный,—
то не можемъ быть без рыданія
и безъ скорбнаго воздыханія.
Охъ, увы, увы, дрѣвнѣе правовѣріе!
Кто лучи твоя тако вскорѣ сскры, [потемни],
кто блистанія тако измени?
Десяторожный звѣрь сіе погуби
седмоглавны змій тако учини,
весь церковный чинъ звѣрски прекрати,
вся преданія злобно истреби,
церкви божія искоренишася,
тайнодѣйствія вся лишишася,
но и пастыри поплѣнишася,
жаломъ новшества умертвишася.
Зѣло горестно о семъ плачемся.
Увы бѣднѣ[не], вси сокрушаемся,
что пастыри посмердишася,
въ еретичествѣ потопишася.
Оле, бѣдности, намъ без пастырей!
Оле, лютости, без учителей.
По своеи воли вси скитаемся,
отъ зверѣй лютых уязвляемся
всюду вѣрныи утѣсняеми,
отъ отечества изгоняеми.
За грѣхи наши днесь родимся,
въ таковы бѣды попустимся.
Почто въ юности мы не умрохомъ?
Избѣжали бы лютыхъ сихъ времѣнъ.
И мы горце вси всегда плачемся,
прелюбезне [преболѣзно] вси сокрушаемся.
Вавилонская любодѣица
и прескверная чародѣица
подъ прикрытіемъ малы сладости
и предотеча вр[л.?]иваетъ всѣм чашу мерзости.
И мы слабіи тѣм прельщаемся,
сластолюбіемъ уловляемся.
Увядаетъ днесь благочестіе,
процвѣтаетъ все нечестіе,
лжеучители почитаются,
на кафедрах вси возвышаются,
вѣрныхъ собори истребляются,
сонмы мерзости умножаеми.
Вся пророчества совершаются.
И чего еще хощемъ ожидать,
посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончавается,
и день судны приближается.
О, ужаснись, душе, суда страшнаго
и пришествія всеужаснаго!
Окрылись, душе, крылы твердости,
растерзай, душе, мрежу прелести.
Ты пари, душе, въ чащи темныя,
отъ мирских сует удаленныя.
Постигай тамо вѣрныхъ мал соборъ,
укрывающи[хся] посредѣ холмовъ.
Не страшись, душе, страха тлѣннаго.
Убойся ты огня вѣчнаго.
Изливай душе реки слезныя,
простирай к Богу молбы многія
крѣпко всегда уповай,
во вѣки его прославляй.
Аминь.

Этотъ стихъ совпадаетъ, за незначительными отклоненіями, со стихомъ, находящимся въ тетрадкѣ (XIX в.), пріобрѣтенной Вс. И. Срезневскимъ въ Заонежскомъ краѣ (хран. въ рукоп. Отд. Б-ки Академіи Н. № 21. 8. 3). Рукопись пріобрѣтена имъ изъ рукъ лица, принадлежащаго къ числу бѣгуновъ или странниковъ. Много выдержекъ изъ нея напечатано въ изданіи В. Бончъ-Бруевича: «Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола» (Вып. I, Спб. 1908). Этотъ стихъ поется не одними бѣгунами, но вообще старообрядцами; поэтому нельзя пользоваться имъ, какъ и другими, напечатанными Вс. И. Срезневскимъ, чтобы «съ одной стороны характеризовать міровоззрѣніе и идеалы бѣгуновъ, съ другой ихъ отношеніе къ православію и старообрядчеству» («Матеріалы» 229). Въ тѣхъ же словахъ «воспоминаніе преболѣзненное объ озлобленіи кафоликовъ» передаютъ и старообрядцы Ярославской губ.: ср. текстъ, напечатанный въ «Жив. Старинѣ» 1906 г., в. I, 49—51. Отклоненія представлены немногими словами. То же «изъ рукописи поморцевъ» напечатано было В Варенцовымъ въ «Сборникѣ рус. духовныхъ стиховъ» (СПб. 1860, 179-183). И на западѣ Россіи, на Вѣткѣ, также извѣстенъ стихъ о погибели благочестія на Руси. (Напечатанъ въ «Ж. Старинѣ» 1907 г., в. III, стр. 145—146). При этомъ надо

замѣтить, что такого совпаденія, какое обнаруживается въ вышеуказанныхъ четырехъ записяхъ, вѣтковская псальма не представляетъ. Нѣкоторые стихи тожественны, но не всѣ. Въ вѣтковскомъ варіантѣ реальнѣе представлена гибель православія, чѣмъ въ неопредѣленныхъ восклицаніяхъ и сравненіяхъ первыхъ указанныхъ записей. Кромѣ того, въ вѣтковской псальмѣ указанъ составитель ея: «Бахксизмъ при нарушеніи вѣры, отъ отступника Никона, бывшаго патріарха. Сія псальма составлена преосвященнымъ Анфимомъ епископомъ, который бѣжалъ за р. Дунай съ донскими казаками, сирѣчь некрасовцами».

Событіямъ начала раскола посвященъ **«Стихъ соловецкихъ чудотворцевъ»**, находящійся въ рукописи (XIX в.), доставленной въ 1871 г. П. А. Ровинскому однимъ крестьяниномъ изъ с. Тарбагатая («Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. IV, № 2, 105—106). Въ этомъ стихѣ вспоминается походъ и осада Соловецкой обители. Обстоятельства осады и взятіе обители, представленныя въ стихѣ, не соотвѣтствуютъ тому, какъ это передано въ «исторіи». Точнѣе представлены событія въ другомъ варіантѣ этого стиха, найденномъ въ Вѣткѣ (напеч. въ «Ж. Стар» 1907 г., в. III, 147—148). Вотъ стихъ изъ тарбагатайской тетрадки:

Что во славномъ было царствѣ,
во московскомъ государствѣ,
переборъ былъ болярамъ,
пересмотръ воеводамъ.
Изъ болярь—болярь выбирали
въ воеводы посадили.
Что еще выбирали воеводу
Петра сына Алексѣича,
еще роду не простова
господина Салтыкова.
Посылали воеводу
къ соловецкимъ чудотворцамъ,
монастырь ихъ разорити,
стару вѣру разрушити,
старыя книги изодрати
и всѣхъ старцевъ прирубити,
въ синее море пометати.
Что возговоритъ воевода:
«Что не льзя, сударь, зорити
невозможно и подумать
на святое его мѣсто».
Что возговоритъ государь
царь Алексій Михайловичъ:
«Ты доброй же воевода
я велю тебя сказнити,
руки—ноги отрубити,
буйную голову отпилити».
—Погоди, сударь, казнити,
Прикажи рѣчь говорити.
Дай же, сударь, силы много,
стрѣльцовъ, бойцовъ и солдатовъ.—
Что садился воевода
онъ великій во стружечки.
Потянули буйные вѣтры
со полуденной страны.
Приносило воеводу
къ монастырю тому святому,
ко игумену честному
и ко храмому ко святому.
Что стрѣляетъ воевода
во соборную божію церковь.
Уронилъ онъ воевода
Богоматерь со престола.
И всѣ старцы испужались,
по стѣнамъ пометались,
во едино мѣсто собирались,
во едино слово говорили:
«И мы головы положимъ,
мы по старому послужимъ,
вѣчно Богу слуги будемъ
и съ Нимъ во царствіи пребудемъ».
Во московскомъ было царствѣ,
отворились царскія двери,
воскричали, возопили:
«Уже есть ли у насъ караулы!
Посылали бъ поскорѣе,
монастырь бы не зорили,
а старцевъ не рубили,
и вѣру бы не рушили».
Что возговоритъ игуменъ:
«Вы духовныя мои дѣти!
Уже вы стойте, не сдавайтесь,
за Христа Бога умирайте.
Аминь

Слово въ слово (кромѣ 3—4 словъ) совпадаетъ этотъ стихъ со стихомъ въ тетрадкѣ одной женщины д. Устья Печорскаго у. (напеч Н. Ончуковымъ въ «Жив. Стар.» 1907 г. в. III, стр. 80—81) Ср и въ «Бѣломорскихъ былинахъ» Маркова (стр 470). Небольшiя отклоненiя представляетъ и стихъ, напечатанный Безсоновымъ по рукописи изъ Коломны («Калѣки перехожiе». М. 1861, 679—680).

Не Салтыковъ, а Мещериновъ разгромилъ соловецкую киновiю.—Въ вѣтковскомъ варiантѣ Салтыковъ отказался, а лютый Мещериновъ поѣхалъ.—Конецъ былъ иной. Въ вѣтковскомъ варiантѣ все разсказано согласно съ «исторiей». «И киновiи жилища опустошишася, кѣлiи испразднишася, болница праздна возлежащихъ являшеся Пусты святыя церкви молящихся киновiатъ, пустъ монастырь своихъ жителей показася. Исполнишася окрестныя обители на отоцѣ, наполнишася луды и морьстiи брези тѣлесъ мертвыхъ висящихъ и на земли лежащихъ; земля отока и каменiе обагрися неповинною кровiю преподобныхъ» («Исторiя», л. 247 рукописи XLV, 1784 г.). «Воевода киновiю взя генваря въ 29, в первый часъ мясопустныя суботы и вся жители елико иноческаго елико мирскаго чина и убiенныхъ тѣлесами и неповинною кровiю святое окропи мѣсто»» (ib. 248.—У старообрядцевъ имѣется изображенiе осады и разгрома Соловецкой обители: съ одной стороны обитель, съ другой три пушки по ней палятъ; передъ пушками три солдата стоятъ; солдаты одѣты въ форму болѣе поздняго времени; на возвышенiи на перекладинѣ висятъ монахи, повѣшенные за шею за туловище, за ноги; посрединѣ стоитъ воевода; въ сторонѣ тѣла убитыхъ монаховъ; въ отдаленiи скачутъ посланцы съ пакетами. См. это изображенiе напр., въ старообрядческой хрестоматiи «Старая вѣра» (М. 1914, стр. 113).

Въ другихъ духовныхъ стихахъ отражается настроенiе старообрядца, его отношенiе къ мiру соблазна и пустыхъ треволненiй, памятованiе вѣчныхъ мученiй. Сообщаемые ниже духовные стихи, хотя являются излюбленными у старообрядцевъ, но не составляютъ исключительно ихъ достоянiя: тѣ же стихи распѣвались и распѣваются и нестарообрядцами Вотъ стихъ объ *Iосафатѣ царевичѣ индiйскомъ*. Главный мотивъ этого стиха бѣгство отъ мiра прелести, отъ «покоевъ свѣтлыхъ и чертоговъ, славы и чести премноги»,—бѣгство на лоно прекрасной матери—пустыни. Этотъ стихъ поется повсюду у старообрядцевъ. У забайкальскихъ старообрядцевъ могу отмѣтить 2 типа стиха: 1-й въ рукописи первой половины XIX в., переписанной П. Буровымъ (Дух. Сем. XLV 1822, см. выше); 2-й въ записи 1901 г., сдѣланной Н. П. Протасовымъ въ с. Окино-Ключи (Верхнеуд. у.) отъ старообрядца Лазаря Судомойкина. Запись эта находится въ большой тетради записей народныхъ пѣсенъ, сдѣланныхъ Протасовымъ въ Забайкальской области. Тетрадь принадлежитъ Иркутской Архивной Комиссiи [1]. Изъ сборника Бурова:

Стих Iосафа царевичя в пустыню входъ.

Боже отче всемогущей,
Боже сыне присносущный,
Боже душе параклите,
многозарный миру свѣте
В трiехъ лицѣхъ пребывая,
существо си тожде зная!
К тебѣ грѣшный притекаю,
многiя слезы проливаю:
благоволи мя прiяти,
еже тебѣ работати,
да не леже [донележе] даси жити
вьну твой рабъ хощу быти,
да мя сей миръ не прельщаетъ,
любви к тебѣ не лишаетъ.

[1]) За возможность воспользоваться этой рукописью благодарю глубокоуважаемаго председателя Комиссiи Мих. Павл. Овчинникова.—Изъ той же рукописи нами сообщены ниже стихи—«Плачъ Адама», «Страшный судъ» и «Борисъ и Глѣбъ».

Иду внутрь тя обитати,
ты ми буди, яко мати.
Питаеши древесъ плоды
и былными дивии роды.
В лѣсы темны ис полаты[—ей]
свѣтлыхъ иду обитати.
Из града гряду во пустыню,
любя зѣло в ней густыню,
да ту единъ обитаю
едину ти работаю.
Ты ми изволь помощь дати,
во пустыни обитати.
Тесным путемъ итти чтуся,
да в пространствѣ водворюся.
Царскій венѣцъ мнѣ ничтоже
тебѣ ради Христе Боже.
Сладки чаши оставляю,
токмо твоихъ водъ желаю.
Того хощу азъ искати,
скорби, нужды зло страдати.
Во умѣты вся вмѣняю,
тебѣ, Христе, подражаю.
Нищь и убогъ хощу быти
да съ тобою могу жити.
Кромѣ тебѣ мнѣ ничтоже
лѣть творити благо, Боже.
Ты сей путь самъ направи,
да живу ти, самъ настави.
Дивныхъ звѣрей азъ боюся,
но на Христа надѣюся
на ньже весма уповаю
всего ему мя вручаю,
яко имать укротити
и подастъ ми мирно жити.
Тѣх ми паче умни звѣри,
иже суть злы безъ мѣры [1]),
ибо душу убиваютъ,
егда ону в грѣхъ прельщаютъ.
О[т] тѣхъ мнѣ спаситель
Христосъ будетъ защититель
То есть ми требѣ,
что намъ Богъ хранитъ в небѣ.
Свѣтла небо, въ немъ же сладость,
бесконечна и вся радость.
Мира славу, сребро, злато,
цѣну имамъ яко блато.
Желаю же азъ Варлама,
дабы жити купно нама,
да имъ азъ наставлюся,
живу Богу и спасуся
всегда и нынѣ и присно и во вѣки.
(лл. 74—75 сборника).

Тотъ же типъ стиха находится въ тетрадкѣ изъ с. Тарбагатая. (Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. т. IV, № 3, 131—132) и въ тетради заонежскаго бѣгуна (Б-ка Ак. Н. № 21, 8, 3; см. въ «Матеріалахъ» Бончъ-Бруевича, в. I стр. 234—235). То же записано отъ старообрядцевъ Ярославской губ («Ж. Старина», 1906 г. в. I, 55—56). Тотъ же стихъ напечатанъ Безсоновымъ («Калѣки перехожіе», стр. 259—268) по рукописямъ, по печатному изданію «Исторіи или повѣсти.. о преп. о. Варлаамѣ... и о Іоасафѣ» (М. 1681) и по устнымъ записямъ. О рукописяхъ съ этимъ стихомъ см. въ трудѣ В. Н. Перетца: «Историко-литературныя изслѣдованія». Различія во всѣхъ этихъ записяхъ незначительны: они сводятся къ нѣкоторой перестановкѣ стиховъ и немногимъ словамъ и формальнымъ окончаніямъ. «Молитва святого Іосафа царевича Великій Индіи въ пустыню входяща» взята въ старообрядческую хрестоматію «Старая вѣра» (М. 1914, 292—293).

Запись 1901 г. въ с. Окино-Ключи Верхнеуд. у.

О, прекрасная мати-пустыня,
пріими мя во свою частыню,
Яко мати свое чадо,
научи мя на все благо!
Любимая моя мати,
потщися мя воспріяти,
во тихое пристанище,
безмолвное нѣдро свое.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
и въ день и въ нощь поминаю тя.
На царскія палаты
не хощу я взирати,
зане тамо богатство
не будетъ мя искупляти;

[1]) Ср. риему—звѣри | безмѣры, указывающую на близость *ри* и *ры*.

а ризы же и чертоги,
аще и свѣтлы, но тленны.
А честь моя и слава же,
вся земная и суэтная
вся эта я оставляю
и душу имъ не прельщаю.
Покоевъ свѣтлыхъ и чертоговъ,
славы же и чести премноги
бѣгаю, аки отъ змія.
Пустыня моя, пріими мя!
Отвращуся сего свѣта,
пребуду въ тебѣ всѣ лѣта.
О, прекрасная пустыня,
въ любовь свою пріими мя.
Не страши мя своимъ страхомъ,
да не в-радость будетъ врагомъ.

Егда пойду въ твои лузи
зрѣти различныя цвѣты,
дивенъ бо прекрасный садъ,
и жити въ немъ всегда я радъ.
Оставляю я міръ прелести
и буду, аки звѣрь дикій,
одннъ въ пустыни обитати,
день и нощь созерцати
сего свѣта прелести,—
душу хощутъ въ адъ свести,
вринути въ пропасть темную,
во огненны муки вѣчныя.
Всегда мя врагъ прельщаетъ,
своя сѣти поставляетъ.
О, прекрасная пустыня,
отъ всѣхъ суэтныхъ изми мя!

Тотъ же типъ стиха находится въ поморскомъ сборникѣ первой половины XIX в. (Рукоп. Отд. Б-ки Ак. Н. № 33. 15. 217; см. въ «Матеріалахъ» Б.-Бруевича, I, 232—233). Въ такомъ же видѣ этотъ стихъ передавался и передается и въ другихъ мѣстахъ: ср. тексты изданные Безсоновымъ («Калѣки перехожіе», стр. 240—249) по устнымъ записямъ и по рукописямъ. Ранній варіантъ этого стиха былъ помѣщенъ въ печатномъ изд. «Історіи .. о житіи св. преп. Варлаама и Іоасафа» (типогр. Кутеинская, 1637; у Безсонова стр. 249—250). О типахъ стиховъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ и генезисѣ ихъ см. въ статьѣ А. П. Кадлубовскаго; «Къ исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ о преп. Варлаамѣ и Іоасафѣ» («Рус. Фил. Вѣст.». 1915 г. № 2).

Зависть и ненасытность человѣческая — «очи наши ямы, руки наши грабли» — ничтожество житія временнаго — «тѣла наши будутъ червямъ на съѣденіе, кости наши будутъ землѣ на преданіе»,— вопли грѣшной души, памятующей о страшномъ днѣ судномъ—таковы мотивы и настроеніе отразившіеся въ стихахъ «**Плачъ Адама**» и въ особенности «**Страшный судъ**».—«О, болѣзнь! О, рыданія! О, печаль! Горе живущимъ на земли человѣкомъ!».

Плачъ Адама.

Восплакался Адамъ, передъ раемъ стоя.
О, раю мой, раю, прекрасный мой раю!
Мене ради раю сотворенъ бысть.
Евы ради, раю, заключенъ бысть.
Ева согрѣшила, Богу согрубила.
Весь родъ нашъ отъ раю святаго,
Свой умъ помрачивши, во тьму погрузила.
Увы, грѣшному, увы, беззаконному!
Уже азъ лишихся райскія пищи.
Адамъ вопіяше Богу со слезами:
«Боже милостивъ, помилуй мя согрѣшившаго».
А Ева Адаму въ то время глаголетъ:
«Адамъ, Адамъ, ты мой господине!
Не велѣно намъ въ прекрасномъ раю быти,
Ни что же вкушати отъ райскія пищи.
Сослалъ насъ Господь на рудную землю,
Повелѣлъ намъ Господь трудами кормиться,
Правдою жити, зла не творити.
Господь породился, во Іорданѣ крестился
Адамъ свободился весь родъ обновился.
Вы, братія моя, прибѣгнемъ къ церкви,
Услышимъ мы, братія Божіе писаніе,
Накажетъ насъ Господь за грѣхи наша,
Что мы впали въ превѣчную муку.
Воззримъ мы, братія, на вѣчные гробы.
Гробы ны наша гробы,—превѣчныя домы.
Житіе временное, слава суетная
Богатства други, убожества слезы!
На семъ вольномъ свѣтѣ много зависти:

очи наши—ямы, руки наши—грабли:
что очи увидятъ, то руки заграбятъ.
Не можемъ мы нынѣ ничѣмъ себя наполнить:
какъ Богъ дастъ намъ много, намъ кажется мало.
Какъ, братія, помремъ, мы все позабудемъ.
Взяти намъ съ собою ничто невозможно.
Только возьмемъ мы саванъ да срачичу [цу].
Единыя руце приложимъ ко сердцу.
Богатство наше кому-то останется,
Души наши пойдутъ по своимъ дѣломъ.
Тѣла наши будутъ червямъ на съѣденье,
Кости наши будутъ земли на преданіе.
Тогда не пособятъ имѣнія наша.
Развѣ намъ пособитъ милостыня наша,—
что нищимъ давали отъ своихъ трудовъ.
Покинемъ гордость, возлюбимъ кротость,
покоимъ нищихъ, накормимъ алчныхъ,
проводимъ мы мертвыхъ до божія церкви:
уже наша съ ними послѣдняя дружба
Родителей своихъ должно поминати
а насъ Господь Богъ всѣхъ помянетъ.
За всѣхъ потрудимся, на вѣки спасемся.
Тѣмъ мы себѣ купимъ небесное царство.
Спросилъ Христосъ Петра и Павла:
«А кто у рая плачетъ, кто возрыдаетъ?»
— Адамъ, стоя, плачетъ, а Ева рыдаетъ.—
(с. Бичура, отъ старообрядца Петрова; зап. Протасова).

Тотъ же стихъ съ немногими и незначительными словарно формальными отличіями, изданъ В. Варенцовымъ («Сборникъ рус. дух. стиховъ», 40—44) и Буслаевымъ («Историч. христоматія». М. 1861, 1547—1549, по рукоп. конца XVIII в., Румянц. Музея). Въ неполномъ видѣ этотъ стихъ записанъ у ярославскихъ старообрядцевъ Я. Ильинскимъ («Ж. Старина», 1906, в I, 41).

Страшный судъ.

Инъ вѣкъ тебе, душе, ожидаетъ:
Почто не готовишися, душе моя?
Земная и временная возлюбихъ,—
вѣчныхъ благъ лишаюсь горько.
Воздыханья не имѣю, какъ мытарь,
и слезъ покаянія, какъ блудница.
Вопію ти, Владыко, помилуй мя!
И не отрини мя отъ лица своего.
Покайся, покайся, душе окаянная!
Почто забываеши свою кончину?
А забывши свою кончину,
Не страшишься смертнаго часа.
Пріидетъ бо велій плачъ и бѣда,—
Ужасно рыданіе будетъ тогда..
Горе, горе тебѣ, душе окаянная!
Како пити имаши смертную чашу,
когда руце и нози отнимутся,
а глава твоя потеряетъ разумъ?
Тогда плачъ и рыданіе предстоящимъ.
И никто тебѣ помощи не подастъ.
Нѣсть печаль якова здѣ бываетъ,
якоже пріидетъ тогда печаль та,
тогда вси грѣси твои предстанутъ ти
ко страшному Христову судищу.
Скорбь и болѣзнь, душе, ожидаетъ тя.
Како судищу предстанешь страшному?
День той страшенъ есть о, душе,
его же присно святіи бояхуся
День Господень близь и скоръ зѣло.
Судъ его скоръ и горекъ будетъ.
Потрясутся тогда небо и земля,
егда пріидетъ судія судити вся
Горе тебѣ, горе тебѣ, душе моя!
Како предстанеши страшному суду?
Кій отвѣтъ даси Царю славы,
егда, рыдая, со грѣшники станеши?
О, болѣзнь, о рыданія, о печаль,
Егда осужденна ты душе, будеши!
Како отыдеши въ муки вѣчныя,
въ муки страшныя, лютыя, ужасныя.
Како разлучишися отъ святыхъ всѣхъ
и ввержена будеши въ огнь геенскій?
Тамо тьма преглубокая и злосмрадная.
Никогда же не узришь ты свѣта.
Тамо плачъ и рыданіе непрестанное.
Тамо стенаніе зѣло многое будетъ.
Горе живущимъ на земли человѣкомъ.
Конецъ приближается всѣмъ намъ.
Тамо часъ единъ будетъ горше зѣло,
нежели сто лѣтъ житія свѣта сего.

Тамо день единъ будетъ ти, душе моя,
Паче тысящи лѣтъ житія сего.
Горе мнѣ, горе мнѣ, душе окаянная!
Како во тьмѣ будеши пребывати?

О, Царице небесная! О, Владычице!
Буди ми тамо благая помощнице.
(с. Окино Ключи, отъ безпоповца Лазаря Судомойкина; зап. Протасова).

Совсѣмъ иного содержанія стихъ о страшномъ судѣ, о душѣ грѣшной ср. въ сборникѣ Варенцова (стр. 142—174) и въ Христоматіи Буслаева (1549—1553).

Наконецъ, имѣются и такіе стихи, въ которыхъ переданы библейскія событія: стихи о **потопѣ**, объ **Іосифѣ Прекрасномъ**.

Потопъ страшенъ умножался,
Народъ водѣ испужался:
Гнѣвъ идетъ! Гнѣвъ идетъ! и т. д.

(«Изв. Сиб. Отд Р Г. О.», т. IV, № III, 13). Такой же стихъ въ сборникѣ Варенцова (стр. 200—201)., записанный у поповцевъ въ Саратовѣ.

Стихъ объ **Іосифѣ Прекрасномъ** мнѣ извѣстенъ въ четырехъ забайкальскихъ записяхъ. Двѣ записи сдѣланы въ первой половинѣ XIX в. старообрядцемъ Порфиріемъ Буровымъ (—находятся въ его тетрадкѣ и въ сборникѣ «Цвѣтникъ» Иркутск. Д. Сем. XLV. 1822 лл. 68—75). Обѣ записи совпадаютъ буквально. 3-я запись сдѣлана въ 1901 г Протасовымъ въ с. Бичура со словъ «раскольника Вас. Мих. Петрова». Эта запись отличается отъ записи Бурова весьма незначительно. Отличія касаются передачи нѣкоторыхъ формъ и въ немногихъ случаяхъ самаго изложенія. Начало 4-й записи изъ тетрадки тарбагатайскаго старообрядца напечатано въ «Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Отд», т. III № 3 124.

Стихъ Іосифа прекраснаго.

Кому повѣмъ печаль мою,
кого призову ко рыданію?
Токмо тебѣ, владыко мой,
извѣстна тебѣ печаль моя,
моему творцу создателю
и всѣхъ благихъ подателю.
Буду просить я милости
отъ всея своея отъ крѣпости..
(и т. д. до плача у гроба матери:)
Видѣвъ я гробъ своей матере,
падши на немъ сталъ плакати,
токи струями явилися,
перси слезами мочилися:

О, увижль, мати, Іосифа,
востань скора ты из гроба,
буди твой гробъ тебѣ и мнѣ
умру нынѣ я горце здѣ,
призывалъ много Іакова,—
не услышалъ онъ моего гласа.
Зову нынѣ тебѣ, мати,
держутъ менѣ супостаты,
помози, мати, лишенному,
твоему сыну любезному.
Рахиль, Рахиль, не слышишь ли,
сердечный плачъ ты пріимеш ли... (и т. д.; изъ сборника Бурова).

Въ записи Протасова плачъ Іосифа у могилы Рахили длиннѣе, вполнѣ совпадая со стихомъ въ изданіи Безсонова, подъ № 41.

Событіямъ изъ старой русской исторіи посвященъ стихъ о **Борисѣ** и **Глѣбѣ** (со словъ окино-ключевскаго старообрядца Судомойкина въ зап. Протасова).

Восточнаго державствія
словенскаго Кіева града } 2 р.
Великій князь Володимиръ }
имѣлъ у себя три сына:
старѣйшаго Святополка,
меньшихъ же Бориса и Глѣба.

Раздѣляетъ онъ матушку Русь
сыномъ своимъ на три части:
Святополку Черниговъ градъ..
и т. д., какъ въ стихѣ, изданномъ Безсоновымъ подъ № 147 (стр. 651—652).

III.

Ударенные гласные передаются въ текстѣ посредствомъ жирнаго шрифта. Неслоговое *у* передается посредствомъ w. Для передачи мягкаго согласнаго служитъ знакъ согласнаго съ' или съ'.

Говоръ семейскихъ относится къ великорусскимъ *акающимъ* говорамъ Гласные *о*, *а* въ неударномъ слогѣ совпали въ одномъ гласномъ. Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, постоянно произносится *а* обычнаго образованія: важу, огароди, самапр'атка, у валасте, паравајa... Тотъ же гласный находится и въ другихъ неударныхъ слогахъ: абујала, самапр'атка, хараши, варажыт'. Но во 2 мъ предударномъ слогѣ можетъ быть не обыкновеннаго образованія гласный *а*: въ этомъ слогѣ нерѣдко представленъ гласный *а* ослабленнаго образованія (передаемъ посредствомъ ȃ) съ переходомъ къ типу гласныхъ *ъ* (аъ или совсѣмъ какъ *ъ*,—гласному, хорошо извѣстному южно-великорусскимъ говорамъ).—пȃмахчи, мȃлат'у, пакъсники.. Употребленіе того или иного образованія гласнаго во второмъ предударномъ слогѣ не проведено послѣдовательно ни въ одномъ семейскомъ селѣ. Чаще ȃ или ъ я отмѣчалъ въ с.с. Харауэѣ и Никольскомъ.

Въ заударномъ слогѣ вм. неударенныхъ *о*, *а* находится гласный *а* или ȃ, аъ, ъ (не въ конечномъ открытомъ слогѣ, гдѣ всегда *а*): 1) праwулак, морак, дис'атак, памесишна жыв'от'. 2) клырȃс, т'ал'онȃк сторȃну, смирнȃмv; заимъчки, катомъчку, јeдут' на-пъл'а пужъла, добръwа, мутнъја браwȃј рассады, делаъ ит'а... Иногда представленъ гласный, очень близкій къ *ы* или вполнѣ совпадающій съ нимъ: т'оплыја (им. ед.), кушыјг'а, Игнатывым. Въ послѣднемъ примѣрѣ *ы* (въ *ныы*—) могло быть въ связи съ *ы* въ слѣд. слогѣ, какъ обычнымъ окончаніемъ формы прилаг. и мѣстоим. мѣстнаго пад.— *ы*, болѣе заднее, близкое къ образованію *ъ*. въ—мутырна Такое же *ы* отмѣчено и въ рядѣ другихъ случаевъ: белыјата, авсенъшныја... Въ передачѣ категоріи формъ прилаг. и мѣстоим. им муж. ед. я часто колебался въ употребленіи знака *ы* или *ъ*: т'омнъј, з'ал'онъј, сын забретъј, прȃхалоднъј, асеннъј, здешнъј, казеннъј (съ *зе*, не съ *з'о*), смернъј, браwъј, иставъј, этъј Иногда вмѣсто такого *ъ* произносился гласный *ы* обычнаго образованія. Но въ тѣхъ же говорахъ существуетъ и иное образованіе гласнаго въ этой категеріи: онъ имѣетъ пониженное образованіе, приближающееся къ гласному ослабленному *а*: казеннъаj и казеннȃј зараз'онъаj, роднȃј.

Тѣ же гласные находятся и послѣ задненебныхъ согласныхъ: жэнскъј полк, заганскъј, ус'акъј, ихъј, швецкъј закон держут' а ни духоwнъј. Но говорятъ и съ гласнымъ передняго ряда (і, eі) послѣ *к*, *г* (ср. ниже).

Подъ удар. эта формальная категорія прилаг. и мѣстоим. имѣетъ оj: аржаноj св'окар сл'апоj,—т'омнъј, наwоj рас, тоj рас

Гласные *е* (вм. *е* и *ѣ*) и *'а* (*а* послѣ мягкаго согл.) въ неударенномъ слогѣ совпали въ одномъ гласномъ. Этотъ гласный неодинаковъ во всѣхъ случаяхъ. По гласному въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному слогу, говоры семейскихъ относятся къ южно-великорусскимъ говорамъ съ диссимилятивнымъ яканьемъ: передъ слогомъ съ удар. *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ находится *и* вм. *е* и *'а*; передъ слогомъ съ прочими ударенными гласными произно-

сится *'а*. Отклоненіе наблюдается передъ удар. *е* (вм. *е*) и *о*: произносятъ въ неуд. слогѣ не только *'а*, но и *и*. Послѣдовательно *и* въ формахъ мѣстоим. личнаго мине, тибе, сибе. Типъ диссимилятивнаго яканья послѣдовательно проведенъ по многимъ селамъ, напр. въ Н. Заганѣ, Никольскомъ, Харауз̂ѣ. Въ другихъ селахъ наблюдается отклоненіе, хотя и непослѣдовательное, отъ этого типа,—въ Мухоршибири, Куналеѣ, Тарбагатаѣ, Десятниковѣ. Н. Заганъ: диваха,тир'аиш, хрис'јаны (и съ *е*: хрес'јаны—крестьяне), симја, упригат', зимл'а, диржат', усвидат', мижа, висна (*а* передъ а ни разу не слыхалъ),—з'амли, л'аригију (религію), нат'арет', р'авемшы, в'ас'не, кола Н'аве, т'алега, с'астры, п'арсты, б'аруг', р'атујут', н'абуду, н'а многа, д'аwчонка, т'ал'онак, з'ал'онъј, з'ал'онку сеит', у с'ар'отках, чатэри, часнок, б'ар'ош. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло со слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударенному, въ говорѣ с с. Никольскаго, Хонхолоя, Харауза. Тотъ же типъ яканья представленъ и говоромъ Мухоршибири, но съ значительной примѣсью иканья, позднѣйшимъ наслоеніемъ (ср. ниже).—врид'ат', тил'ат, риб'ат, симнатцыт', питнатцыт', висна—ве'сна, д'аревwн'а, т'арет', б'агит', в'ад'от', т'ал'онъчик, б'агут' объ иканьѣ передъ удар. *и, е, о, у, ы* см. ниже). Говоръ с.с. Куналея, Тарбагатая, Десятникова представляетъ типъ диссимилятивнаго яканья, смѣшанный съ ассимилятивнымъ. Куналей: тила и т'ала (въ говорѣ одного и того же лица', б'ада, запр'агајут', пат'ар'ал—патир'ал - пате'р'ал, мижа—ме'жа, тил'аты, цис'атак, пабижал, нил'з'а, две'натцат', хре'с'јаны. Передъ прочими ударенными гласными проведено употребленіе гласнаго *а*, за немногими уклоненіями у молодого поколѣнія въ въ сторону иканья или еканья (непослѣдовательно).—т'ак'от', с'астр'онка, с чар'омухај, м'ашкоw, с'ало, у с'але, н'абудим, д'атеј. Тарбагатай: б'ада, д'ала, з'амл'а пл ам'аш, н'анада (и въ Хараувѣ отмѣчено: н'а хош—н'а нада), кон' п'агавъј, д'арждат', учара. Вмѣсто неудар. *а* иногда произносили гласный передняго ряда широкаго образованія: 'ӓ: стр'ӓл'ат, з'амл'а. т'ӓл'ат. Употребляются и сочетанія съ е' или *и* вм. неуд. а: ре'б'аты, на маих паме'т'ах... Передъ другими удар. гласными находится *'а* или нерѣдко выступаетъ 'ӓ: з'амли, паб'агит', јаwо, с'в'аточки, гн'адој, чар'омуха, л'ап'ошки, р'аку, с р'аке, на в'ӓр'ху, н'ӓхто (въ знач. «никто»), з'ӓл онъј, т'ӓк'от. Десятниково: въ томъ же состояніи, какъ въ Тарбагатаѣ: р'аб'атам, приб'а жала; земл'а; л'ажыт', н'асуг, т'ӓк'от.

Гласный *'а* въ предударномъ слогѣ чаще всего произносится передъ ударарен. глас. и, у, ы, е, о. Но въ каждомъ селѣ приходилось отмѣчать вмѣсто *'а* гласные иного образованія,—ближе къ переднему ряду или совсѣмъ передвинувшіеся въ передній рядъ: 'ӓ, *е*. Часты такіе гласные въ предударномъ слогѣ въ с с. Мухоршибири, Тарб., Десятн.—шышн'ӓткој, т'алега—т'ӓлега, б'ар'ош—б'ӓр ош—бер ош, веди, персты .. (Н. Заганъ), с'ӓноw, бер'ош (Хонх.), село, селе, села, з ӓмли при зе'мл'а, жӓна, дис'ӓтина (Мухш).

По всей семейщинѣ при яканьѣ можно наблюдать и сочетанія съ иканьемъ. Только въ немногихъ сочетаніяхъ вм. предударнаго *е* представленъ гласный *и* послѣдовательно 1) Въ формахъ род. ед. личныхъ мѣстоим.: мине, тибе, сибе. Съ тѣмъ же гласнымъ употребляются и формы дательн. и мѣстнаго. 2) Въ передачѣ нарѣчія «еще»: ишо. Это нарѣчіе передается съ *и* и въ тѣхъ южно-великорусскихъ говорахъ, въ которыхъ въ прочихъ сочетаніяхъ передъ слогомъ съ удар. *о* имѣется *'а* вм. *е* (с'ало, в'асло, пам'ало...). Отмѣтимъ и то, что во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ «старожилаго» населенія Сибири также представлено это сочетаніе съ *и* и съ однимъ ш: ишо. Такъ и въ метрополіи сибирскихъ «старожиловъ»: въ Вологодской, Архангельской, Пермскоѣ губ. 3) Передъ

е и *о* въ такихъ словахъ, какъ—читвер'х, васкрисен н'а, вазнисен н а, Ниф'от. Въ рѣчи одного глубокой старости дѣдушки отмѣчено: тинерича. Въ рѣчи другихъ обычно—тапер'. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ *и* вм. *е* представляетъ давнюю черту южно-великорусскаго говора семейскихъ. Передъ ударенным *е* раньше, вѣроятно, *и* употреблялось чаще, послѣдовательнѣе. Остатки прежняго иканья въ этихъ случаяхъ представляетъ форма—сабиресси—(Кун.), ср здѣсь *е* (*ре*), а не '*о*, какъ обычно говорятъ теперь семейскіе. М. б., прежнее звуковое сочетаніе (съ *и*) представляетъ передача мѣстоименія: ије Кун.), ијо при јајо. Какъ въ передачѣ формы этого мѣстоименія, такъ и въ прочихъ случаяхъ иканье проведено непослѣдовательно не только въ группѣ говорящихъ, но и въ говорѣ одного и того же лица. Иканье въ этихъ случаяхъ—явленіе наносное въ семейщинѣ, за исключеніемъ сочетаній съ *и* передъ удар. *е*: среди послѣднихъ могутъ быть и остатки давняго типа измѣненія неуд. *е* въ *и*, затѣмъ вытѣсненныя неударенным *а*. Манера иканья проникала къ семейскимъ отъ лицъ, побывавшихъ за границею семейщины,—служившихъ въ солдатахъ, жившихъ въ городѣ, на пріискахъ, на станціяхъ. Среди книжныхъ людей иканье находило себѣ распространеніе и въ XVIII в., какъ указываетъ сборникъ старца Давыда (см. ниже) Такимъ же путемъ проникаетъ иканье и въ другіе южновеликорусскіе говоры.[1]). Для семейскихъ имѣется и другой путь распространенія у нихъ иканья: отъ сосѣдей-«сибиряковъ», т е. нестарообрядцевъ. Говоръ этого населенія въ той области икающій. Икаютъ и тѣ «сибиряки», которые живутъ съ семейскими въ однихъ селахъ, напр, въ Мухоршибири, и тѣ, которые занимаютъ сосѣднія села. Говоръ сс. Саянтуй, Баръ, Харашибиръ—икающій. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ отмѣчено, какъ сильно было вліяніе говоровъ сибирск. старожилаго населенія на говоръ семейскихъ Иканье я наблюдалъ чаще въ Мухоршибири, чѣмъ въ другихъ семейскихъ селахъ. Мухш.: диситина, тилега, дирешн'а, зил'онка, чир'омуха, сило, бир'от-[т'], ш'вито'ˑ'ш'ки (цвѣточки), бирут (отъ якавшей бабы), диды, разјиснил, види... Къ иканью больше склонны лица молодого поколѣнія.

Послѣ отвердѣвшихъ согл. *ц*, *ж*, *ш* передъ удар. слогомъ съ *а*, находится *а*: цана, цапн'ак, жана (но въ Мухш. у икавшаго мужика -жӓна), шашнатцат'; въ послѣднемъ сочетаніи отмѣчено ы: шышнатцат' при шашнатцат' (Кун., Тарб.). Во 2-мъ предударномъ слогѣ вм. *е*. '*а* произносятъ обычно *и*. Рѣже отмѣчалъ закрытое e^i.—читэрох (но -чатэри), чир'аз-речку, биз-руки (но-б'аз рук), биз'-ијо: плоха бис-тарика б'аз друшки, дишавој, тишната, паритават', дир'авен'ка, риб'атишки, Питраwа-дни, свикраwат', се'ме'на, не'было, ти'' мнаверцы. Въ Тарбагатаѣ отмѣчено 'ӓ: б'ӓз-бат'ка, а для Десятникова '*а*: на б'ар'агу (ср. непослѣдовательно проведенный здѣсь типъ яканья).

Въ слогахъ заударныхъ гласные *е*, '*а* также подверглись измѣненію. Результатъ измѣненія этихъ гласныхъ неодинаковъ во всѣхъ случаяхъ. Онъ различенъ въ зависимости отъ закрытости слога (т. е отъ обстоятельствъ утраты въ слѣдующемъ слогѣ нѣкогда бывшаго редуцированнаго гласнаго) или открытости его (т. е передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія). Результатъ фонетическаго измѣненія гласныхъ '*е*, '*а* въ заударныхъ суффиксальныхъ слогахъ весьма значительно видоизмѣненъ факторомъ морфическимъ,—вліяніемъ родственныхъ формъ. Въ заударныхъ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ, кромѣ конечнаго слога, замѣна проведена послѣдовательно: это гласные *и* или закрытое e^i . Неполнота образованія за-

[1]) Укажу на одну такую область, хорошо извѣстную мнѣ по непосредственнымъ наблюденіямъ,—на южную часть Ливенскаго у. Орлов. г. Слыша тамъ икающаго мужичка или парня, безошибочно можете утверждать, что онъ потерся среди лицъ городского, мѣщанскаго класса.

ударныхъ гласныхъ отражается и на этихъ гласныхъ, хотя и не проведена послѣдовательно.—леде'ник, леде'нику, wосе'ни, wосин'у, жэриба (но - жэр'ап), вымирина, малин кij завтришниму, радитил'оw. па нашыму, з нашыwа сила, зимнija дарога (ь — редуциров. и или е') Въ закрытомъ конечномъ слогѣ гласный неодинаковъ во всѣхъ образованіяхъ: въ однихъ случаяхъ представленъ узкій гласный, и или е', въ другихъ - широкій, 'ä. Неполнота образованія изрѣдка отражается и на этомъ слогѣ, съ гласнымъ 'ä.—десит', wосим и wосе'м или wосенᵉм (съ болѣе или менѣе закрытымъ е), лене'х, шwоре'н' wнучик (въ послѣднемъ, м. б.,—ч:к отъ образованій съ давнимъ суф.—чик'. Въ глагольныхъ фф. проведено послѣдовательно и, м. б не безъ участія фактора морфическаго,—вліянія формъ съ основою наст. вр. и инф. на—и.—будиш, будим, знаит', заjмуимс'а, купл'аим, сеит', пасеил... 'ä въ закрытомъ конечномъ слогѣ: пар'äн' с'астинäц, жэр'äп (но—жэриба), брат'т'äw (братьевъ). Послѣ ш (ж) въ конечномъ слогѣ то же, что и вм. о, а: wарабишак (воробьишекъ). Въ окончаніи формы им. ед. муж. прилагат. и мѣстоим передъ j представленъ результатъ фонетическаго измѣненія великорусскаго гласнаго е въ этомъ слогѣ: произносится или гласный е', иᴱ или и иногда съ редукціей.—середниᵉj, малодин кеⁱj, трет'т'иj, вон кij (· еⁱj), шырандаjскьj, великиj, куjтунскиj, харауски j.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ замѣна неудар. е (е, ѣ) представлена очень непослѣдовательно, вслѣдствіе значительнаго взаимодѣйствія различныхъ родственныхъ формъ и формальныхъ категорій. Внѣ этого воздѣйствія остались 2 ряда формъ: форма именит. сред. ед. на 'е→'а и формы наст. вр. и повелит. накл. на -те→т'а: адно пол'а, другоjа пол'а, пол'ца, плат'т'а, васкрисен'н'а (-н'а) вазнисен'н'а, успен'а, купан'н'а; въ Мухорш въ этой категоріи сочетаній отмѣчено и ä: васкрисен'ä, с'видан'ä. -т'а: просит'а, носит'а, пашыт'а даjедит'а заприт'а, пужаjт'а, пасидит'а; въ Мухорш. у икавшихъ субъектовъ ф. 2 л. мн. оканчивалась на -ти или -теⁱ, -тиᵉ: водитиᵉ, дадитиᵉ, проситиᵉ. У тѣхъ же лицъ замѣтно и другое отклоненіе: склонность произносить форму 3 ед. и мн. съ твердымъ т (хотя и не исключительно) при своемъ традиціонномъ семейскомъ т'. Въ прежней глагольной формѣ може[т] а вм. е въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ж: можа—можетъ быть.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ другихъ формъ вм. е (изъ ѣ) находится гласный 'а ('ä) е' и. Появленіе гласнаго и въ падежныхъ формахъ именъ существ. обязано формамъ съ давнимъ оконч. і (послѣ мягкихъ согл.). Форма род. ед. основъ на—а имѣетъ оконч 'а или 'ä: с-субот'а (-'ä), ад дарог'а (-'ä), з'-зим'а, с Паск'ä но и—с листвини, ад-дароги и др. Форма дат. и мѣстн. п. тѣхъ же основъ оканчивается на: 'а ('ä), е, е', и. на н'адел'а (-'ä), на жоп'ä, w бутылк'ä, на паск'ä, на литоwке, w д'ареwнеⁱ; но часто и и: на т'алеги, на печ'ки, на служби на заимки, на Б'ар'азоwки на паски, па улицы, к мел'ницы То же колебаніе въ окончаніи ф. мѣстн. пад ед. именъ м. ср: часто слышалъ окончаніе ä или е и окончаніе и. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, что въ передачѣ географическихъ названій обычно употребляются формы съ оконч. 'ä, е (еⁱ). у Заган'ä на Гашэjä (j—въ знач. неслогового і), у Чикоіе, у Шырäндаjе (или—jeⁱ), у Ханхалоjе; б'арезник'ä, на - wстрицкам хфронтиᵉ, и—на хронт'ä, у мир'ä, w агароди, у погриби, на пакоси, w каким мести, но нарѣчіе—wмест'а (въ Кун.). Въ нарѣчіяхъ на -е и -ѣ такое же разнообразіе въ окончаніи: 'а ('ä), е, и. 'а ('ä) можетъ не только представлять фонетическую замѣну неудар. е (ѣ), но и быть вызваннымъ вліяніемъ нарѣчій на -а. Окончаніе 'а ('ä) распространилось весьма значительно, перейдя и на нѣкоторыя сочетанія, не имѣвшія раньше е или ѣ —wowс'а (-'ä) или ywowс'а (-'ä), заwтр'а (-ä) об'ла, дал'а—бол'а, но и - боле, акром'ä, wмест'а, -'а и въ - асоб'а при асоп' и въ союзѣ ал'а (вм. али).

скол'ка (тол'ка) при—скол'к'а (тол'к'а), но и—скол'ке¹, скол'ки (тол'ки). најпаче¹, посли при—пасл'а, бол'шы, пажужы,—но—нижа, пушша.

Въ старообрядческомъ сборникѣ б-ки Ирк. Д. Сем. (XLV. 1797, см. выше), написанномъ старцемъ Давыдомъ въ к. XVIII го в., по всей вѣроятности, въ Забайкальѣ, почти на каждой строчкѣ отражается результатъ измѣненія неудар. *о*, *а* и *е*, *'а*, свойственный говору писавшаго. Вм. неудар. *о*, *а* онъ говорилъ въ предударномъ слогѣ *а*: паповъ, оу арла, амега о атпадъшихъ людяхъ, предатечи; *а* и въ *ча*, *ша* вм. че ше: чатыри, шаптаніем, шастая, крепакъ, от Никана ни стала (не стало), испавидь, лѣнасть. Въ заударномъ слогѣ иногда произносился гласный, напоминавшій *ы* (т. е. *а*ˣ или *ъ*): бритвыми, правилыми и др.—Употребленіе на письмѣ *о* или *а* въ передачѣ неудар. слоговъ сильно затрудняло писавшаго: часто вм. этимологическаго *а* онъ писалъ *о*.— обычное явленіе въ письмѣ акающихъ лицъ, не окрѣпшихъ въ ороографіи: «ложное еретическая вѣра повсюду распространилося и властъ еретическая всѣхъ обладила (28) и др. Вм. неудар *е*, *'а* въ предударномъ слогѣ встрѣчается *я* и чаще *и*. побядит, посляди; рибяты, ниправда, мижа, ришотки, во своим бизуміи, мичу, на мижи, отминилъ, лижитъ, от пити (отъ пяти); жинѣ, ничистаты. Въ заударныхъ слогахъ также двойственность, но съ перевѣсомъ иканья:—силинъ, Павилъ, обычаимъ, обычаивъ, гонитиливъ, предатечивъ, мѣсицъ, вышил; но и—предатечавъ. Форма глагола 2 л. мн. произносилась съ конечнымъ гласнымъ *а*: даваитя, продаетя и купуетя, подаваитя.. Съ конечнымъ *а* и формы им. ед. ср.: ничестія, бритобритія и др.

Слово «*ведро*» извѣстно говору семейскихъ въ двухъ варіантахъ относительно *е*: фонетическомъ (*ведры*) и нефонетическомъ (*в'одры*). Съ *е* (не съ *о*) произносится заимствованное слово—казеннъј; казенныи анбары, казеннаја зимл'а (повсюду); но—каз'онка—(кладовая). Представлено *е* въ словѣ—смернъј—(Ник.); въ другихъ случаяхъ слышалъ—смирнъј.

Гласные въ сочетаніи съ согласными. Фонетическаго процесса измѣненія *а* въ ä, *е* въ зависимости отъ предшествующаго, а также и отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго не было пережито семейщиной. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются сочетанія съ *е* вм. *а*, но эти сочетанія не свои, а перенятыя отъ «сибиряковъ». Такъ, очень часто, почти обычно, *е* въ нарѣчіи *апет'*. Въ такомъ только видѣ я слышалъ это нарѣчіе въ Тарбагатаѣ, гдѣ сибирскій налетъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ селахъ, легъ на языкъ семейскихъ. Въ Куналеѣ при частомъ *апет'* проскальзывало и свое старое *ап'ат'*. *ап'ат'* у стариковъ, а иногда и у прочихъ лицъ въ Хонхолоѣ и Харауз.—Ср. сохраненіе *а*, напр., въ—јарица, јајцы, јамина, жар'ут' јашшн'у и др. Измѣненія је—(съ неслог. і) передъ мягкимъ согласнымъ не отмѣчено. Повсюду јес'т' или јес'=ест. Но въ разговорѣ съ бабой въ Мухорш., произносившей *т* взрывное и твердое *т* въ 3 л. наст вр., слышалъ је'с'.

Съ гласнымъ *и* по всей семейщинѣ передается глаголъ «ѣсть» (инф. и 3 ед. на *т'*): јис'т' или јис' (ј - і неслог.), сјис [т']. Возможно полагать, что *и* въ этомъ образованіи опять не свое, а взято отъ своихъ сибирскихъ сосѣдей, у которыхъ непремѣнно *и* въ этомъ случаѣ (такъ на востокѣ и на западѣ Сибири). *и* или *и*ᵉ отмѣчено и въ сочетаніи с'лис'! с'лиᵉс!=слѣзь (Н. Заг.). *и* вм. *е* (*ѣ*) въ семейщинѣ, какъ и во многихъ другихъ южно великорусскихъ говорахъ (при јес'*т'*), находится въ замѣнѣ «вѣдь»: *вит'*, *ит'*; у семейскихъ—*ит'*. На измѣненіе *ѣ* въ *и* въ этомъ сочетаніи оказывала вліяніе не только мягкость слѣдовавшаго согласнаго, но и неударенность этого сочетанія въ предложеніи.

Лабіализація. Гласный *о* (*о* и 'о вм. *е* передъ твердымъ согл) семейскими произносится подъ удареніемъ съ значительной лабіализаціей: въ первой части

образованія гласнаго ясно выступаетъ образованіе для *у*, затѣмъ переходящее къ *о*: ʸо.—паск'отина, дарʸога, хар'ош, харашʸо. т'отка, гуwнʸо, синакʸос, мужук'ow, заwуоду, мн'ога, «безъ прогуномъ» — безъ прогоновъ,—записалъ хозяинъ земской квартиры въ Харузѣ (ср. здѣсь же *ом* для ow или aʷw говора). Такое образованіе ударенннаго **о** я наблюдалъ въ с. с. Хонх, Ник., Харузѣ. Въ Ник. ребятишки, играя въ бабки, покрикиваютъ: «коʸрул', коʸрул'а б'от' (бьетъ). Но это, повидимому, передача польскаго слова крул' (król).

Въ неудар. положеніи въ семейщинѣ отражается на гласномъ лабіализующее дѣйствіе губныхъ неслоговыхъ звуковъ. Но лабіализація въ этомъ положеніи проведена въ семейщинѣ непослѣдовательно: произносятся гласные и безъ слѣдовъ лабіализаціи. Въ предударномъ положеніи отмѣтимъ: Бугародица въ обычной рѣчи и въ пѣніи: прис'витаја Бугародица спаси нас! (Ник.). абмуваjут' (Заг.). Значительное дѣйствіе лабіализаціи я наблюдалъ въ говорѣ никольской пожилой женщины Анны Микитишны (см. ея портретъ съ мальчикомъ): пулноч', бугул'ник (въ говорѣ другихъ—багул'ник, багул), папоw ни ʸбажаит'. Вубор (р. Обор). «ивана богуслова»— въ сборникѣ старца Давыда. Въ этомъ словѣ богу-, вѣроятно, не представляетъ фанетическаго измѣненія бого-. Въ заударномъ положеніи: три wупуда—3 уповода. Въ формѣ род. мн.—ow или оʸw, 'ow или 'öw (-ö—близко къ переднему ряду) или уw или даже съ утратой конечнаго w послѣ *у*.—намешшыкоʸw, радитил'ow, 5 кон'ow, кон'уw, кон'у (послѣднее въ Тарб.). Но въ тѣхъ же селахъ говорятъ и—5 телаw (отмѣчено въ Кун.). брат'т'äw (Заг.), свидетилеw (Шеролдай). Кромѣ того,—мал'чишкаʷм (Тарб.), албаᵒ (Ник.)

Вм. *и* въ неудар. слогѣ послѣ *ж*, *ч* произносятъ '*у*: мужуки, ч'ужало, ч'ужолъj (и—ч'ужало, чижолъj: то и другое отмѣчено въ Н. Заг.).—ч'ужало жыт' смирнаму чилавеку (Н. Заг.). Сочетанія—ч'уловек—я ни разу не слыхалъ. Какъ видно, для *чи*⟷*чу* благопріятствующее обстоятельство представлялъ слѣдовавшій за этимъ сочетаніемъ *ж*.

Спорадически и⟷у (передняго ряда) присутствуетъ послѣ губного согл. въ неудар. слогѣ: уп'уваjут' (выпиваютъ).

Гласный *и* при сильной эмфазѣ или при пѣніи имѣетъ широкое образованіе, подходя къ гласному *е*, а въ пѣніи почти совпадаетъ съ нимъ.—идиᵉ! (Мухорш.). Господе помелуj. ал'л'еллуи-ја.

По всей семейщинѣ послѣдовательно употребляется предлогъ и приставка *з* (*с*) вм. *из*. з гораду, з дому, з Масквы, з Ыркуцка, з јашшыка wз'асʼ, з банку wз'ал, з лесу, квас с муки, з wуха с'ар'ошки, з нашыва сукна, з ыхнъва, з зим'а (переспрашиваю: съ какихъ поръ?)—из зимы. с карману, с плену, с Урлука (у?), здох, штоп ты здох! змамал саху, стоп'ут' (истопятъ), стругатца (изругаться).

Измѣненіе *и* въ неслоговое *и*: нјабразованныи (Кун.).

Нач. *а* (вм. неудар. *о*) въ словѣ «огородъ» иногда отсутств.: гарот (напр., въ рѣчи старухи въ Н. Заг.). На-городи была (Хар.). Но обычно—агарот, w (или уw) агароди. Отсутствіе *а* вызвано вліяніемъ сочетаній съ *на*: на городи⟷на-агароди, на-гарот⟷на-агарот. Отсутствуетъ *а* въ сочетаніи—ни-днэj (ни одной). Иногда отсутствуетъ или произносится съ неполнымъ образованіемъ заудар *а* въ предлогѣ *кола*: кол—Ыстоки (около Истоки; Истока—ручей образующійся изъ ключей, около Н. Загана). колᵃ избы (Н. Заг.).

Изъ замѣнъ давнихъ сочетаній редуцированныхъ ъ, ь съ плавными отмѣтимъ слѣдующее. Въ замѣнахъ сочетаній тьрт сохраняется прежняя общерусская мягкость плавнаго передъ задненеб. (*х*), губнымъ (*в*): вер'х, на-вер'х, свер'ху, на в'ар'ху (по-

всюду', читвер'х, спер'ва. Но—вервы=веревки. Въ глагольныхъ формахъ и именныхъ образованіяхъ отъ нихъ -держ-и-дорж. Данныя семейщины свидѣтельствуютъ, что второй звуковой вариантъ проникъ къ семейскимъ отъ «сибиряковъ»: у послѣднихъ, какъ и на сѣв.-востокѣ Европейской Россіи, этотъ глаголъ имѣетъ сочетаніе-*ор*.- Обычнымъ сочетаніемъ у семейскихъ является *держ*:—диржат' (д'аржат'—Тарб.), держыш и др. Въ такомъ видѣ эти сочетанія употребляются въ рѣчи стариковъ и старухъ. *дорж*—я наблюдалъ въ говорѣ нестарыхъ мужиковъ; при этомъ въ говорѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ были и другія наносныя «сибирскія» черты, не свойственныя говору старшаго поколѣнія (напр., *а* вм. *ае* въ глаг. фор., твердое *т* въ 3 ед. и мн. наст.): задоржывалас' вада (Хар.), доржыт и—пад'д'оршка (Н. Заг.); даржы (Тарб.), доржыт при—держат' (Хонх.). Въ замѣнѣ *trъt передъ гласнымъ полнаго образованія отмѣтимъ сочетаніе съ утратой плавнаго: кстит' (крестить. Н. Заг.). Изъ замѣнъ сочетаній *rъ, *lь въ начальномъ слогѣ передъ гласнымъ полнаго образованія: ирват', ирваныи, ирв'ом, ирва (рва), аржаноj. Изъ рѣчи н.-заганскаго парня Арлама, отличнаго объекта: произнеся форму род. ед. «рожы», онъ замялся и поправился: «иржы», ржана жнив'а (Тарб.). ил'ну, ил'л'ут' (льютъ; Н. Заг.). Въ тотъ же рядъ сочетаній перешло и—л' д:—ил'дом, ат-ыл'да.

Неслоговое у и билабіальное **w**[1]). Въ семейщинѣ въ широкомъ употребленіи неслоговое *у* или губно-губное **w**. Условія нахожденія неслогов. *у* или **w** таковы. 1) Въ предлогѣ, гдѣ онъ чередуется съ гласнымъ *у* или съ у**w**. 2) Въ тѣхъ формахъ мѣстоименія ***w**ьs'ь («весь») и глаг. ***w**ъzęti, въ которыхъ по утратѣ ь, ъ въ первомъ слогѣ неслоговое *у* оказалось передъ—*с з*. 3) Въ началѣ слова: a передъ согласнымъ b) передъ гласнымъ задняго ряда. 4) Въ срединѣ слова: a) передъ гласнымъ задняго ряда; b) передъ соглас. 5) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ; въ этомъ положеніи отмѣчено и безголосое **w**. 6) Вмѣсто начальнаго *у* въ первомъ неудар. слогѣ. Примѣры 1) у с'але или **w** с але, у (**w**) тым л'асу, у гости пришла, **w** аднем, **w** читвер'х **w** палавина-ден', **w** цэркви, **w**мест'а. у**w**а с'не, у**w**-агароди... 2) Въ этихъ случаяхъ неслоговое *у* чередуется, независимо отъ какихъ-либо условій, со слоговымъ **у**: **w**с'о или ус'о, усе, **w**о**w**с'а (ä), у **w**сем Хäраузи. Какъ во многихъ другихъ южно-великор. говорахъ развилась манера употреблять у**w** (ув) передъ начальнымъ ударенным ъ гласнымъ: увес' (весь), у**w**о**w**с'а; ср. *у***w** въ предлогѣ. **w**з'ас'т', уз'ат', уз'ас'т, уз'амшы, **w**з'ал, уз'ал. а**w**с—въ заимствованномъ словѣ—а**w**сенъшнъjа.— Въ формахъ съ прежнимъ ъ сильнымъ: **w**аз'ми. По аналогіи съ **а** (изъ *о*←ъ сильнаго) прозносится wашеj (вшей. Хонх.). 3) Въ начальномъ слогѣ передъ согл. вм. нѣкогда бывшаго сочетанія wъ- или wь- (съ утраченными ъ, ь): улес, wлес (влѣзъ), унук, wнук, учара, wтароjа. Но аw- въ словѣ: а**w**торник (ср. и а**w**сенъшнъjа). Передъ *р*, *л*: **w**рем'а (въ одномъ письмѣ заганца: уремя), **w**лас (Власъ). Передъ гласн.: **w**ада, **w**ос, **w**от, **w**оску, **w**он'ка, wотäчка, wарабишки; въ Н. Заг. и—гарабеj (г—длительное) 4) дwа, даwат', траwа, падwода, заwоду, шwорен', гwос', наwоj рас, каwо, jаwо, чаwо, таwо, маwо, въ неуд.: кароwа, три постаwа, маркоwа, коwал', атаwа, браwа, браwъj, здароwа, аттыдыwа; оконч. род.-вин. ед.—wа: добръwа, нашыwа, П'атроwскъwа. Въ заударномъ положеніи w передъ *а* иногда имѣетъ неполное образованіе и близко къ утратѣ; а передъ *у* и послѣ гласнаго **w** утрачено: деушки, кароушка; но послѣ согл.: у цэркwу. Передъ согл.: деwка, диwна, лаwка, траwка, папоwцы, лестаwка, спраwшык, заwтр'а Кис'ал'оwка, раwно, даwно, таwро, у д'ареwни, таргоwл'а. 5) дамоw, гадоw, м'ашкоw дуракоw, аз'ораw, дроw, маркоw. Въ Тарбаг. отъ нѣкоторыхъ лицъ слышалъ *ф* въ концѣ слова: слиф, кароф, галоф. Также отъ од·

[1]) Неслоговое *у* и билабіальное w передаются посредствомъ w или **w**.

ного парня въ Мухоршибири: лупкоф. Припомнимъ и другія отклоненія въ говорѣ семейскихъ этихъ селъ отъ обычныхъ чертъ семейщины. Для объясненія появленія губно-зубн. согл. въ концѣ слова укажемъ, что въ говорѣ «сибиряковъ», живущихъ въ этихъ селахъ, представлено именно *ф* (*в*). 6) Вм. нач. неуд. *у* семейщина имѣетъ неслог. *у* или билабіальное w: wже w нас, w мине, wдарит', wгадали, wкрал, кони wгнали, ни wзнали wб'јут' (wб'ут') wражај (послѣднее сочетаніе отмѣчено въ Хонхолоѣ; въ Мухорш. и Тарб. это слово передается со вторичнымъ гласнымъ *а*: wаражај) Съ *у* произносится новое, заимствованное слово—управа: у wуправы (Хар.). Если за начальнымъ неудар. *у* находилось w, старое или новаго происхожденія, то въ такомъ сочетаніи *у* представлено слоговымъ: уwал, уwајди, уwашол (уйди, ушелъ); ср. съ этимъ уwо—вм wо-(wа-) въ предлогѣ, а также уwо- въ начальномъ слогѣ вм. wо-. Представлено *у* въ ф.- wузда—по аналогіи съ фф. съ удар. на первомъ слогѣ.

Начальное wы- подъ удареніемъ сохраняется въ семейщинѣ: wымирина, вым а (въ Ник. *ы* въ этомъ сочетаніи съ значительной подвижкой впередъ), выпуск. Но въ неудар. нач. слогѣ wы- измѣнилось: *ы* подъ вліяніемъ предшествовавшаго w (неслог. *у* или билаб. w) лабіализовался; въ Н. Заганѣ я отмѣтилъ—wыделъват'—съ лабіализованнымъ *ы*, близкимъ къ *у*. Но обычно представленъ разультатъ пережитой полной *у*—вой лабіализаціи: wы→у. Такъ и въ Н. Заганѣ, такъ и въ другихъ селахъ.—удајут' (выдаютъ, ухадит' (выходить), уган ал (выгонялъ', упригат' (выпрягать), упивајут' (выпиваютъ). Послѣ гласнаго возможно w: ни-wдајут' (не выдаютъ). Такой же процессъ лабіализаціи неудареннаго гласнаго въ начальномъ слогѣ отразился и въ совсѣмъ позднее время,—во время жизни въ Сибири: онъ отразился на заимствованномъ отъ «сибиряковъ» словѣ «варнакъ»: урнак (каторжанинъ, вообще бранное слово о нехорошемъ человѣкѣ).

Утрачено *в* (w) въ слабоударенномъ сочетаніи «ведь»: ит'.

Передъ нач. удар. лабіализован. глас. находится вторичное w: wулица, wум, wутрам, wугал', wуха, wужынат', wокны, wоспа, wосе'ни, wосим, wос'ка (Оська), wос'. Рѣка Оборъ передается, какъ—wубор—(отмѣчено въ Ник.). Но, какъ передача чужого названія, этотъ примѣръ не доказателенъ. По аналогіи съ формами, имѣющими wу-, wо-, могутъ произноситься съ w и родственныя формы съ неударенными *у*, *о*: wузда, wана, wаны (рѣдко въ Н Заг., въ Тарб). обычно же—ана, аны или ане, какъ и—атец, ав'ос, атwорка (форточка), аснатцыт' («18») Въ этомъ положеніи даже старое w вм. *в* отсутствуетъ: Арлам (Варлаамъ). Вторичное w находится передъ лабіализованнымъ гласнымъ и въ срединѣ слова послѣ гласнаго: на-wулицы, праwулак, паwужы, паwут.

мн. Сочетаніе *мн* въ семейщинѣ замѣнилось посредствомъ wн: wнога, гуwно, гуwна, тиwната. Въ Мухорш. отмѣтилъ *мн* съ неполнымъ губнымъ затворомъ: гумно. Тамъ же *мн* вм. wн: дамно.

Задненебные согласные. Семейщинѣ тѣхъ селъ, гдѣ предударное иканье не распространяется на счетъ яканья, гдѣ нѣтъ *а* вм. *ае* въ глаг. фф наст. вр., гдѣ нѣтъ *т* вм. *т'* въ фф. 3 ед и мн. наст. вр,—тамъ извѣстенъ ей задненебный длительный *г*, а не взрывной. —гара, многа, карагот и др Такъ въ Н Заганѣ, въ Хонх., Ник., Хараузѣ, Куналеѣ. Въ Ник. наблюдалъ длительный *г*, близкій къ h, а hо, близкое къ wо: дараhој и дараwој (старикъ не шепелявитъ, говоритъ ч' не ч'ш: ср. ниже). Въ Хар. также слышалъ *г*, близкое къ ћ. Въ концѣ слова *х*—рох, сапох, денех. ст'ах, астрох, плух, снех. Иначе обстоитъ дѣло въ Тарбагатаѣ (и Десятниковѣ) и въ Мухоршибири. Въ концѣ слова и здѣсь говорятъ послѣдовательно *х*. Въ прочихъ же положеніяхъ извѣстенъ и *г* взрывной. Но такого образованія задненебный

согл. имѣютъ не всѣ представители этихъ селъ Наиболѣе распространено употребленіе взрывного *г* въ Тарб. (и Десятниковѣ : здѣсь много и другихъ несемейскихъ чертъ говора Не такъ значительно употребленіе взрывного *г* въ Мухорш.: здѣсь нерѣдки лица, говору которыхъ извѣстенъ *г* длительный. Вотъ мужикъ 43 лѣтъ. Онъ икаетъ, шепелявитъ въ произношеніи мягкихъ *с, з* (см. ниже). доржит и будит' даржат, *т* твердое въ окончаніи формы 3 ед и мн. наст. вр. Въ его говорѣ *г*—взрывной. А вотъ и молодая баба, она *доржит*, шепелявитъ, зна*т*, бега*т*, у ней мягкое ч' имѣетъ значительный свистящій элементъ (см. ниже). Она тоже произноситъ *г* взрывной. Рядомъ съ ней двѣ бабы молодая и старая: каждая изъ нихъ знаи*т*, б'аги*т'*, у нихъ *г* длительный. Для объясненія появленія взрывного *г* въ говорѣ семейскихъ отмѣтимъ, что у тамошнихъ «сибиряковъ», какъ и у прочаго старожилаго населенія Сибири, *г*—взрывной.

Съ длительнымъ *г* въ Н. Заганѣ слышалъ гарабеј- но и—warабишки.

Въ различномъ видѣ представлена замѣна *г* въ нарѣчіяхъ «тогда», «когда». Передъ *д* въ одномъ и томъ же селѣ произносятъ *г* (отмѣченъ и взрывной *г*, w, i (неслоговое i): кагды, тагды,-а, каwды,-а каiда таiда. Ср. и нар.—нагды. - Въ такомъ же звуковомъ видѣ эти нарѣчія свойственны и говорамъ Сибири (еще варіантъ: съ *л*: колды). М. б., своимъ, а не перенятымъ со стороны сочетаніемъ для этихъ нарѣчій является *тада када* отъ старухи въ Н. Заг.). Различ. звуковой видъ имѣетъ передача нарѣчія «гдѣ» 1) Представленъ варіантъ безъ задненебнаго согл.: *дѣ?* (Мухорш.), *де-нибут'* (Кун.). 2) Варіанты съ начальнымъ гласнымъ *и* (редуцированнымъ). ѣ, ă, *и*: иде, (съ редуц. *и*; Н. Заг), ъ^а^де или аде (Мухорш.), аде (въ разныхъ селахъ). Въ Н. Заг. и такой варіантъ: агде. Начальные гласные въ передачѣ этого нарѣчія не представляютъ фонетической замѣны *г* въ начальномъ слогѣ передъ *д* а восходятъ къ гласнымъ, входившимъ издавна въ составъ мѣстоименныхъ формъ: i, а (*о) *а* могло перейти къ этому нарѣчію позднѣе, отъ союза *а*. Относительно редуциров *и* можно полагать и то, что онъ представляетъ собою фонетическую замѣну мягкаго длительнаго *г'* передъ *д'е*.

к→*х* въ предлогѣ. Фонетически этотъ переходъ совершился передъ *т*, *к*, въ связи съ общимъ измѣненіемъ этихъ соглас. въ указан положеніи: хто, кохти м'ахка... а также—х тому, а затѣмъ и- -х Мирону, х нам, х в'асне (Н. Заг., Мухорш., Хар).

хр—по всей семейщинѣ въ образованіи—хрес'јаны, хрис'јаны (крестьяне). Въ Н. Заганѣ у одного лица отмѣтилъ *кр*:—крес'јаны: съ *кр*—то же лицо произносило и Креста (Христа) съ *кр*—отъ *-крест*.

к г, х передъ *е, и, к* въ этомъ положеніи пережилъ значительную подвижку впередъ, къ области мягкаго *т'*. По всей семейщинѣ *к'* произносится, какъ заднепалатальный т' (т^к'^), или имѣетъ образованіе ближе къ переднепалатальному *т'*. рук^т^и и рут'и, рек^т'к^и и рет'и, к'ич'ка, с Паст'ă (-'а), ск'ин' или ст'ин, т^к'^ирпичи, капеjк^т'^и, Т'ир'уха, т'ита, (кета) Т'итај, Марк^т'^елка, «Мартелъ»—на одной домовой дощечкѣ въ Н. Заганѣ; w нас па аднэј пајт'и (пайкѣ). Въ оконч. мн. съ суф. *ск*: *ст'ии*. Такъ, кажется, послѣдовательно въ Н. Заг: заганс'т'ии, шырандаjс'т'ии шыбирс'т'ии; въ ед.—ск'иj - скиj ь—редуц. i).

Сочетаніе длительнаго *г* съ *и* (*е*) представляетъ собою сочетаніе средненебнаго длит *г'*+*и* (*е*; или же вм. такого *г* находится близкое къ нему образованіе j: маг'илы, сапаг'и, на т'алег'и... маjилк'и (j близко къ неслогов. i; Ник, Хар). Въ говорѣ тѣхъ же лицъ, которые говорятъ *г* взрывнымъ, *г'* представляетъ звонкую параллель къ *к'* (к^т'^): ден^г'д'^и, сажг^д'^от, сапаг^д'^и, Маг^д'^ил'оw (Мухорш., Тарб.). Образованіе *х'* отмѣчено въ Ник. съ легкимъ длительнымъ шипящимъ палат. элементомъ: сх^ш'^итит'

Мягкое *т'* по мѣсту образованія совпадаетъ съ к' (к'ᵗ): к'ина (тина), к'ес' (тесть), к'еста, к'ᵗесна (примѣры изъ Н. Заг. и Хонх.). Въ Харауз̆ѣ отмѣтилъ *д'*→*г'*: г'ен' (день), г'евет'. Въ говорѣ семейскихъ, переселившихся далеко на сѣверъ, въ с. Мохоркала, представлена та же подвижка въ судьбѣ *т'*.

Подвижка впередъ въ образованіи *к, г, х* въ зависимости отъ предшествующихъ j, *н*, *л'*, *р'*, *с'*, з', *т'*, *ч'* семейщинѣ неизвѣстна.—хаз'аjка, Ван'ка,- у, Сен'ка, н'ан'ка, пун'ка, насул'ка, Лазар'ка, суч'ка, на в'ар'ху. Только въ Мухорш. отъ дѣвочки, бѣжавшей съ ведеркой, услыхалъ «на реч'ᵗк'у». Въ томъ же селѣ одно и то же лицо говорило:—мален'ка и мален'к'а. Здѣсь *к'* вм. *к* не фонетическое явленіе, а по сходству съ нарѣчіями на а. Такого же происхожденія и—скол'к'а, -ä — (см. выше).

хв, ф. Въ передачѣ прежнихъ сочет. съ *хв*, а также *ф* въ заимствованныхъ словахъ семейщина представляетъ *хф*—съ *ф*, близкимъ къ безголосому неслоговому *у* (билабіальное глухое w), и *х*: хфос, хфароба, захфарала, прихват'у, пахфалка, сарахфан, хфарт, хфурманка и хурман (названіе повозки), Грахфина, гармахфончик, Нихф'от; *хф* и въ—хватера: хунт, хорма, Хама, Уха (въ Тарб. отъ старика съ нечистымъ семейскимъ говоромъ), хлот, хронт; въ Мухорш. и—на хфронт'и". Семейскіе говорятъ—трапит' натрапит'—(случаться, выпадать), т. е. говорятъ, какъ на западѣ и юго-западѣ русской языковой области въ Европѣ; но въ Н. Заганѣ отмѣтилъ и съ *ф*—билабіальнымъ: трафилос'.

Согласные *ш, ж* въ говорѣ семейскихъ тверды.

с', *з'*. Мягкіе согл. *с, з* относятся къ ряду ***палатальныхъ*** согласныхъ. Дорсально-образованные они представляютъ въ акустическомъ отношеніи шипящій элементъ и совпадаютъ съ польскими палатальными ś, ź. Эти шепелявые с', з' распространены по всей извѣстной мнѣ семейщинѣ; они произносятся и стариками и молодежью. Но къ этому необходимо добавить слѣдующее. Въ каждомъ селѣ по произношенію шепелявыхъ с', з' есть различіе между молодымъ поколѣніемъ и старшими. Молодежь будто съ какимъ-то особеннымъ смакомъ употребляетъ шепелявые с', з'. Я не встрѣтилъ ни одного парня и молодого мужика, ни одной дѣвушки и молодухи, которые не шепелявили бы. Иное представляетъ говоръ стариковъ и старухъ. Шепелявятъ и они. Вотъ дядя Иванъ въ Тарбагатаѣ, мощный старикъ лѣтъ 75; вотъ дѣдушка Хфилипъ лѣтъ 80 въ Н Заганѣ; вотъ древній старикъ (забылъ его имя) и его старуха въ Никольскомъ; вотъ старушка въ Харауз̆ѣ няньчится съ внукомъ Микулкой и многіе другіе мои почтен. собесѣдники въ этихъ и проч. селахъ;—всѣ они шепелявятъ; но шипящій элементъ у нихъ слабѣе чѣмъ въ произношеніи молодежи, иногда совсѣмъ слабый «Почти не шепелявитъ»,—нерѣдко заносилъ я въ этихъ случаяхъ въ свои записки. Имѣя въ виду данныя говоровъ Сибири, полагаемъ, что шепелявость въ произношеніи с', з' семейскіе развили только здѣсь, въ Забайкальѣ, а не принесли съ собой изъ Европы,--развили постепенно, въ средѣ поколѣній 3 хъ. Молодежь кажется, поголовно овладѣла палатально-дорсальными с',з'. Къ настоящему времени во всѣхъ областяхъ востока и сѣвера Сибири въ говорахъ «старожилаго» населенія распространены шепелявые с',з'. Они произносятся на низовьяхъ Оби, въ Туруханскомъ краѣ, въ приангарскихъ селеніяхъ, по Илиму, Ленѣ, Киренгѣ, въ Забайкальѣ, на Колымѣ, на Анадыри, у Охотскаго моря. Разумѣется, шепелявятъ и ближайшіе сосѣди семейскихъ,—«сибиряки», живущіе съ ними въ сосѣднихъ или въ однихъ и тѣхъ же селахъ. (Обозрѣніе говоровъ Сибири по доступнымъ мнѣ матеріаламъ сдѣлано мною въ отдѣльной работѣ, остающейся пока въ рукописи). Широкой волной процесса шепелявенья была охвачена и семейщина.—с'ила, с'алу, с'ем,

пис'мо, с'л'апој, с'нех, калас'ница, пус'тит', дас'видан'а, с'ера с лис'вини, ус'пен'а, јес[т'] жыс'[т'] шэс'[т'], з има, з амли, кyз ма', сказ'н'у..

Волна шепелявенья отражается кое-гдѣ по семейщинѣ и на твердыхъ *с*, *з*. Въ Н. Заганѣ я велъ длинныя бесѣды съ однимъ старообрядцемъ лѣтъ 37-и. Въ его говореньѣ послѣдовательно были представлены шепелявые мягкіе *с'*, *з'*, но также и твердые *с*, *з* имѣли шипящій элементъ. Не могу точно описать ихъ физіологіи; но въ акустическомъ отношеніи это были согласные твердые *с*, *з* съ шипящимъ элементомъ во второй части: сш, зж: сшам, сшол', сштал зжнаиш, расш и т. д. Другихъ субъектовъ съ такимъ произношеніемъ я не встрѣтилъ Только въ Никольскомъ у одного старика замѣтилъ нѣкоторую шепелявость въ произношеніи твердаго *с*. Отмѣчу еще въ отдѣльномъ случаѣ *ш* твердое вм. *с* въ словѣ «свѣтскій»: швецкъј закон державут', а ни духовнъј. Такъ жаловался мнѣ одинъ старикъ въ Н Заганѣ Его говоръ знаетъ очень слабые шепелявые с', з'.—шпекул'ант—съ обычной русской передачей *сп*—въ заимствованныхъ словахъ (шпирт..). Возможно, что со временемъ въ семейщинѣ привьется и эта манера,—шепелявое произношеніе твердыхъ *с*, *з* и смѣшеніе ихъ съ *ш*, *ж*. Этотъ процессъ широко охватилъ русскіе говоры восточной Сибири и нѣкоторыхъ мѣстностей западной. Онъ отражается въ Туринской волости Тобольск., въ Обдорскѣ въ Туруханскѣ по Ангарѣ, Ленѣ, Киренгѣ, въ Баргузинскомъ округѣ, отчасти на Индигиркѣ на Колымѣ въ Охотскѣ по Онону. Напр.: шасн'а, наси, сл'аччa (шляться) зер'ло, зарко, жаливат, жалог, шазгли, нижавој; посол *ш*ам по *ш*та нам, а *ш*обаку ош*т*авил вош караулит' (такъ дразнятъ баргузинцевъ ихъ сосѣди, не имѣющіе въ своемъ говорѣ мѣны *ж-з*, *ш-с*). Въ говорѣ анадырскаго села Маркова (верстъ 1000 съ лишнимъ къ востоку отъ Н.-Колымска) совсѣмъ отсутствуютъ *ш ж*: сыпко, сыски, кол'ос (колешь), саман, зар. коза (кожа),..

ц цв' ч. Прежній согласный *ц* семейскіе произносятъ твердо. Обнаруживается тенденція къ ослабленію затворнаго элемента: ц→^{т}с. Въ сочетаніи *цв'* взрывной элементъ (въ *ц*) ослабленъ или совсѣмъ утраченъ, а длительный, подъ вліяніемъ слѣдующаго *в'*, является мягкимъ: *цв* →^{т}*с'в'* или *с'в'*; при этомъ *с'* произносится такимъ же образомъ, какъ всякое другое мягкое *с* (шепеляво). ^{т}с в'аточ'ки (Кун), с в аточ ки', с в'атки (Тарб. Ник.), чир'омуха ^{т}'с вит'от, ш'виточ'ки (парень въ Мухорш.).

Согласный *ч* по всей семейщинѣ является м я г к и м ъ согласнымъ. Но образованіе его неодинаково у всѣхъ говорящихъ. И въ этомъ отношеніи расколъ у семейскихъ: старики, дѣды—отцы и молодежь. Нерѣдко и пожилые отцы раздѣляютъ манеру молодежи. При этомъ манера молодого поколѣнія значительнѣе тамъ, гдѣ и въ другихъ отношеніяхъ произошло уклоненіе отъ говора дѣдовъ Сравнительно съ шепелявеньемъ мягкихъ *с з'* манера молодого поколѣнія въ произношеніи *ч* слабѣе по своему распространенію среди говорящихъ. Въ произношеніи лицъ старшаго поколѣнія (хотя и не всѣхъ) *ч* представляетъ аффрикату съ мягкимъ взрывнымъ *т*, и мягкимъ длительнымъ *ш*: т'ш'. Мягкость образованія нерѣдко очень значительна; но все же длительный элементъ относится къ ряду мягкихъ *ш'*. Такое образованіе *ч'* я наблюдалъ въ Никольскомъ, у стариковъ старухъ, не старыхъ мужиковъ, шепелявившихъ и нешепелявившихъ, и чаще въ Хараузѣ. Въ Хонхолоѣ встрѣтилъ старушку живущую здѣсь послѣ замужства лѣтъ 40; родомъ она изъ Хярауза; сохраняетъ *ч'* и не шепелявитъ Но и въ этихъ селахъ, какъ и въ прочихъ, многіе произносятъ иначе *ч'*: въ ихъ произношеніи это мягкій слитный согласный, длительный элементъ котораго подходитъ ближе къ ряду мягкихъ *с'* (обозначаемъ условно ч'ш'), иногда совсѣмъ совпадаетъ съ *с'* (обозначаемъ условно ц').

Въ говорѣ лицъ, произносящихъ ч'ᶦ, непремѣнно представлены шепелявые с', з'. Такое ч'ц' извѣстно по всѣмъ селамъ семейскихъ. Въ Мухорш., въ Куналеѣ, Тарбаг. при ч'ц произносятъ и ц'—ч'ц оо гавориш, wот ц'оо. ц'о? ч'ц'ич'ц'асная врем'а, ноч'ц'у крич'ц ит' даwч'ц'онка... (Мухорш.). ч'ц'атэри кароwа прац'ин'аит (ц' или ц'ч) ч'ц'ич'ц'ас, ц'орт (Кун.). Въ Тарбаг. въ говорѣ однихъ и тѣхъ же лицъ ч' и ч'ц'. Въ нижней части села ц' (въ этой части *а* вм. *ае* въ глаг. фф.. *т* твердый въ оконч. ф. 3 ед. и мн наст.). Женщина изъ Десятникова говоритъ ц': дац'ка цао, луц'ц'и поц'та приб'ажала. Говоры тамошняго «сибирскаго», нестарообрядческаго населенія имѣютъ ч'ц' или ц' (напр. въ с. Саянтуй). По отношенію къ прочимъ русскимъ говорамъ Сибири отмѣтимъ, что ц' вм. ч' говорятъ во многихъ областяхъ ея,—именно тамъ, гдѣ произошло смѣшеніе *ш*, *ж* съ *с з* и гдѣ находятся шепелявые *с'*, *з'*. Имѣя въ виду эту связь языковыхъ явленій, слѣдуетъ полагать что и передвижка въ рядѣ согласныхъ с, з, с', з', ш, ж и въ ч (ц') произошла здѣсь, въ Сибири, подъ воздѣйствіемъ иноязычнаго элемента. Но, конечно среди великорусскихъ говоровъ Сибири съ *ц* вм. *ч'*, есть и такіе, которые принесли изъ европейской Россіи эту черту (ц' вм. ч'). И для говора семейскихъ полагаемъ, что ч'ц', ц' также развилось здѣсь въ Забайкальѣ Объ этомъ свидѣтельствуютъ факты современнаго языковаго состоянія семейскихъ и «сибиряковъ». Не лишне замѣтить и слѣдующее. Забайкальскіе старообрядцы находились раньше въ ближайшемъ отношеніи со старообрядцами румынской Добруджи,—съ липованами округа Тульчи. тѣ и другіе жили раньше въ одномъ мѣстѣ, въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ. И до сихъ поръ какъ живущіе за Байкаломъ-моремъ такъ и живущіе у Чернаго моря сохраняютъ еще много общихъ чертъ въ своихъ говорахъ Говору добруджанскихъ старообрядцевъ ч'ц' неизвѣстно. *ч* у нихъ также претерпѣлъ измѣненіе, но измѣненіе въ другомъ направленіи,—къ отвердѣнію: значыт'.

чк нч, чн. Въ сочетаніи *чк* взрывной элементъ въ *ч* ослабленъ: *чк*⟶ ᵗш'к, или даже совсѣмъ утраченъ: ш'к. Также *нч*⟶*н'ᵗш'*. или *нш'*. в'аровашку. ᵗс'в'атоᵗш'ки, ретᵗш'ка (Кун.), заимᵗш'ки, ш'витоᵗш'ки (Мухорш.), ланᵗш'ак (Мухорш., Н Заг.). Вм. *чн* представлено обычное русское *шн*: рушник, падрушник, мошна, памесишна жыв'от'. Сочетаній съ *сн* вм. *шн*, какія представлены въ отдѣльныхъ словахъ по всей Сибири (молосной, пшенисной гасник), у семейскихъ не отмѣчено

л р. Семейщинѣ извѣстно w вм. *л* въ концѣ слова и въ срединѣ слова передъ согл Но w такого происхожденія употребляется совсѣмъ непослѣдовательно: въ говорѣ одного и того же лица можно слышать *л* и w. Чаще л⟶w при благопріятныхъ условіяхъ: послѣ лабіализованнаго гласнаго. На вопросъ о томъ, здѣсь ли въ Сибири развивается въ семейщинѣ этотъ процессъ или уже съ w вм *л* ихъ предки пришли сюда, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта. Замѣтимъ лишь, что въ говорѣ лицъ глубокой старости я не могъ замѣтить употребленіе w⟵л И любопытно что въ говорѣ н-заганскаго мужика употреблявшаго послѣдовательно не только шепелявые с' з', но и шепелявые сш, зж вм. твердыхъ *с,з* (см. выше), также послѣдовательно проведено w вм. *л*. Вполнѣ возможно, что и эта манера—сибирскаго происхожденія. (Въ отдѣльныхъ в-русскихъ говорахъ Сибири она отражается). Н. Заг. доwгая, доwх, даwбит', тоwк, стукатоwк паwгода пришоw, ходиw, сказаw. Иногда произнос. *л* съ широко-опущенными боками языка,—переходъ къ w Ник.: доwга, доwжан раздуw даw. Хар.: ушоw, минуw при—ходил просил и др Въ одномъ словѣ представлено *л* вм. *в* (w): трелога треложыт' (Н Заг.). Такъ и въ говорѣ «сибиряковъ».

Въ отдѣльныхъ случаяхъ вм. мягкаго *р* семейскіе произносятъ *р*, близкое къ твердому или совсѣмъ совпадающее съ твердымъ *р*. Примѣры такого произношенія

наблюдалъ во всѣхъ селахъ. Здѣсь и твердое *р* имѣетъ особое образованіе: оно болѣе раскатисто и болѣе задне, чѣмъ обычное великорусское *р*. Н. Заг: гавару гаварат, сматру, тры, грэх, брэшыт' из румки, брычка (въ Ник.: бричка), у перот, прама, пры-(приставка), серотка. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ отмѣченъ необыкновенный твердый *р*, а близкій къ нему, съ нѣкоторой долей мягкости:—пирамена, трапар, трапару (р—твердый). М. б., иного значенія отвердѣніе *р* въ вервы.. Въ Кун. и—в'аровашку. *ґи* въ—крилцо. Ник.: паперок, w перот, читэрох благадару гавориш, Варка (р, близкое къ тверд.). ррепа—значительно выраженное раскатистый *р*. Сюда, м б, относится *р*—у т'урме (въ Мухорш.—у т'ур'ме). Хонх.: сибираки (съ средней твердостью *р*). «Какъ?»—сибир'аки, берош (тоже средней тверд. *р*'), у сиротку (твердый *р*). Тарб: атапрош, трох, Пис'т'арова (*р*—средней тверд.). Хар.: репа, w перот (средней тверд. *р*). гавару,—ат' (твердый *р*). М. б иного происхожденія *ру* въ—брукwа. Мухоршиб.: курин'н'а с'липата (*р* средней твердости). Если принять во вниманіе что семейскіе переселились въ Сибирь изъ «Польши», какъ еще до сихъ поръ они сообщаютъ, то можетъ казаться, что твердое *р*—это результатъ вліянія говоровъ бѣлоруссовъ, съ которыми предки семейскихъ встрѣчались до отхода въ Сибирь. Но такое объясненіе не пріемлемо по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ фонетикѣ семейскихъ нѣтъ ничего такого, которое ихъ предки усвоили бы отъ бѣлоруссовъ. Юго-западное вліяніе было, но оно отразилось на нѣкоторыхъ явленіяхъ морфологіи и въ лексикѣ. Манера особаго произношенія *р* и отвердѣнія *р*' развивается здѣсь, въ восточной Сибири—развивается въ связи съ такимъ же явленіемъ, переживаемымъ прочими русскими говорами. Отмѣтимъ слѣдующій фактъ фонетики русскихъ говоровъ восточной Сибири: особо-раскатистое *р* и отвердѣніе *р*' наблюдаю и въ самомъ Иркутскѣ, не только въ мѣщанскомъ говорѣ, но и среди интеллигенціи (наперот, парытца, тры, гавару, берош, славар...—средней твердости *р* или совсѣмъ твердое *р*), и въ окрестностяхъ Ирк., и въ Забайк. (въ Селенгинск, Верхнеуд, въ Акшинскомъ у.у.). Далеко на сѣверо-востокѣ отражается та же черта,—и отражается тамъ послѣдовательно. Въ 80 верстахъ отъ Ледовитаго океана пріютилось по р. Индигиркѣ Русское Устье: здѣсь послѣдовательно *р*'→*р*: до мора, моро, мору, сар (царь), сара, сарыца, запратала, тапер, говорат... То же и дальше къ востоку, на Колымѣ: подрад, рэзко, врэш, говору, врэма, не додружка—до своего брушка, издрэжет... И еще дальше на востокъ, на Анадырѣ, въ с. Марковѣ: цар, зора, горацка, дрыссот, товарысса, сарат.

—tje.—По утратѣ редуцированнаго гласнаго, бывшаго послѣ согласнаго и передъ j (или неслоговымъ i) оказавшееся сочет—согл+j (или неслог i)+гласн.—подверглось по говорамъ русскаго языка дальнѣйшему измѣненію. Это измѣненіе состояло въ тѣсной ассимиляціи согласнаго и j: вм. сочетанія—согл.+j—развивался мягкій согласный съ болѣе длительной артикуляціей, чѣмъ соотвѣтствующій мягкій согласный въ обычномъ образованіи. Этотъ процессъ былъ шире и переживался послѣдовательнѣе сочетаніями—*н*, *т*, *д*, *л*+j+гл.—Не чужды этому процессу были сочетанія и съ другими согласными. Всѣ славянскіе языки пережили стадію ассимиляціи согл. съ j передъ глас. Южная и западная славянщина пережила и дальнѣйшую стадію: упрощеніе артикуляціи этого мягкаго (палат.) согласнаго: онъ становился обычнымъ для даннаго языка мягкимъ согласнымъ, безъ особаго, болѣе длительнаго образованія. На востокѣ славянщины, въ русскомъ языкѣ, также были пережиты разныя стадіи этого процесса въ судьбѣ сочетаній—согл.+j+гл. Процессъ развитія «двойного» мягкаго соглас. былъ общераспространеннымъ на югѣ и на западѣ: въ малор. и бѣлор. нарѣчіяхъ. По областямъ этихъ нарѣчій «двойной» мягкій согласный

замѣнялся обычнымъ мягкимъ согласнымъ. Но невозможно въ этомъ процессѣ измѣненія сочетаній—согл.+j+гл.—видѣть черту, свойственную только этимъ русскимъ говорамъ. Тотъ же процессъ дѣйствовалъ (конечно, независимо отъ малор. и бѣлор.) и въ другихъ русскихъ діалектическихъ областяхъ,—въ отдѣльныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. И въ говорахъ Сибири онъ въ большомъ распространеніи. Напр., въ Енисейскомъ у. (названнё, у застолля, съ похмелля селенницо..), въ Нижнеудинскомъ у Иркут. г. (виселле, божжа мать..) по Ангарѣ въ Иркутскѣ (трет.т'а и по аналогіи—треттій, Усол л'е, плат'т'е, ноч'ч у). въ Селенгинскомъ у. (свин'н'а весел'л е, ноч ч'у). На Колымѣ и дальнѣйшая стадія: н'←н н': терпѣня нѣту!—Пережитъ онъ и говоромъ семейскихъ. Въ настоящее время дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ такимъ образомъ. «Двойные» мягкіе согласные представлены вм. *н, т, д, л ч* +j передъ гл. Мягкій «двойной» *н* замѣняется иногда обычнымъ мягкимъ *н*. Эта замѣна непослѣдовательно проведена. Она чаще обнаруживается въ небрежномъ говореньѣ.—свин'н'а и свин'а дран'н'о, купан'н а, курин'н'а, баран'н'а, баран'н'и сукны, батвин'н'а васкрисен'а, вазнисен'н'а,—н'а, успен'н'а,—н'а, рачен'а, *ж*с'о жард д'о,—мн. жард'а палавод'д а пит'т'о трет'т'ак трет'т'а, а по аналогіи и—трет'т иј, брат'т'а, прут'т'а, плат'т а, сват'т'а Сочетаніе—*ж* + j+гл.—также замѣняется посредствомъ болѣе длительнаго мягкаго *ж*,—обычно внѣ ударенія; подъ удареніемъ же представленъ и j (неслог. і), хотя и здѣсь *ж'* имѣетъ болѣе длительное образованіе, чѣмъ обычное *ж'*: руж'ж'јо, руж'ж'а (Ник.) а также и съ обычнымъ *ж'*: бож'а. Въ сочетаніяхъ губныхъ согл. съ j + гл. нѣтъ однообразія у говорящихъ. 1) Представлено сочетаніе—губ.+j; губной чаще является мягкимъ но отмѣчалъ и твердость его: п'ју, п'јут', сим'ја, с'ам'јој с'ам'је, зимав'јо; симја, убју, пјут'. 2) Въ тѣхъ же говорахъ наблюдается и слѣдующая стадія: ассимиляція j съ предшествующимъ согласнымъ; произносится мягкій губной съ болѣе длительной артикуляціей (безъ j); но эта длительность не производитъ акустическаго впечатлѣнія «двойной» мягкой согласной: п'п' (п'п'у). Вм. такого согласнаго произносится и обычный мягкій губ. согл.: п'у, wб'ут', б'от' п'анъј жнив'а, варабишки *л*j+гл.: ил'л'ут' (льютъ), сол'л'у, у патпол'л'а с пахмел'л'а. *ч*j+гл: кр'уч'ч'а ноч'ч'у.

Изъ явленій ассимиляціи и диссимиляціи. *ж*—*з*: зоскаја (жесткая. Хонх.). залеза залезнъј (повсюду. *ш*—*с*: шашник (сошникъ Ник) и сашник (Хар.; повсюду—шашнатцат' (шышнатцат'—Тарб. Кун.) шаштој. *н*—*м*: нима. Но возможно, что въ такомъ видѣ это нарѣчіе пріобрѣтено отъ «сибиряковъ»: по всей Сибири старожилое населеніе имѣетъ это нарѣчіе съ *н* нимо). *дд*—*нд*: андај (Ник) при обычномъ—аддат'.—*б*—*г*: гумага (повсюду въ Сибири). *г* смѣнилъ собою *б* подъ вліяніемъ *г* въ—грамота тка.

Взаимная перемѣна послѣдовательности артикуляцій *р*, *л*: л'аргија. То же и въ рѣчи Ивана Легостаева изъ Тюмени: леригии (въ его рукоп «Бесѣдословіе», см. выше).

т между *с*—*р*: строк, стразу, стругатца (изругаться).

Начало слова. Передъ гласными *о*, *у* представленъ w (см. выше). Образованія съ мѣстоименной основой е рѣдко не представлены съ j (или съ неслог. і): ева (эва) евана, за јетэм, за этэм (Н. Заг.); обычно же съ j: јетат, јета, јетых, јета wот барскии пашни пашли Кун). јели, јез'ли, јежли јесли

Конецъ слова. Губные согласные въ концѣ слова тверды: сем, wосим, с'теп, цеп, жер'ап (съ твердымъ губ проникло и передъ глас.: жериба, (Тарб) руп (одинъ книжный харaузецъ, при стремленіи къ произношенію «рубл'», говоритъ «рубел'»), кроw (кровь), глып (Ник.), астаw! (Ник.). Но въ нарѣчіи въ знач. «отдѣльно»—асоп'

при—асоб'а (Кун, Хонх.). Въ конечномъ сочетаніи *ст* утраченъ взрывной элементъ, а въ *с'т'* тоже утраченъ или еще присутствуетъ въ видѣ слабаго образованія для взрыва.—мос, рос, 25 в'орс, хфос, п'орс. гwoc', кос' тес'—тес'т', жыс'—жыс'т', стара́с' абvjала, шес', шерс', дас' (дастъ), wпас', атвес', wз'ас'—wз'ас'т', jec'т'—jec' (est). Въ конечномъ сочетаніи *хт* также утрачена взрывная артикуляція: трах (но—на трахту) кантрах.

Въ образованіи формъ имени относительно основы отмѣтимъ слѣдующее: *мох*: съ гласнымъ *о* эта основа проведена и по другимъ падежнымъ формамъ: моху... Съ постоянными *-ен-ик* является—леденик, леденику.. Съ суф. з'н'-[а] представлено образованіе дарагавиз'н'а, бал'шавиз'н'а. Передвижка основы съ глухимъ согласнымъ вм. звонкаго отъ образованій съ суффиксомъ, начинавшимся глухимъ согласнымъ, въ формы, не имѣвшія такого суффикса: вoтoчка. Такъ у всѣхъ сибиряковъ, на востокѣ и на западѣ. *т* подъ вліяніемъ формъ *вотка*. Такъ же появились *т* вм. *д* въ—лоточка,—*ш* вм. *ж*: въ лошечка.—*пријомыш*, въ род.—*а*. Это формы для муж. р. Для жен: *пријомыша* —*ы*... (Ник.).

Въ формахъ сущ. муж. Форма род. ед. почти послѣдовательно оканчивается на *-у*; формы на *-а* встрѣчаются очень рѣдко. — кола дому, з дому, кола гораду, кола леденику, кола лесу, да Бару, да ветру, з банку, с карману, с плену, ил'ну, с П'атроwскъwа заwоду, наз'му свер'ху Тугнују, ат-сујузу, с Урлука, з Ыркуцка, з јашшыка, ат ыл'да.—От стараго рыму—и въ сборн. Давыда старца (XLV. 1797). Форма род. ед. для «ден' оканчивается на *-и*: с јагор'јиwа-дни; да Питраwа-дни. Дат. на *-у*: дн'у. Форма мѣстн. ед. м. и ср. оканчивается на *-у* подъ удареніемъ и на *-е* подъ удар. и внѣ ударенія (е, 'ӓ, 'а и): уw адним даму, w каким гаду, w пл'ану, у пагр'абу, у погриби, у мир'ӓ (—'а), на-стрицкам хронт'ӓ у с'але, на тем конце, w Ханхалоје, у каким мести, у бр'ухи (см. выше). Въ названіяхъ географическихъ на—*ск*— форма мѣстн. имѣетъ не именное окончаніе, а окончаніе фф. прилагат. и мѣстоименій: w Ыркуцким, Микол'ским, П'атроwским...

Форма имен. мн. муж. обычно на—*ы*: сыны, хрес'јаны, бур'аты, хаз'аивы; на -а: дама, ваза..; на 'ӓ изъ *е* или *а*: цыган'ӓ (Н Заг.). Формами множ. для «канапел'» служатъ «канапли» и «канапл'о». Форма имен. мн. для сред. р. при неударенности послѣдняго слога оканчивается на—*ы* какъ въ муж р.: сукны, тил'аты wокны, дышлы. Въ формѣ род. мн. широко распространено оконч *ов* (оw): дуракоw, дамоw, вазоw, брат'т'ӓw, радитил'оw, свидетилеw, кон'оw аз'ораw с'аноw, 5 телаw, ср'ац твоw, пал'оw (полей) Но для именъ на—*ты* (риб'аты, тил'аты..) форма род мн.: риб'ат, тил'ат... На—*ов* (оw?) въ муж. и ср. оканчивалась ф. род. мн. и въ говорѣ старца Давыда: друговъ, от предотечавъ, святителивъ, гонитиливъ, приданіивъ, слуговъ, мѣстовъ (Сбор XLV. 1797). Род. мн.: камареј. Им и вин. кони, род. кон'оw, дат. коним тв. конимн. [мѣстн. коних?]. Въ сочетаніи съ «2» форма муж. и ср. оканчивается на —*а*: два дома, два пал'ца (им ед.—пол'ца). Но при «разъ» окончанія *а* не имѣется; это слово стало неизмѣннымъ:—рас, а то и два рас То же и по говорамъ «сибиряковъ»: два рас, три рас (въ Тобольской губ.). Ср.—ни рас ни была.— Въ сборн старца Давыда: рога два; но—два годы споловиную (XLV. 1797).

Окончаніе формы род ед. жен. р различно. Къ распредѣленію окончаній по какимъ-нибудь категоріямъ семейщина еще не пришла. Употребляется прежнее окончаніе *ы* въ удар. и внѣудар. (*и* послѣ *к*, *г*, *х*): са свад'бы, с палавины, гары, паскотины, новины, вады, с тој старапы, у с'астры сиделя, у св'акрухи, кwас с муки, кол ыстоки, сера с листвини, кола бани, у т'ошшы, ат з'амли. Кромѣ этихъ окончаній въ тѣхъ же селахъ представлены и другія: *ѣ* (е подъ удар., и 'ӓ 'а внѣ удар.). Это

окончаніе въ большомъ употребленіи, но не въ формахъ съ прежнимъ мягкимъ согласнымъ въ основѣ, а съ твердымъ: ат тэј ст'ане, да самај гр'аде, 25 пудоw муке (Ник.). кола Н'аве, ат с'астре, кола избе (Н. Заг). нижа гаре (Кун.), са старане (Хар.), с р'аке (Тарб.). Ударенное *е* распространилось и на прежнія основы на -ь (изъ і): с валасте, да валасте (Н. Заг., Хар.), с тэј паде (Хар.).—с Паск'ä, с палавин'а, дарог'ä (-'а), с субот а (-ä), з' зим'а. «Съ какихъ поръ?—Из'-зимы (Мухорш.). Въ сборн. старца Давыда: отъ злои жене. Форма дат.—мѣстн. ед. жен. р. имѣетъ также разныя окончанія: *ы (и* послѣ *к, г, х)* подъ удар. и внѣ ударенія, *и* внѣ ударенія, не только въ прежнихъ основахъ съ мягкимъ согласнымъ, но и съ твердымъ; *ѣ* подъ удареніемъ (*е*) и внѣ ударенія ('а, 'ä, е). Не можемъ сказать съ увѣренностью, то же ли окончаніе отражается въ неударномъ *и*. к с'астры, па какој-небут' цаны (Н. Заг.), дај сираты, говорит' старшыны (Хар., Шеролдай), на чужэј стараны, у нужды и гор'у (Хар.), у Бичуры, аб-малат'бы думал (Ник.), на службы (Ник.) на служби (Тарб.), дал Грахфины Карпухинај, у жуправы (Хар.), к т'ошшы (Мухорш.), ж церкви, к мел'ницы, к жане, ж з'амле (Н. Заг., Ник.), на тэј старане (Хонх), на паск'а (-'ä) и на паски, на н'адел'а (-'ä) ж бутылк'ä, на жоп'ä, на литовке, ж д'аревне (см. выше). Въ говорѣ старца Давыда также неодинаковое окончаніе имѣли формы дат.—мѣстн. ед. ж.: въ рѣки, земли, ко своей поганыи вѣри, ко своей вѣры, въ молитви исусовыи, въ водѣ.

Рядъ формъ съ прежней основой на -ь (изъ і) сталъ употребляться въ формѣ мѣстн. п. съ ударенньмъ окончаніемъ *е*: на степе, у валасте, путе, на паде, ж грезе, ж груде на Бр'ане, у части жыв'от'; ср. и нарѣчіе—назаде. Не перевелись въ семейщинѣ и прежнія традиціонныя формы на —*и*: к волости у волости, на степи или—по степи. Возможно полагать что съ окончаніемъ е указанныя формы (на степе...) вошли въ семейщину подъ воздѣйствіемъ говоровъ «сибиряковъ»: въ великорусскихъ говорахъ Сибири во всѣхъ районахъ стараго заселенія въ широкомъ употребленіи фф. на —е въ прежнихъ основахъ на-ь (і). Ср. и звуковой видъ въ другихъ частяхъ этихъ формъ: грезе, съ *е* вм. *'а*, какъ въ говорахъ Сибири. Впрочемъ, не лишено возможности и иное положеніе: формы съ окончаніемъ е при формахъ со старымъ окончаніемъ *и* появились въ рѣчи предковъ семейскихъ еще до поселенія ихъ въ Сибири. Въ языковомъ отношеніи забайкальскіе старообрядцы находятся въ ближайшемъ отношеніи къ старообрядцамъ Подонья и Добруджи; а въ рѣчи тѣхъ и другихъ имѣются формы на —е: на степе.

Въ семейщинѣ «полдень» передается сочетаніемъ —палавина-ден': пришол палавина-ден'.—Въ этомъ сочетаніи «половина» или сохраняетъ еще самостоятельное значеніе (напр.—у палавину-ден'—Ник.) или уже утратило его, тѣсно примкнувъ къ «ден'» (ж читвер'х ж палавина-ден. Н. Заг.).

Говоръ с. Десятникова и въ отношеніи фф. склоненія удалился отъ прочей семейщины: тамъ ф. дат. и тв. мн. одинакова, на '—*м*: рукам, нагам, дежки с р'аб'атам. Такъ передаются эти падежныя отношенія во многихъ говорахъ Сибири.

Мѣстоименія. Форма род.-вин. ед. личныхъ мѣстоименій на -*е*: мине, тибе, сибе. Только тарбагатайцы въ числѣ прочихъ заимствованій отъ своихъ сосѣдей-«сибиряковъ» взяли и формы этого мѣстоименія на -'а: мин'а, тиб'а, сиб'а. Въ Харауэѣ бесѣдовалъ съ однимъ грамотеемъ, который путался въ употребленіи—сибе—и —сиб'а—: не только—дли сиб'а— но и—при сиб'а—. Формы на—*е* отражаются и въ сборн. старца Давыда: называли себѣ, оу себѣ... Форма дат.: мине, тибе, сибе. Такъ и въ Тарб. То же и въ—галасит' аб мине (Мухорш.) и др. Смѣшеніе формъ дат. и

тв. во множ. отсутствуетъ. Только одинъ разъ обратились ко мнѣ мужики въ Н. Заганѣ:—с нам пасидит'а!

Форма имен. муж. въ двоякомъ видѣ: wон и jон. Болѣе частое wон смѣняетъ собою, по всей вѣроятности jон: послѣднее слышалъ отъ бабъ и стариковъ. Жен. р. ана. Род.—вин. jаwо, jаjо (и—иjо); въ Куналеѣ отмѣтилъ и—иje: иje нинаjд'ош. Дат. jаму, jej. Тв. и мѣстн. jом. за jом. с jом у jом; только въ Ник. при—за jом и др. отмѣтилъ и—с jим. Ж. р. jej. Именит. множ. аны и ане.—аны—въ говорѣ лицъ, менѣе подвергшихся вліянію со стороны. Одна пожилая женщина въ Ник., которая обычно говорила *аны*, разъ сказала съ *е*, но по тѣсной связи съ *ан* *н* остался твердымъ: анэ. За то, что семейщинѣ раньше было свойственно *аны*, могутъ сказать и ихъ близкіе сородичи въ румынской Добруджѣ, въ Тульч. окр., гдѣ также эта форма имѣетъ видъ *аны* Различіе категоріи рода не отражается въ формѣ *аны*. *аны* говорилъ и старецъ Давидъ (сборн. XLV. 1797) Форма дат. одинакова съ твор.: им'а. за им'а с им'а. На -м'а оканчивается форма дат.—твор. для этого и другихъ мѣстоим. въ великоруск. говорахъ сибиряковъ. Какъ видно, въ сочетаніяхъ формъ этого мѣстоименія съ предлогами *н* отсутствуетъ. Такъ и въ сборн. XLV. 1797: изъ ихъ, на ихъ...

тоj (тотъ)—повсюду. Такъ и въ сборн. XLV. 1797: той кто .. Такъ и въ говорѣ тульчинскихъ старообрядцевъ: той судъ, на той берегъ, той лежить, а етой бежить... Твор. и мѣстн. ед. имѣютъ одну форму: *тым*, с тым, у тым канцу; при такой формѣ существуетъ для мѣстн. и форма съ *е* съ твердымъ или мягкимъ *т*: у тэм писме (Н. Заг.), у тем мести (Тарб.), на тем канце (Мухорш.). Жен. ед. *таjа*. Ср. ед. *тоjа* (тоjа места ..). Такъ и у липованъ Добруджи. Винит. ед жен. *туjу*: на туjу улицу, туjу цену; и—на туjа сторану (Н. Заг.), и—на *туj* (Хонх.). У липованъ Добруджи: на тую же площадь, тую пограбилъ. Родит.—дат.—мѣстн. ж. тэj: ат-тэj, па тэj, на тэj, у тэj улицы у бал'шэj—Ср. тотъ же гласный подъ удареніемъ въ соотвѣтствующихъ формахъ прилагат. Въ Хонхолоѣ и Мухоршибири при указанныхъ формахъ отмѣчено и съ гласнымъ *о*: с тоj стараны, на тоj улицы. Имен. множ. *тыи*. Въ Нов. Заганѣ при—тыи—употребляется и форма съ гласнымъ *е*; предшествующій *т* является твердымъ или мягкимъ: тэи, теи (одни и тѣ же лица). Род.-мѣстн. *тых*. Въ Н Заганѣ и—*тэх*. Тамъ же и—до сех пор. Дат. *тым*. Тв. *тыми*. Такое же образованіе въ рядѣ формъ представляетъ и форма для мѣстоименія «этотъ». Имен. ед. jетат, этъj (Н. Заг.,) этоj (?Ник..), jета. Тв. за этэм (Н. Заг.) wот тетым камн'äм чикну! (Хар.). Форма мѣстн. въ Тарбаг., какъ у сибиряковъ: w етим. Въ Хонх.—w jетам даму (старуха). Множ. jеты, jетми. Такъ и у липованъ Добруджи. Род.-мѣстн. *jетых*.

чаwо, ч'ао, ч'оо, ч'о для род. и вин. Ср. и въ Добруджѣ: чаво пытаешь?

чиjа, чиjу (Ник., Тарб.).

маjej. Употребляются и формы съ *о*: маjоj, сваjоj, брата маjова (Н. Заг.), маwо братана (Ник.), сваwо (Н. Заг.). брату сваму, па тваму (по твоему Н. Заг.). w сваим агороди (Н. Заг.).—*им* оканчиваетъ форму мѣстн. ед. для этого и для другихъ мѣстоименій въ говорахъ «сибиряковъ». у wсем Хараузи (Хар.), wс'оj (Мухорш., Н. Заг.).

ихнъj, -аjа (Н. Заг., Ник.). ихъj, -аjа (Хар.). Въ жен. р. и -иха: иха жыс', иха мижа. Такое же образ. представляютъ и великор. говоры Сиб. (ихоj, ихноj иха, ихна). на какэj wулицы (Хар.), какэj, такэj (Кун.). w каким мести (Хар., Кун., Хонх.). таких —ыми. адно пол'а, другоjа пол'а (Мухорш.). аднэj—род.—дат.—мѣстн. (Н. Заг., Кун., Хар.)

ни·днэj кражы (Н. Заг.). w аднем (Н. Заг., Ханх., Кун., Тарб.. Мухорш.). w адним (Мухорш., Н. Заг.). адны (Ник.), адне Мухорш.), адных Ник.).

обе (Кун., Хар., Н. Заг.). абои (Ник., Хар.). Различія категорій рода не отражается.

другэj (Ник., Хонх.), w другим (Н. Заг.)

н'ахто=никто (Тарб., па какоj-небут' цаны (Н. Заг.).

двуми. Въ сборн. старца Давыда: двуми главами; трема перстами.

Прилагательныя. Вь отношеніи основъ: зараз'-он: зараз'онъj (Ник.). просо:—просываjа крупа (пшено. Хонх.). кур-ин-jа: курин'н'а слипата Мухорш.). брет- (вм. брит-: сын забретъj Н Заг.; твердый согл. въ основахъ: позноj -аjа, здешнъj, асеннъj, переднаjа, прежнаjа. Въ такомъ же образованіи съ твердымъ согл. эти прилагательныя представляютъ великор. говоры Сибири (отмѣчено -поздоj).

Окончанія. Семейщинѣ свойственны нестяженныя сочетанія: краснаj пагода, плахоjа лета, краснаjа лета... Но въ Тарб. часто, въ Куналеѣ и Мухорш. рѣже употребляются и формы со сгяженными окончаніями, несомнѣнно перенятыми отъ «сибиряковъ». Только -в'ошна, в'ошны, -у: в'ошну пахали - не только въ Мухоршиб., но и въ Н. Заганѣ; въ Харауз.ѣ и Никольскомъ—в'ошнуjу пахат'- окончаніе род.—дат.—мѣстн ед. ж. подъ удареніемъ—еj съ предшествующимъ твердымъ соглас·нымъ—у бал'шэj цэркви. на чужэj стараны, худэj... Окончаніе мѣстн. ед. муж. и ср.—*им*,—*ым*, какъ и въ великор. говорахъ Сибири: у земским, Игнатывым, на прастым, у конишним. То же окончаніе было и въ говорѣ старца Давыда:—вовторымъ мѣсте, на кислымъ хлѣбѣ на которымъ, во отпаденіи своимъ (сборн XLV. 1797) Окончаніе имен. множ обычно *ыи*, *ии*: худыи, сл'апыи, чижолыи, дарагіи; jета wот барскии пашни пашли. Въ Ник. отмѣчены окончанія *ыи*, *ыjа*. Въ сборн. старца Давыда: малыи рибяты.

Родъ. jетат пис'мо, адин пис'мо, другоj пис'мо (въ рѣчи бабъ. Н. Заг.) адин сушыла продали (Хар.) залеза какаjа (а не—какоjа-) jес'т'? (Хонх.).

Изрѣдка встрѣчаются членныя формы именъ существ. на -*ът*, -*та*, -*ти*.

Глаголъ. Основы Съ основами инфинитивовъ на *е*: гаварет' (гаварели...), кричет' кричела.), растет', стучет'. Такъ и въ великор. говорахъ Сибири. Основа на -*и*:—гонит'-: гонит' кони. стрелит' (-выстрѣлить). Основа на -jа: купл ат' Основа наст вр. перенесена въ основу инфинитива: .забрет (забрели. забрет..), бл'уват' (бл увал..), с'ас'[т'], с'ал... (Хонх., Тарб. Это заимствованіе общераспространеннаго въ Сибири образованія; держится и свое: *сел*. Обобщеніе соглас. *к*, *г* въ основахъ наст. вр на *е-о*: т'ак'от, тк'от', жг'от'. Но—можут' Обобщеніе вида основы съ гласнымъ тематическимъ *и* въ jезди-: jездиит', jездиjут'. Въ основу наст вр перенесена основа инф.: паjут'. Въ употребленіи образованія съ основой *име*: имет (беретъ; ср. и основы въ заjмуимс'а— и др. Въ основахъ наст. вр. на -*и* форма 1 ед. имѣетъ основу съ тѣмъ же согласнымъ передъ окончаніемъ, какой является въ прочихъ формахъ: малат'у плат'у wскип'ат у, прихфат'у суд'у, пасад у, кас у и кос'у и кашу (отъ лица. говорившаго—малат'у-), карм у, куп'у, сп'у.

Окончаніе 3 ед и мн. наст вр —*т'* Такое же окончаніе имѣли эти формы и въ говорѣ старца Давыда (сборн. XLV 1797). Но въ с. с. Тарбагатаѣ и Мухоршибири среди прочихъ наносныхъ явленій отражается и черта сибирско-великорусскихъ говоровъ—твердое *т*, хотя и эта черта свойственна рѣчи не всѣхъ старообрядцевъ указанныхъ селъ. Въ говорѣ лицъ употребляющихъ формы на -*т*, представлены и другія сѣв-великорусскія особенности: въ соотвѣтствіи -*ает'*,-*еет'* непремѣнно бу-

детъ сказано—*ат*, -*ет*: знат, дават, умет. При этомъ въ говорѣ одного и того же лица встрѣчаются иногда подъ-рядъ формы съ *т* и *т'*: *знат* и *знаит'* и т. п Изрѣдка попадаются формы на -*т* въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ и въ другихъ селахъ. Форма безъ *т'*: *можа* (= «можетъ быть»). Гласный передъ -*т'*, какъ и въ другихъ формахъ, проведенъ *'о* вм. *е*:—жив'от, н ас от' . Но въ Н. Заганѣ отъ одной бабы слышалъ: жывет', въ Куналеѣ: сабиресси. Имѣя въ виду послѣдніе примѣры и общій характеръ семейщины, до ея пропитыванія чертами сибирско-великорусскихъ говоровъ,—семейщины, какъ говора южно-великорусскаго, съ вѣроятностью можно полагать, что *'о* вм. *е* получилось въ связи съ такимъ же гласнымъ въ великорусскихъ говорахъ Сибири Гласный въ ф. 3 мн. въ неударенномъ конечномъ слогѣ – *у*: гавор ут', воз'ут', сход утца, вид ут'... Такъ и въ сборн. старца Давыда.

Въ Тарбаг. въ употребленіи инфинитивы на *чи* съ предшествующимъ согласнымъ основы перенесеннымъ отъ основы наст. вр. (*к*, *г*): берекчи стерекчи памакчи. Такое образ. инфинитива широко распространено по великорусскимъ говорамъ Сибири,—съ запада до далекихъ окраинъ сѣв.-востока: текчи, лекчи, берекчи, запрекчи, бѣкчи, жекчи, стрикчи помокчи, волокчи, пекчи и др Ср. также согласный *к*, а не *х*, въ этихъ сочетаніяхъ, употребляемыхъ тарбагатайскими старообрядцами. Ясно, что и въ этой чертѣ тарбагатайскіе семейскіе пошли за «сибиряками». Въ Куналеѣ также отмѣчено такое образованіе инфинитива, но со своимъ согласнымъ передъ -*чи*: памахчи. Въ Тарбагатаѣ представлены инфинитивы на -*ти*, которымъ распространено прежнее сочетаніе инфинитивной формы на *ч*: памачти, слечти. Встрѣчаются инфинитивы на -*сти*: припасти, запасти Мухорш). Но обычно с'т' → с': атвес'. wпас' Н. Заг. Кун). Несомнѣнно, отъ «сибиряковъ» позаимствовали семейскіе инфинитивъ wз'ас'[т'], отмѣченный во всѣхъ селахъ. Но въ Ник. и Тарб. отмѣтилъ и прежній: wз'ат'. Для объясненія wз'ас'[т'] укажемъ что по всѣмъ великорусскимъ говорамъ Сибири сохранено въ формѣ инфинитива сочетаніе -с'ти или с'[т']: с аети, класти, jис', по пасти, кл'асти... Въ великорусскихъ говорахъ Сибири это-*сти* или *с'*[*т'*], какъ инфинитивное окончаніе, вытѣснило собою старое окончаніе *ти* послѣ гласнаго корня: вз'асти или вз ас'[т'], достасти, добысти, убисти, дасти, брасти и др. Во всѣхъ селахъ семейскихъ говорятъ jис'[т'] (ѣсть). Какъ гласный *и* свидѣтельствуетъ, этотъ инфинитивъ взятъ отъ «сибиряковъ».

По всей семейщинѣ употребляются неизмѣняемыя формы причастій (дѣепричастій), въ значеніи сказуемаго: она была устамшы. jон испужамшы. jета усо было закипемшы (покрыто льдомъ). Н'авэска адбимшы (отбилась. Хонх.). атец ум'оршы. нашата канава засрамшы (засорилась. Тарбагатай). хлѣб wз'амшы. кон' атцэда уз'амшы. пришотчи с плену (пришелъ изъ плѣна). брат уехатчи. Эти причастныя формы употребляются и какъ нарѣчія: кур'ут' кратчи. воспу прививала кратчи. што натселис' р'авемшы? Въ семейщинѣ встрѣчается нерѣдко въ качествѣ нарѣчія и такое образованіе: патхад'ава или—патхад'ашша въ знач. «хорошо», «какъ слѣдуетъ». Послѣднее образованіе употребляется въ разныхъ мѣстностяхъ и у «сибиряковъ»: потход'ашшо или—потход'а. «Какъ у васъ?»—Потход'ашшо (или—потход'а-). Также повсемѣстно, отъ Западной Сибири до Анадыри, въ ходу и нарѣчіе «кратчи». Впрочемъ, у семейскихъ это образованіе могло быть принесено ихъ дѣдами изъ Европы: у ихъ сородичей на Вѣткѣ и въ Добруджѣ также извѣстно оно. И причастіе, въ значеніи сказуемаго, употребительное и въ говорахъ нестарообрядцевъ, представляетъ собою европейское наслѣдство. Какъ нарѣчіе, употребляется «згад'а»: н'амнога згад'а.

Въ глаголахъ на -ся представлено въ концѣ *с'а* и *си*. Въ сборникѣ старца Да-

выда встрѣчается и *сы*: здѣлалсы, осталсы, наоучалсыбы, оужаснулсы.

Нарѣчія, союзы, частицы. кагда, -ы, тагда, -ы, каjда, таjда, кавда, тавда, када, тала (см. выше). тажно (тогда, потомъ). ап'ат' и апет', лани, ланис', утре, заwтр'а, wчара, wчарас'ка, седни, нон'ча и нын'ча. напрок (на тотъ годъ). позда. тапер', тапер'а, таперича; рѣже т'апер', типерича (между прочимъ отъ древняго старика). де, аде, иде, де-нибут' (см. выше), назаде, позаде (позади). назат' (назадъ), тутака, тамака, нима (см выше. кола. аткэл' или аткел' и аткыл', аткул', аткэдыва, аттэл', аттэл'ва, аттыл', аттэда, аттыдыва, атцел', атцеда. пакэл'. куды. суды. скрос'. асоп' и асоб'а. акром'а. скол' -л'ка, -л'ки, -л'ка или скока. стол'. тол'ки, -'а. тока. ишо. пашто и пошта (почему). такм'а. втун'. пачес' (почти). дишна. шыпка (очень). браwа (агурцы растут' браwа и т. п.) пушша. наjпаче. заwс'а-ка-проста. нахратам (нахрапомъ), на-хфарт (на-хфарт итит'—наудачу итти). аднака (вѣроятно). бытта (безъ особаго значенія; напр.: -jета бытта бат'ка моj—и т. п.). ал'а и ал' (или), ал'ба (или). хуш (хотя), jежели, jежли, jесли, jели jезели, jез'ли. кыли (кыли w гости—пагасти w нас). эва и—эвана (указат.: вонъ, вонъ тамъ) ну! (въ знач. утвердительномъ: «да!»). Баба на улицѣ колотитъ дѣвчонку. Дѣвчонка вопіетъ:.. Аj - wаj, н'абуду! (Хонх.) Частица ка: тама-ка. тута-ка, нету-ка, паjду-ка... На многихъ изъ этихъ нарѣчій, союзовъ и частицъ также отражается вліяніе сибирско великорусскихъ говоровъ: апет', напрок тажно, назаде, назат', нима, пачес, за-вс ака проста на хфарт, аднака бытта, ну! (да!) частица—ка.

Изъ семейскаго синтаксиса можемъ отмѣтить только немногое. Форма вин. мн. *кони* употребляется въ значеніи дополненія: нашы кони wгнат'. кони wгнали. пасти кони. пускат' кони. ни видал маих кони? па кони в'алит' итит. При сочетаніи съ «2» обычная великорусская форма на—а: два кон'а. Но -п'ат' кони, многа кони. Ср. и въ говорахъ Сибири: у ково *кони* нѣтъ (Нижнеудинск. уѣздъ).

Форма -ската- употребляется въ значеніи прямого дополненія: -кармит' ската, wз'ат' [wз'ас'т'] ската —Такъ и въ говорахъ Сибири (на востокѣ).

Мѣстоимѣніе -каwо- имѣетъ значеніе «кого» и «чего» («что»). каwо зделаиш? д'адин'ка, каwо н'ас'ош? каwо работат'? каwо w мине jес' (что у меня есть?). wон н'а знаит' каwо мы jадим. -каво ты дѣлаш -и въ говорахъ Сибири.

Въ сборникѣ старца Давыда (XLV. 1797), при передачѣ дополненія съ предлогомъ, предлогъ употребляется передъ именемъ и передъ относящимся къ существительному прилагательнымъ и мѣстоименіемъ. «къ рымскому къ заблуждѣнію, къ проклятымъ ихъ къ ересямъ и къ поганымъ ихъ обычаимъ. отидетъ со всеми со своими со служащими со слугами и придотечими. прибылъ во благочестіи, во христовои въ вѣри, выстиннымъ въ пути и др.

Удареніе. Существ. туча, чишша (чаща), дачка (дочка), пара, 2 пары (пара лошадей, 2 пары; такъ и у сибиряковъ), дума (дума, мысль), ван'ка (вонь), санки (—и у сибиряковъ), пакасники, на гару, платину прудит'. Въ сборникѣ старца Давыда: слуги, три перста.

Прилагат. дишавоj (—на этомъ слогѣ удареніе и у сибиряковъ), атец роднаj, мат' раднаjа, наwоj, наwоj рас (—о- въ этомъ словѣ и у сибиряковъ).

Мѣстоим. тому.

Глаголъ. гавориш, -т', гавор'ут', гаворили; прудит', работат', робит, паложыт' (на -ло- удареніе и у сибиряковъ), пакастит' (на -ти- и у сибиряковъ) павернит', пасли, припасла, -ли, wз'али, прадали, жыли, было, были,. Въ трехъ послѣднихъ случаяхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ отмѣчено и въ великорусскихъ говорахъ Сибири. Но удареніе въ указанныхъ формахъ (въ частности въ -было-, -были-)

представлено было и въ говорѣ старца Давыда. Съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ эти формы употребляются и старообрядцами Добруджи. Въ говорѣ старца Давыда удареніе на послѣднемъ слогѣ имѣла и форма 2 л. наст. для нѣкоторыхъ глаголовъ: творите (2 раза на одной стран., 3 ей).

Лексика. *а*: ал'ба (или). аламус (высохшія мѣста въ полѣ). аргал'ник (растеніе вродѣ «шипишки»,—что растетъ по «аргалу», т. е. по сухому навозу, кизяку). бич (кнутъ). бол'ки (нарывы). батвин'н'а (квасъ изъ поджаренныхъ отрубей). бравъј (хорошій),—бравъј сарахфан; брава (хорошо). братка! (обращеніе къ брату). брехат' (врать). брихна. бричка. бруква (брюква). бул'ба (картофель). бурун (теленокъ на 2 ой годъ). бутун (озимый лукъ). *в*: верва (веревки) вершна (верховой, ѣдущій верхомъ). винник (виновный). ван'ка (вонь), вон'кіј (вонючій). *г*: гл'анитца (нравится). гнат' злобу (злобствовать). гној (навозъ). гнус (насѣкомыя). ганошит', -с'а (готовить, ся). гарабеј (воробей). итит' на горло (итти на проломъ). на грутки лес'т' (силою итти). галупки гуркујут'. гухај (свинья). *д*: дастат' начал'ника. диваха (дѣвушка). дума (мысль, дума). *ж*: жопа (кромѣ обычнаго значенія имѣетъ значеніе вообще з а д а ч.-н.; старушка указывая мнѣ на обгорѣлую заднюю часть избы говоритъ: «эвона, жопа абгарела»). журавец (журавль у колодца). *з*: забит', забит' да смерти, забил бы и о и бросил. загадат' (позвать, оповѣстить, заказать),—загадат' на схот загадат падводу. закипит' илдом (затянется льдомъ), јега ус'о было закипемши (покрыто льдомъ). запан (фартукъ). заплот (заборъ). зарит' (разорять). застин' сел у застин' (въ тѣнь). з'ал'онка или атава зимав'јо. *и*: иставъј (настоящій). ичиги (видъ сапоговъ) ј: јавку дават' (показаніе давать). јаловка (яловая земля), јеман (козелъ). *к*: каз'онка (кладовая). казнит' съ преф *с*-: сказнит', тибе сказн'у. калтус (увалъ съ болотомъ). капејки (вообще деньги, такъ и у алтайскихъ «поляковъ»—старообрядцевъ). кардон или јетап (арестантская). карандус (тарантасъ). клат' (скирдъ). карагот вод'ут', ковал'. каласник, каласница (сарай для колоса, соломы). кургашки (ягнята, вино кур'ут'. курма (одежа, см выше). кучери (см. выше). *л*: лебеда—либида. леденик (ледникъ, куда кладутъ покойниковъ, подлежащихъ осмотру вскрытію). лемех литовка (коса). ладон (токъ). ланчак (годовалый жеребенокъ). *м*: мат'угом стругатца (по-матерному изругаться). манатила (цѣпъ). морак, марака ход'ут' (дождевыя облака ходятъ). мыт—по-нашыму дрисн'а, мутырна (затруднительно). *н*: наз'ом. хлеп стаит' у народах. итит' натурај (силой). навој (иной). насул'ка (деревянный четыреугольникъ на мордѣ у теленка, чтобы не сосалъ коровы). халат на растапашку. настругат' (подговорить, натравить). на шшэт (на-счетъ). *о*: обжа или аглобл'а (по мѣстностямъ; первое напр. въ Куналеѣ, а второе въ Тарбагатаѣ). абиждат' (обижать). абр'ат (нарядъ). дочка д'аг'ми ансадилас'. арала (соха съ однимъ сошникомъ). атворка (форточка). в-аткрытку кур'ут' (открыто курятъ). *п*: падушка (падина). на маих пам'ат'ах. паут. перс[т], персты. пил'насти (заботы). пихтар' (пихтовыя деревья). пл'атен'. песни п'ајут',—р'авут'. подморнаја зимл'а (черная, сильно высыхающая почва). пабирушка (нищій). павеки (подволока). памачка (дождемъ). пасел' (выселокъ), паскотина. пасекли паскотину (подрубили поскотину). 25 пасудин хлеба. патужнаја вада (сильная вода), патуга ат-ыл'да. пахфалка пр'асла. пригон (скотный дворъ). прималотнъј хлеп. л'от преит' (таетъ). правалаводит' (провозиться). карова прапала (издохла) просываја крупа (пшено). простој (пустой незанятый). прахалоднъј (прохладный) карова прачин'аит' (починаетъ). *р*: рачен'е. р'авут' песни. ритават', р'атујт'а, атец думал сына атритават' у бур'ата, паритават' (помочь). рагалы—долгаја т'алега. халат на-растапашку. рыпат' (куражиться). *с*: с'астринец. сејанки (ночвы). сес'[т] на-жопу (приподняться изъ лежачаго поло-

женія'. сидет' самагонку (гнать самогонку). итит' на-силок (силою). син'авицы (синяки). слых (слухъ). см'аротнаја јаму пригатовили. сопка (оголенный крутой холмъ'. ст'ах (шестъ). карова стел'на. стин' (тѣнь). стукатолк (стукъ). суслон (куча въ 10 сноповъ'. да сутерпу (пока можно терпѣть). *т*: тавро (печать со знакомъ, которой мѣтятъ лошадь). талина (тальникъ). тварит' (дѣлать). талмачит' (о ребенкѣ, начинающемъ говорить). т'анигус (подъемъ въ гору). трет'т'ак (жеребенокъ на 3-ій годъ). трапит', трафит', трафилас'. наша сила у тук нејд'от'. турит' (гнаться). д'авч'онка захфарала, турусит', кричит'. туесок. тын. *у*: жупуут (уповодъ). урнак (варнакъ). усвидат', усв'ал (увядать, увялъ). *ф,х*: хфурманка, хурман (видъ повозки). хмарит',— а дажжа нету. жутрам хмарна было. на-хратам брат' (нахрапомъ брать). хфарт (удача), на-хфарт итит'. хрушкъј (крупный). *ц*: цапн'ак (ведро у колодца для черпанья). *ч*: чај чајлонскъј. чичаснаја врем'а (настоящее время). *щ*: шшып'аткој (красивый).

И въ словарномъ составѣ отражаются два діалектическихъ пласта: 1) южновеликорусскій, съ нѣкоторой примѣсью заимствованій, сдѣланныхъ на юго-западѣ [1]), и 2) сибирскій, сѣверно-великорусскій. 1) Напр.: брехат', бул'ба, гарабеј, забит', кучери, гној (навозъ), плетен', патужнъј, ритават', трапит', хмарна, нахратам и нѣкоторыя другія. (Объ ал'ба, пил'насти... см. ниже). 2) Въ словарномъ отношеніи говоры Сибири обобщаются съ говорами сѣв.-востока европейской Россіи: Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Пермской, Вятской г.г. Кромѣ того, въ теченіе жизни въ Сибири они развили нѣсколько своихъ образованій и заимствовали рядъ словъ отъ другихъ языковъ Сибири. Семейскіе позаимствовали отъ «сибиряковъ» и многое въ отношеніи словаря. Напр.: бутун, ганошыт', -с'а, гнус, диваха, заплот, ичиги, калтус, карандус, литовка, паут, падморнаја зимл'а, сопка, стин, т'анигус, туесок, упуут (уповодъ), шыпишка, хфарт и др. Въ Забайкальѣ же позаимствовали семейскіе рядъ б у р я т с к и х ъ или м о н г о л о - б у р я т с к и х ъ словъ. Это позаимствованіе сдѣлано было непосредственно отъ бурятъ, вслѣдствіе своихъ связей съ ними съ первыхъ же лѣтъ поселенія въ Забайкальѣ. Но нѣкоторыя изъ этихъ словъ могли перейти къ семейскимъ и при посредствѣ «сибиряковъ». аргал, аргал'ник (бур. арґhал), бурун (бур. буру; халхасско-монг. біру), гухај (бур. гахаі, гахā—съ долгимъ ā), јеман (бур. јаман, халх.-монг. іман), кургашки (хори-бур. хур'игhан, халх.-монг. и селенг. хуріг или хуригhа), курма (халх.-монг. и южно.-монг. курме, курем, хурме хурем, хори-бур. хурмо, -е—съ *у* ближе къ среднему или переднему ряду). Одинаково съ «сибиряками» семейскіе зовутъ бурята «брацкимъ», а бурятку «брачоҳой» (брачоха), въ почтительно-дружественномъ обращеніи къ буряту они называютъ его «тала», «талаша» (бур. тhала—пріятель).

---

[1]) Такого же происхожденія словарныя заимствованія находятся и въ языкѣ старообрядцевъ—«поляковъ» на Алтаѣ, въ Владимирской и Риддерской волостяхъ Змѣиногорскаго округа: т р е б а, х и б а, п о д и в и т ь с я (посмотрѣть) и др. Также одна заимствованная пѣсенка съ чертами языка тѣхъ, отъ кого она была перенята, указываетъ на юго-западъ европейской Россіи:

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ
Призащуривъ очи—
Такъ и видно, что онъ, бѣдный,
Варениковъ хоче.
Хотѣлъ бѣдный москалекъ,
Сталъ женку пытати:
Хозяюшка, голубушка,
Свари мнѣ ѝнъ-то, чу...
—Что, чего тебѣ зварити?..

Пошелъ москаль зъ хаты,
Съ голоду сердитый
Подбѣгаетъ ко ученью,
Сталь [illegible]ти.
Біютъ, бiютъ москалюку
Вину вспоминаютъ...
(«Записки Зап.-Сиб. Отд.
Р. Г. Об-ва», кн. XXVI, 28, 56-57).

Заимствованія изъ языка общерусскаго, «образованныхъ» классовъ: астрицкъј —братъ убит на стрицкам хронт'ä. згарнизавались' (сорганизовались). л'аригија (религія), лебизацыја и билизацыја (мобилизація). жэнскъј полк. распублика,—пар'атку нету. адна распублика; и нас пашла такаја распублика! (у липованъ Добруджи болѣе подходящее турецкое слово—калабалык). сур'јос, стали сур'јозничат' (ссориться). начал'ства шшалит' (чтить, уважать).

Отвѣтить на вопросъ, съ какими русскими говорами семейщина издавна составляла одно языковое цѣлое, затруднительно, вслѣдствіе многихъ діалектическихъ наслоеній, отразившихся на семейщинѣ не только здѣсь, въ Сибири, но и тамъ, въ Европѣ. Легче опредѣлить ту область, гдѣ нѣкоторое время жили предки семейскихъ до переселенія въ Сибирь. Эта область—сѣверная часть Черниговской губ.—Стародубье, или сосѣдній край Могилевской губ.—Вѣтка. Тѣ старообрядцы, которые живутъ и по сіе время тамъ, представляютъ въ своемъ говорѣ всѣ главныя черты, одинаковыя съ говоромъ забайкальскихъ старообрядцевъ, если отвлечь отъ говора послѣднихъ сибирскія наслоенія. Вотъ нѣсколько чертъ говора старообрядцевъ, живущихъ на Вѣткѣ[1]). 1) Аканье и яканье такое же, какъ у забайкальцевъ. 2) Длительный согласный *г* или h; съ такимъ же *г* «карагод». 3) Употребленіе совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ у забайкальцевъ, неслогового *у*, чередующагося иногда со слоговымъ *у*. 4 *хв* (*хф*?). хвороба... 5) *о*—>*у*: богуродица, гусподь, винувата. 6) Въ формахъ именъ: дат. ед. жен. на *-ы* съ удареніемъ (козы); родит. муж. на *-у* (съ дому, удоль карагоду, хмелю). 7) Въ формахъ мѣстоименій и прилагат.: для мѣстнаго муж. ед. окончаніе *ым*, *им* (въ високимъ терему); оконч. *-во* (*-ва*) для род.-вин. ед. м. и ср. (ево, тваво, сваво...); мине, тибе, сибе; сложныя формы «этый» (этъј), [тъј]; съ гласнымъ *и* мѣстоим. «чія». 8) Въ глагольныхъ основахъ: *плювать*, *пздиють*, кричеть: «Въ Маши сердце не стерпѣло, громкимъ голосомъ кричала» (ср. риөму въ произношеніи: *ела*: стерпела—кричала). 9) Окончаніе *т'* въ 3 ед. и мн. наст. вр. 10) Причастныя формы въ значеніи сказуемаго («самоваръ закипѣвши»). 11) Предлогъ *с* (*з*) вм. *из* («съ дому»). 12) Удареніе: работать. 13) Изъ словаря: матка, батька, бравъј («дявчоночку бравую, бѣлую румяную»).

Какъ на семейщинѣ отразилось вліяніе Сибири, такъ и на говоры оставшихся ихъ собратій на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ продолжали воздѣйствовать говоры тамошнихъ давнихъ поселенцевъ—носителей бѣлорусскаго нарѣчія, смѣшаннаго съ малорусскимъ и слабѣе съ южно-великорусскимъ[2]). Ср. изъ словаря вѣтковскихъ старообрядцевъ: жинка, коханочка, личши (лучше), було, чи (чи жива твая семья?), попытайте (спросите). Лексическія данныя семейскихъ свидѣтельствуютъ также, что предки этихъ старообрядцевъ жили въ Западномъ краѣ, гдѣ былъ силенъ культурный элементъ польскій, отразившійся на лексикѣ тамошнихъ русскихъ (бѣлоруссовъ). Кое-что изъ этихъ заимствованій переняли и предки семейскихъ. Словарь семейскихъ сохраняетъ воспоминаніе объ этомъ. Ср. такія слова, употребляемыя и въ настоящее время семейскими: ал'ба (или), пил'насти,—передачу польскаго król въ игрѣ: ко'рул', ко'рул'а; забит', загадат' (заказывать, созывать), *з* вм. *из*. Можетъ быть, по западному семейскіе называютъ кузнеца «ковал'». Впрочемъ то же слово

[1]) Пользуемся замѣчаніями и записями, сообщенными И. С. Абрамовымъ въ «Живой Старинѣ» 1907 г., в. III. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія очень скудны а записи малоудовлетворительны.

[2]) Объ этихъ говорахъ см. въ «Изв. Отд. рус. яз и слов. И. Ак. Наукъ», 1910 г., т. XV, кн. 1 и матеріалы въ «Жив. Старинѣ», 1901 г., XI, вв. II—IV («Литвино-Бѣлоруссы Черниг. г.» М. Н. Косичъ), а также записи въ «Варшав. Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1914 г., IX.

ни съ удареніемъ на первомъ слогѣ) употребляется и на сѣверѣ Россіи, напр., въ Кадниковскомъ у. Вологод. г. [1]). Съ запада, вѣроятно, вынесли семейскіе «бричку» («брычку»), «хфурманку» и тамъ же научились называть сумрачную погоду «хмарной», дождевыя облака — «хмарой» (имѣется и сѣв.-великорусское названіе—«марака»).

По вопросу о томъ, изъ какой области предки семейскихъ переселились въ область Польши или къ рубежу ея, укажемъ прежде всего на ближайшее отношеніе говора семейскихъ къ говору старообрядцевъ — липованъ, живущихъ въ румынской Добруджѣ въ округѣ Тульчи. О выходѣ своихъ предковъ изъ «Польши» и эти старообрядцы какъ и забайкальцы, еще помнятъ [2]). Предки и семейскихъ и липованъ принадлежали къ одной діалектической группѣ—*южно-великорусской*. Въ мѣстахъ новаго жительства въ послѣдующее время они восприняли рядъ чертъ другихъ русскихъ діалектовъ: семейскіе отъ сибиряковъ — сѣв.-великоруссовъ или средне-великоруссовъ, а липоване отъ малоруссовъ (напр.: твердое *ч*, *ыр* въ «кырчма», какъ на южной окраинѣ Галиціи; шукаемъ чуете, гарманъ-токъ). Кромѣ указаннаго наслоенія, въ говорахъ этихъ разобщенныхъ старообрядцевъ отразилось вліяніе иноязычное, не славянское: въ Забайкальѣ монголо-бурятское (ср. вышеуказанныя слова), въ Добруджѣ 1) румынское и 2) турецкое; ср., напр., слова, вошедшія въ рѣчь липованъ: 1) амендъ (штрафъ), амендуить (3 ед.), либеръ (свободный), перчепторъ (сборщикъ податей), прехфектъ: 2) бакшишъ (взятка), дескире — пашпортъ по ихнему [по турецкому], ехвендій (господинъ), каймаканъ (вм. «каймакам»—уѣздный начальникъ), калабалыкъ (безпорядокъ): «у насъ такой калабалыкъ пойдетъ — не дай Богъ» (—у семейскихъ, какъ и у «сибиряковъ», для этого служитъ «распублика»); марафетъ (милость).—Рядъ общихъ чертъ въ говорахъ семейскихъ и липованъ въ звукахъ и формахъ отмѣченъ выше, при описаніи говора семейскихъ. Ср. слѣдующія явленія: 1) Одинаковыя замѣны неударенныхъ *а*, *о*, *е*. 2) Неслоговое *у*, чередующееся съ слоговымъ *у*, употребляется въ тѣхъ же условіяхъ, какъ у семейскихъ; неслоговое *у* и вм. начальнаго неудареннаго *у* 3) *хв* вм. *ф* ехвендій, прехвектъ). 4) *у* въ окончаніи родит. ед. (пелену, Дунаю, аменду; *ов* въ оконч. формы родит. мн. (дѣловъ). 5) Въ формахъ мѣстоименій: мине, тибе, себе (род. вин.), той, тую, етой (тотъ, ту, этотъ), етые (им. мн.), етыми; оны. 6) Въ глаголахъ *стрѣлилъ*; займуются; *т'* въ ф. 3 ед. и мн. (волокеть, спить, хотять, сманють, пытають; -*'ут'* въ неудар. слогѣ формы 3 мн. (сманють). 7) Нарѣчія: идѣ, игдѣ; умирали дюже, *шыбко*; скачутъ(ь) по степѣ двоé *вершно;* откуль, откеда, скольки, стольки; коло (коло Калаорману). 8) Лексика и удареніе: батька, брешите (врете), хмара, астрицкіе,было и др.

Липоване Добруджи помнять и о томъ, что предки нѣкоторыхъ изъ нихъ переселились въ Добруджу съ Дона. До сихъ поръ еще держится тамъ, хотя и не сильный, «некрасовскій корень». Мѣры Петра Великаго по отношенію къ старообрядцамъ взволновали и донскихъ казаковъ. Къ тому же экономическія тяготы этого времени также безпокоили донцовъ [3]). И «тихій» Донъ возмутился. Подъ предводительствомъ

[1]) «Живая Старина» XIII, в. 1—2, стр. 199.

[2]) «Мы давно изъ Расеи выбѣжали, изъ Стародубья. Дѣдушка мой, покойникъ, еще живъ былъ». В. Г. Короленко. IV, 258.

[3]) Настроеніе донского казачества такимъ образомъ выражено было въ посланіи Кондратія Булавина къ старшинамъ кубанскихъ казаковъ: «А если царь нашъ не станетъ жаловать, какъ жаловалъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ и прадѣдовъ, или станетъ намъ на рѣкѣ какое утѣсненіе чинить и мы войскомъ отъ него отложимся.. и потому мы отъ своего Государя отложимся, что нашу вѣру христіанскую въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ нынѣ отнимаетъ бороды и усы, также и тайные уды у женъ и дѣтей насильно брѣютъ» («Рус. Старина», 1870 г., іюль, 7).

Некрасова часть возставшихъ казаковъ ушла въ 1708 г. на Кубань и отдалась въ крымское подданство. Позднѣе, по взятіи русскими Анапы, **некрасовцы** переселились въ Турцію, къ устью Дуная.

Съ Дономъ были связи и у семейскихъ до переселенія въ Сибирь и послѣ водворенія въ Забайкальѣ. Въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Стародубьѣ и около Вѣтки, откуда вышли «дѣды» семейскихъ, жило много старообрядцевъ,—выходцевъ съ Дона. Имѣется, напр., указаніе, что въ началѣ XVIII-го в. около Вѣтки находилась слобода изъ 65 старообрядческихъ дворовъ донскихъ казаковъ[1]). Когда старообрядцы поселились въ Забайкальѣ, среди нихъ дѣйствовалъ книжный человѣкъ Петръ Буровъ, «бывшій казакъ Пятиизбянской станицы» (II-го Донского округа, на правомъ берегу Дона): см. выше стр. 22 Эти связи не ограничивались только общностью «древляго православія»: онѣ простирались и на общность **діалектическую**. Въ говорахъ старообрядцевъ Забайкалья и Добруджи представлены тѣ же южновеликорусскія черты, что и въ говорахъ населенія вдоль тихаго Дона, въ его верхнемъ и среднемъ бассейнахъ (—въ нижнемъ уже значительно отражается элементъ малорусскій, а отчасти и иноязычный,—греческій). 1) Длительный согласный *г* или *h* вм. взрывного *г*; длительный задненебный согл. и въ словѣ—горобецъ. 2) То же аканье и яканье. 3) Употребленіе въ одинаковыхъ условіяхъ неслогового *у* въ томъ числѣ и вм. неударенная начальнаго *у*. 4) *-ка, -ку* послѣ мягкаго согласнаго, при рѣдкомъ *-к'а, -к'у*. 5) *хв* (*хф*?), *х*. 6) Обобщеніе основъ съ *о* вм. *ъ* (роту..). 7) Окончаніе *е* въ ф. род. ед. ж. р. (при *и*?): у сестрѣ у Аннѣ. *е* въ формахъ: на степѣ, по грязѣ, въ грязѣ. У низовыхъ казаковъ *степ* и *дроб* (*п*) въ мѣстн. пад. передаются и съ оконч. *у*: на степу, на дробу. Такъ и въ Добруджѣ: на степу, на степѣ. Съ такимъ же гласнымъ (*е*) и нарѣчія: сзадѣ, позадѣ. Окончаніе *-ов, -ев* въ ф. род. мн. не только мужск. и ср., но и женск. (кошковъ, игрушковъ, бутылковъ). 8) Окончаніе мѣстоим. и прилагат. въ ф. род. п. м. и ср. р.—*во* (*ва*). Формы мѣстоименій: мене, тебе, себе—род. и вин. (но въ дат.: табе, сабе). яво, яё или её; въ винит. и ею. маво, тваво, сваво. оны. 9) *-ыи, -ии* оканчиваютъ форму им. мн. прилагательныхъ. 10) Глагольныя основы и окончанія: *пъдіють*, *пекёшь*, *ходю*, *крутю*, *просю*, *чистю*; *-ют* въ неуд. окончаніи: ходють; неуд. окончаніе 2 л. мн. *-тя* (пуститя), *ся* и *си* въ глаголахъ на «ся». 11) Причастныя формы на *-мши*. въ знач. сказуемыхъ (наѣмшись, напимшись). 12) Въ нарѣчіяхъ: *ишо* (съ однимъ *ш*, при *ишшо*), *не*- въ—гдѣ-нибудь-, куда-небудь-; -идѣ, скольки, стольки. 13) Въ удареніи: 'говоришь. 14) Тѣ же словарныя заимствованія: хмара, хмарить, коваль. Къ сожалѣнію, скудные матеріалы по говорамъ Донской области (въ «Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ», т. 68) лишаютъ возможности отмѣтить рядъ другихъ важныхъ параллелей.

Представители «древляго православія» въ Забайкальѣ, на Дону, въ Добруджѣ жили раньше, до «никоніанскихъ нововводствъ», въ мѣстностяхъ, близкихъ одна къ другой, входили въ составъ одной этнической и діалектической группы,—**южновеликорусской**,—въ области къ югу отъ Москвы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Тульской, Орловской, Калужской, южной части Рязанской губерній. Сравните діалектологическій матеріалъ изъ этихъ мѣстностей съ данными говоровъ семейскихъ и донскихъ старообрядцевъ въ отношеніи звукового и формальнаго состава, а также лексики. Въ теченіе времени часть этого населенія передвинулась на свободныя земли въ Подоньѣ.

---

[1]) М. И. Лилеевъ. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Кіевъ. 1895. 266.

Если названіе забайкальскихъ старообрядцевъ: «семейскіе» принесли дѣды ихъ изъ Европы и не представляетъ измѣненія другого названія, то оно можетъ указывать на мѣстопроисхожденіе носителей этого имени: изъ мѣстности, имѣвшей отношеніе къ Семи (Сейму; ср. напр., курскія названія Сейма: Семъ, на Сями, за Семъю..). Георгафическія названія отъ «Семи» находятся не только въ областяхъ по близости къ Семи (напр, с. Засемье Тимск. у., Курской г.), но и въ сторонѣ отъ Посемья. Такова слоб. Семейка на правомъ берегу Дона (въ Острогожскомъ у., Воронеж. г.). Но такое происхожденіе своего названія семейскіе забыли и толкуютъ его происходящимъ отъ слова «семья»: «сибиряки» жили въ-одиночку, а ихъ дѣды пришли съ семьями, а потому и прозвались семейскими. Такъ объясняютъ теперь забайкальскіе старообрядцы свое названіе. Такое же толкованіе предлагалъ въ свое время П. А. Ровинскій [1]). Затруднительно согласиться съ такимъ толкованіемъ: ожидалось бы прилагат. «семейные»; суффиксъ же *ск* опредѣляетъ въ данномъ случаѣ отношеніе къ мѣстности, выраженной посредствомъ основы. Но если дѣйствительно отъ «семьи» повелось названіе старообрядцевъ, пришедшихъ въ Забайкалье, то полагаемъ слѣдующее. Сначала они прозваны были здѣсь «семейными». Могу сослаться на указаніе отъ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія, принадлежащее А. Мартосу, если онъ только вѣрно передалъ названіе сторообрядцевъ. «Старообрядцы пришли сюда семьями, водворены семьями и потому сохранили доселѣ имя *«семейныхъ»* [2]). Въ теченіе времени названіе «семейные» замѣнилось названіемъ «семейскіе», съ суф. *ск*, чтобы выразить не семейность ихъ (—ею и «сибиряки» обзавелись), а географическое опредѣленіе, по аналогіи съ другими географическими названіями съ *-ск-*. Такъ можно объяснить возникновеніе названія «семейскіе» вм. «семейные». И такая замѣна, если она дѣйствительно имѣла мѣсто, произошла уже до 1830 года. Декабристъ бар. А. Е. Розенъ, побывавшій вмѣстѣ съ другими декабристами въ этомъ году въ старообрядческихъ селахъ, сообщаетъ между прочимъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «Здѣсь [въ с. Тарбагатаѣ] и на протяженіи пятидесяти верстъ кругомъ живутъ все *семейскіе*» [3]). Нѣсколько ниже Розенъ объясняетъ происхожденіе этого названія: «Имъ позволено было... переселиться въ Сибирь съ женами и дѣтьми, отчего и получили наименованіе Семейныхъ или Семейскихъ». Изъ сообщенія Розена не явствуетъ, чтобы старообрядцевъ тамъ называли «семейными»: это слово употреблено въ запискахъ въ качествѣ поясненія къ слову мѣстному: «семейскіе». А это обстоятельство вызываетъ сомнѣніе въ достовѣрности указанія Мартоса: по всей вѣроятности, онъ употребилъ общерусское прилагательное (семейные) вм. мѣстнаго названія: «семейскіе»—употребилъ въ силу указанной этимологіи [4]).

IV.

Въ предшествующемъ очеркѣ было указано на связь забайкальскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими и стародубскими. Объ этой связи свидѣтельствуютъ и данныя языка, и традиція, и черты быта, и письменность забайкальскихъ старообрядцевъ. О языкѣ говорилось выше. О своемъ переселеніи изъ «Польши» до сихъ

---

[1]) Изв. В. С. О. Р. Г. О. 1872. т. III, № 3, 125.

[2]) Письма о восточной Сибири, Алексѣя Мартоса. М. 1827. 115.

[3]) Курсивъ записокъ. «Отечеств. Записки». 1876 г, № 4, 410—411.

[4]) Впрочемъ, и въ европейской Россіи встрѣчается прилагат. «семейскій» вм «семейный» Такъ въ с. Радомлѣ Московскаго у. («Сборн Отд. рус. яз и слов. И. Ак. Н.» т. 68. стр. 151).

поръ помнятъ семейскіе; только забыли, изъ какихъ именно областей ея. По мѣсту выселенія они назывались раньше «поляками». Такъ называлъ ихъ Палласъ (см. ниже). Подъ этимъ же именемъ они были извѣстны и позднѣе. «Туземцы называютъ ихъ «поляками»,—писалъ декабристъ Якушкинъ[1]). Ихъ сородичи на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ окр., подъ именемъ «поляковъ» извѣстны до сихъ поръ[2]). Полнѣе память о мѣстѣ своего исхода сохранялась въ началѣ прошлаго столѣтія. С. Мартосъ, побывавшій въ Тарбагатаѣ, сообщалъ со словъ старообрядцевъ, что они—«жители Стародуба, Добрянки Гомеля» [3]). Декабристамъ тоже указывали эти старообрядцы на Гомель, а также на Дорогобужъ (Смолен. г.), какъ на области откуда шло переселеніе въ Сибирь [4]). Бытовыми явленіями, своимъ костюмомъ, своими постройками чертами своего характера семейскіе также ближайшіе сородичи стародубскихъ и вѣтковскихъ старообрядцевъ [5]). Въ сохраненіи традиціоннаго костюма забайкальцы оказались тверже своихъ сородичей на западѣ,—въ Черниговской и Могилевской губ Въ послѣднихъ мѣстностяхъ въ большомъ ходу мѣщанскій; городской костюмъ: см. замѣчанія и снимокъ въ IX-мъ т. «Россіи» (стр. 203—205). На этомъ снимкѣ женщины въ такомъ костюмѣ, который въ Забайкальѣ еще не осмѣливаются надѣть; у мужчинъ такой же костюмъ. какъ и въ Забайкальѣ. Парчевые кокошники, богатые сарафаны бархатные съ золотымъ шитьемъ повойники, мѣховыя накидки («жерелки») и другія старинныя одѣянія нашли себѣ пріютъ въ сундукахъ.

Своимъ трудолюбіемъ, рачительностью вѣтковецъ (стародубецъ) и семейскій—родные братья. Не лишне отмѣтить и такую деталь въ характерѣ старообрядцевъ на западѣ, на Вѣткѣ. «Среди населенія Черниговской губ. сложилось мнѣніе о старообрядцахъ (можетъ быть, на основаніи прошлаго), какъ объ опасныхъ, не знающихъ пощады, сосѣдяхъ» [6]). То же самое говорили и говорятъ о семейскихъ. Признаюсь меня прямо-таки терроризовали передъ отъѣздомъ къ семейскимъ неблагопріятными отзывами о нихъ, сообщавшимися мнѣ разными лицами, имѣвшими отношеніе къ этимъ старообрядцамъ. А заботливые чины милиціи въ одномъ селѣ не совѣтовали мнѣ входить въ избы другого села, куда я направлялся; даже днемъ по улицѣ этого села будто бы боятся посторонніе проѣзжать. а берутъ направленіе въ сторону отъ этого опаснаго мѣста. Несомнѣнно, поводы для такой аттестаціи имѣлись. Но повторяю, я находилъ самый радушный пріемъ у семейскихъ. Подозрительность, замкнутость семейскихъ замѣнялась откровенной бесѣдой, какъ скоро они узнавали, что никакой цѣли, направленной къ угнетенію ихъ, у меня не было. И еще, хотя и незначительная, параллель: вопреки писанію, сильная склонность къ удручаю-

---

[1]) Рус. Архивъ. 1870, № 8—9, 1614.

[2]) Объ этихъ старообрядцахъ см въ статьяхъ: М Швецовой: «Поляки» Змѣиногорскаго округа (Зап. Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, кн. XXVI Омскъ 1899); Г. Д. Гребенщикова: «Рѣка Уба и Убинскіе люди» (Алтайскій сборникъ, т XI, Барнаулъ. 1912); А. Новоселова: «Отчетъ о поѣздкѣ на Алтай» (Изв Зап. Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва 1913 г., в 2); его же: «Умирающая старина» (Зап. Семипалат. Подъотд. Зап Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, в X); С. Чудновскаго: «Раскольники на Алтаѣ» (Сѣв. Вѣстникъ, 1890 г, 71—72)

[3]) Письма 114.

[4]) Записки бар. Розена, 411.

[5]) О Вѣткѣ см. сообщенія И. С. Абрамова: «Старообрядцы на Вѣткѣ». (Живая Старина, 1907, в III). О другихъ сторообрядцахъ на западѣ см. нѣкоторыя свѣдѣнія въ IX-мъ т. «Россіи», подъ ред. Семенова, стр. 203—207.

[6]) Абрамовъ. Ibid. 134.

щей ругани. «Необычайно свирѣпую ругань, не употребляемую въ печати», слышалъ И. С. Абрамовъ на Вѣткѣ. Не менѣе свирѣпо сквернословятъ и въ Забайкальѣ.

Рукописныя и печатныя книги забайкальскихъ старообрядцевъ также указывают на связь послѣднихъ съ западомъ. Нѣкоторыя забайкальскія рукописи обнаруживаютъ, что ихъ составители пользовались текстами западно-русскихъ писателей, —текстами съ значительными чертами польскаго языка. Изъ печатныхъ книгъ въ Забайкальѣ имѣлись такія, какія были напечатаны, «друкованы» въ области Польши и юго-западной Россіи. Вотъ, напр, старообрядческій забайкальскій рукописный сборникъ (Ирк. Д. Сем. XLV 1806) со статьями о послѣднихъ дняхъ міра, о пришествіи антихриста о страшномъ судѣ. «Выписано изо многихъ разныхъ книгъ». Тутъ между прочимъ сообщено: «*повапленныя* ризы никому же на пол'зу будутъ. на *цестахъ* плачъ и в домѣхъ плачъ... *цеста* бо путь нарицается» (л. 9). Изъ сборника старца Давыда (Ирк. Д. Сем. XLV 1797): «*пятно* антихристово по полской речи пятно, а по рускому печать, которое слуги его на руцѣ правой и на челѣ своемъ будутъ имѣти». Вотъ еще старообрядческій сборникъ (Ирк. Д. Сем. XLV. 1798). Составитель включилъ въ свою рукопись прямо безъ измѣненія большой важности и глубины отрывокъ «от книги Стефана Зизанія, друкованой в' Вильнѣ в' четверть листа, на осмый артикоулъ бызнанъ вѣры. и о антихристѣ. Сумма всѣхъ знаковъ антихристовыхъ тотъ есть розум, хто маетъ, нехай зрахоуе личбоу звѣря. а бо вѣмъ личба человѣка и личба его есть 666... еще и третіяго смока оуказоует, мовячи, и видѣлемы изъ оустъ смоковых. изъ устъ «звѣрна» и т. д. Въ той же рукописи обличаются «банкеты».—Въ рѣчи старика-татарина въ Н. Заганѣ, родившагося и выросшаго въ этомъ селѣ среди семейскихъ, я отмѣтилъ глаголъ «банкетовать».—Ссылки на книги юго-западныхъ писателей встрѣчаются во многихъ сборникахъ забайкальскихъ старообрядцевъ: на требникъ Петра Могилы, на книги Лазаря Барановича, на «апокалипсисъ польскаго нарѣчія», на Кіевскій «діалогизмъ» и др. Въ числѣ книгъ принесенныхъ съ запада, были и западно-русскія рукописи. Таковъ большой сборникъ (безъ заглав. листа и начала) XVIII в. о к р е с т ѣ (изъ рукоп. Троицкаго монастыря). Этотъ экземпляръ кончается XI ой главой 3-ей книги (л. 176-й). Передъ каждой главой имѣется по нѣскольку риѳмованныхъ стиховъ. Стихи имѣются и въ срединѣ главъ. Вся книга содержитъ бесѣду, которой Христосъ поучаетъ Ставрофѣлю о крестѣ, его видахъ и крестоношеніяхъ, о значеніи ихъ и размышленія. Языкъ сборника представляетъ въ себѣ отраженія говора малорусскаго, имѣющаго *і* вм. *ѣ* *и* вм. *ы* *и*: ср. слѣдующія риѳмы съ *ѣ* и *и*, съ *ы* и *и*.

Да здравствуеши тѣломъ вся хощешъ
носити.
Но ч[ес]ть, часть д[у]ши болшу, разсуждай
имѣти (л. 32 об.).

Аще кто хощет истый оученикъ мой быти.
Отвергся себе, кре[с]т свой да изволитъ
носити (л. 52 об.).

Книги в и л е н с к о й печати не только читаются, но и переписываются въ Забайкальѣ. Ср. ц в ѣ т н и к ъ, переписанный П. Овчинниковымъ (см. выше).

Когда поселились старообрядцы въ Забайкальѣ? По сообщенію иркутскаго лѣтописца въ декабрѣ 1756 г. они добрались до Иркутска. «Сего[1756] года пришли въ Иркутскъ польскіе старообрядцы для поселенія за Байкаломъ. Ихъ сопровождалъ подполковникъ Ивановъ» [1]). «Въ декабрѣ мѣсяцѣ,—записано въ другой лѣтописи—въ разныя числа приведены въ Иркутскъ переведенцы [польскіе?] и за ними подполков

[1]) «Иркутская лѣтопись», съ предисловіемъ, добавленіями и примѣч. И И. Серебренникова Ирк. 1911. 75.

никъ Иванъ Ивановъ, кои изъ Иркутска и отправлены въ Нерчинскъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1757 года, подполковникъ отбылъ въ Тобольскъ» [1]). Инымъ годомъ, болѣе раннимъ опредѣляетъ приходъ семейскихъ въ Забайкалье декабристъ Розенъ Въ с. Десятниковѣ, по пути изъ Читы въ Петровскій заводъ, 1830 г. декабристы встрѣтили «110 ти лѣтняго бодраго старца, который прибылъ сюда въ числѣ первыхъ Семейскихъ изгнанниковъ въ царствованіе имп. Анны Ивановны въ 1733 г. [?]; ему было тогда 30 лѣтъ отроду; онъ хорошо помнилъ обстоятельства дальняго переселенія и первоначальнаго устройства» (Зап. бар. Розена. 413). Но въ этихъ цыфрахъ есть противорѣчіе: если переселеніе было въ 1733 г, то сообщавшему было тогда лѣтъ 12; а если ему было тогда около 30 лѣтъ, то переселеніе происходило позднѣе. Вѣрнѣе, что старикъ припозабылъ годъ переселенія (если это не добавленіе Розена), а не свой возрастъ, и слѣдовательно, это переселеніе относилось къ 50-мъ г.г. XVIII в. Съ этой датой согласуется и Иркутская лѣтопись. Были переселенія старообрядцевъ и въ послѣдующіе годы: въ 1768 и въ 1780[2]). Въ 1765 году было издано распоряженіе объ отсылкѣ въ Сибирь недобровольно возвращающихся изъ Польши и Литвы бѣглецовъ [3]). Часть высланныхъ старообрядцевъ была поселена на Алтаѣ. О пути, пройденномъ «польскими» старообрядцами до Забайкалья, Мартосъ, со словъ, вѣроятно старообрядцевъ, сообщилъ, что «они слѣдовали водою изъ Калуги до Верхотурья и продолжали итти далѣе сухимъ путемъ. Въ Тобольскѣ сформировали изъ нихъ два пѣхотныхъ полка: Томской и Селенгинской; остальныхъ затѣмъ раздѣлили надвое: одна часть поселена по Иртышу, другая за Байкаломъ» [4]). Объ этомъ пути помнили забайкальцы еще въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Съ ихъ словъ С. В. Максимовъ записалъ слѣдующій разсказъ. «Народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (бараки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ пришли уже малыми частями». Перечислено нѣсколько фамилій первыхъ поселенцевъ существующихъ и понынѣ, но съ увеличившимся разъ въ 25 количествомъ членовъ ихъ[5]). О водвореніи семейскихъ, въ частности тарбагатайцевъ, въ Забайкальѣ декабристы узнали слѣдующее: «Прибывъ за Байкалъ въ Верхнеудинскъ, явились тамъ комиссару, который отъ начальства своего имѣлъ повелѣніе поселить ихъ отдѣльно въ пустопорожней мѣстности. Комиссаръ повелъ ихъ, въ концѣ великаго поста, въ дремучій лѣсъ по теченію рѣчки Тарбагатай, позволилъ имъ самимъ выбрать мѣсто и обстроиться, какъ угодно, давъ имъ четыре года льготы отъ платежа подушныхъ податей. Каково было удивленіе этого чиновника, когда посѣтилъ ихъ чрезъ два года и увидѣлъ красиво выстроенную деревню, огороды и пашни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за два года былъ непроходимый лѣсъ» [6]). С. В. Максимову семейскіе такъ разсказывали о поселеніи въ Забайкальѣ. «Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ. Стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ... Стали

---

1) Тамъ же 396.

2) С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Ч. II, 263.

3) И. В. Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ жизни Сибири Ирк. 1883.

4) С. Мартосъ. Письма о вост. Сибири. М. 1827, 115.

5) С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Ч I, 353—354.

6) Записки бар. Розена. 411.

пытать: Чѣмъ жить? Чиновникъ сказалъ: «А вотъ станете лѣсъ рубить, полетятъ щепки, щепы эти и ѣшьте!» Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ исподволь другъ около друга начинали кое-чѣмъ займоваться, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселѣли. Пріѣхалъ знакомый чиновникъ и руками развелъ: «Вы-де еще не подохли? Жаль, очень жаль, а васъ-чу! затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ переколѣли» [1]). Нѣкоторыя свѣдѣнія о поселеніи старообрядцевъ въ Забайкальѣ «по памяти населенія» собраны «Коммиссіей для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайк. области» (Матеріалы, вып. 6, Спб. 1898, стр. 18—21).

Выселеніе старообрядцевъ изъ Вѣтки и изъ близкихъ къ ней мѣстностей было недобровольное. Ср. только-что приведенный разсказъ, изъ котораго видно, что народная традиція виновниковъ переселенія указываетъ въ начальствѣ: оно гнало старообрядцевъ на моръ въ Забайкалье. (Не вѣрно только опредѣленіе цѣли изгнанія: уморить оно могло бы и въ другомъ мѣстѣ, не столь отдаленномъ!) Для добровольнаго исхода изъ Вѣтки, славной и богатой въ то время, не было никакихъ основаній. Въ к. XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го в. Стародубье, а затѣмъ Вѣтка представляли духовный центръ старообрядства, метрополію его. «Гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста» [2]). Сюда же и позднѣе стекались для поученія и молитвы старообрядцы со всѣхъ сторонъ Россіи. Экономическое состояніе Стародубья и Вѣтки было на очень высокой ступени [3]). Но съ 30-хъ г.г. XVIII-го в. Вѣтка подвергается разгрому со стороны русскихъ властей, желавшихъ задушить цвѣтущее сосредоточіе старообрядства и выгнать ревнителей «древляго благочестія» въ Россію. Извѣстны выгонки 1735 и 1764 г. г.

Дождалися мы жестокой зимы:
Выслали всѣхъ безъ всякой вины,—

вспоминаетъ духовный стихъ о разореніи старообрядческаго Лаврентьева монастыря близъ Гомеля [4]). Въ одну изъ такихъ выгонокъ попали и предки алтайскихъ и забайкальскихъ старообрядцевъ.

О первыхъ годахъ жизни старообрядцевъ въ Забайкальѣ мы располагаемъ нѣкоторыми свѣдѣніями, сообщенными П. С. Палласомъ [5]). Съ апрѣля до іюня 1772 г. онъ объѣзжалъ съ натуралистической цѣлью Забайкалье. Въ своей поѣздкѣ онъ побывалъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ водворились старообрядцы. Онъ называетъ ихъ «поляками», «польскими колонистами». Такъ называетъ онъ и ихъ собратій на Алтаѣ. Конечно, и самъ Палласъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что они русскіе. Названіе же «поляки» употреблялось по прежнему мѣсту ихъ жительства. Такъ, о «полякахъ» деревни Шеманаиха на р. Убѣ онъ замѣчаетъ:

---

[1]) Сибирь и каторга Ч. I. 353

[2]) А. Щаповъ. Россійскій расколъ старообрядства. Каз. 1859. 324.

[3]) См. въ изслѣдованіи М. И Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв» К. 1895, а также въ замѣчаніяхъ В. С. Иконникова въ Кіевскихъ «Университ. Извѣстіяхъ», 1897 г. № 4

[4]) Жив. Стар. 1907, в. II. 119.

[5]) P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Ruszischen Reichs. Dritter Theil, Vom Jahr 1772 und 1773. St.Petb. 1776.—На разныхъ страницахъ съ 164 до 276. Русскимъ переводомъ (С. Пб. 1788) пользоваться невозможно, вслѣдствіе крайне неудовлетворительнаго качества его. Въ особенности безобразно искажены географич. названія.

«Теперешніе жители—это изъ Польши присланные колонисты которые русскаго происхожденія, языка и старогреческой религіи [altgriechiescher Religion] и отцы которыхъ жили въ Подоліи и въ другихъ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ». Онъ даетъ чрезвычайно лестный отзывъ объ этихъ колонистахъ [1]). У Палласа мы находимъ очень важныя свѣдѣнія о мѣстахъ, заселенныхъ «поляками» въ Забайкальѣ, о численности дворовъ ихъ въ томъ или иномъ поселкѣ, о хозяйствѣ и ревностномъ трудолюбіи ихъ. Мѣстности, гдѣ находились тогда старообрядцы, тѣ же, гдѣ они, весьма размножившись, трудятся и въ наши дни. Въ деревнѣ Хилоцкой или Харитоновѣ (Chilotskaja oder Charitonowa derewna) у Хилка было ок 30 дворовъ, изъ которыхъ двѣ трети принадлежали старообрядцамъ.Вверхъ по Хилку и по впадающимъ въ него небольшимъ рѣчкамъ были деревни Паркина, Баленгинская, Катангарская, Диптуйская, Кукунская, Кайдабаевская, Нарын-Шибиръ или Катаевская, Бѣлоплотовская, Малстинская, Сохотоевская,Сардалмская Песчанская, Уксулуцкая Котюрская, Хоплорская, Буйская Красноярская слобода. Бичурская, Еланская, Мангиртуйская, Сибилдуйская и Хабаровская. По Тугную (Tungnui) и по другимъ рѣчкамъ новая слобода Мухоршибиръ и деревни Кокуйская, Шаралдаевская (Scharaldaefskaja), Заганская, Харашибирская, Бурдюковская и Никольское село. Во всѣхъ этихъ поселеніяхъ считалось 450 человѣкъ тамошнихъ мужиковъ и 350 человѣкъ новопоселенныхъ колонистовъ. Въ Тарбагатаѣ имѣлось ок. 40 дворовъ, изъ которыхъ 10 принадлежали польскимъ колонистамъ. Къ Тарбагатаю причислялись деревни Бурнашевка и Михайлевка по Тарбагатаю (Тарбагантею), Пестерева, Султуринская и Куйтунская по Куйтуну, Гайтуринская, Кабалина, Зуевска[я], Красноярова, Захарова, Каленова, Рещикова, Сотникова,—всѣ по Селенгѣ, Рупшевка и Иволгинская на Иволгѣ, Барская Куналейская, Бренская, Хободольская, три деревни Убукунскія и Енгашинская на рѣчкахъ съ такими же названіями. Число жителей во всей этой округѣ состояло изъ 309 мужиковъ и 466 новопоселенныхъ колонистовъ. Въ Куйтунѣ было дворовъ 30 старожиловъ и 44 польскихъ колонистовъ. Никольское было заселено по большей части польскими колонистами. Недалеко отъ Никольскаго расположилась дер. Бурдюковская, «которой нынѣ при новомъ населеніи даютъ названіе Хонхолой по ручью, надъ которымъ она находится. Она нынѣ состоитъ за исключеніемъ четырехъ старыхъ семей, называемыхъ Бурдюковскими (Burdjukofskoi) и задолго здѣсь поселившихся, изъ 28, по большей части трудолюбивыхъ и свѣдущихъ въ хлѣбопашествѣ польскихъ выселенцевъ». Въ дер. Харашибиръ, кромѣ старожиловъ, было ок. 50 душъ «новыхъ колонистовъ» («польскихъ»?); «изъ нихъ нѣкоторые еще не построились». Въ Мухоршибири—10 дворовъ старожиловъ. Тутъ же имѣлось и 15 дворовъ присланныхъ «русскихъ колонистовъ», по 3 человѣка въ каждомъ («поляляки»?). Въ Шарандаѣ (Scharandaj)—7 старыхъ дворовъ и 12 «сюда пришедшихъ польскихъ эмигрантовъ». Въ слободѣ по р. Чикою—Урлукской съ принадлежащими къ ней деревнями состояло 244 человѣка старожиловъ и 493 колониста. Въ Байхарской слободѣ и въ ея деревняхъ—226 старожиловъ и 123 новыхъ поселянъ. Какое количество изъ этихъ «колонистовъ» приходилось на долю «поляковъ», неизвѣстно. Также неизвѣстно количество «поляковъ» и въ слѣдующихъ цыфровыхъ данныхъ относительно всего населенія въ 8 слободахъ «Селенгинской страны»: 2520 старожиловъ и 1534 колониста.

Въ с. Никольскомъ старообрядцы успѣли построить къ этому времени церковь

---

[1]) Ib. II (1771 г., іюль), 516—517

Была и въ Тарбагатаѣ церковь, но неизвѣстно чья,— старожиловъ или «поляковъ»[1]). Во главѣ волости стоялъ «выборный» или старшина (ein Wybornoi oder Aelteste), котораго выбираютъ всѣ деревни срокомъ на одинъ годъ Говоря о «польскихъ колонистахъ», Палласъ подчеркиваетъ ихъ необыкновенное трудолюбіе и неутомимую борьбу съ природой въ обработкѣ земли и приспособленіи ея для посѣва. Сѣмена для посѣва нѣкоторые изъ нихъ (въ дер. Хилоцкой прибывшіе сюда лѣтъ 6) получаютъ отъ «старыхъ жителей Иркутской губ. по 2 пуда на каждую десятину ежегодно». Сѣютъ здѣсь ярицу, разводятъ по мѣстамъ и арбузы (Хилоцкая). Эти колонисты успѣли обзавестись уже изряднымъ количествомъ скота Жалуются только, что сѣна недостаетъ, вслѣдствіе плохого роста травы (Куйтунъ) Холодный климатъ въ сѣверной части Селенгинской области, какъ напр., въ Куйтунѣ, лишаетъ возможности сѣять коноплю, гречиху, горохъ, просо, хотя «трудолюбивые поляки все это сначала сѣяли и къ новому посѣву каждый разъ вновь закупали. Теперь имъ розданы гречишныя сѣмена, на разведеніе которыхъ они всѣ силы употребляютъ». Поляки расчищаютъ лѣса подъ пашню. Пашутъ они плугомъ, а не русскою сохою. Нѣкоторыя части этого плуга стоячій или наклонный сошникъ, служащій для подрѣзыванія кореньевъ) «введенъ еще прежними русскими мужиками, въ польскихъ лѣсистыхъ мѣстахъ поселившимися». Поляки пытались удобрять навозомъ здѣшнія гористыя мѣста для посѣва; но ничего не вышло: весь посѣвъ сгорѣлъ «Поляки», по прежнему своему обычаю, молодыхъ ягнятъ обертываютъ холстомъ и зашиваютъ; по утрамъ смачиваютъ ягненка теплою водой и постепенно отпускаютъ холстъ. Такъ продолжается въ теченіе 2 – 4 недѣль Когда шерсть довольно подросла и завилась, обертку снимаютъ, а ягненка убиваютъ.

Въ отношеніи условій земледѣльческой жизни въ Забайкальѣ уже Палласъ указывалъ на то, что площадь, благопріятная для хлѣбопашества, здѣсь незначительна. Лѣса, безплодныя горы, сырыя долины, осенью застланныя туманомъ, а весною долго покрытыя льдомъ, песчаныя мѣстности занимаютъ большую часть территоріи Селенгинской (Верхнеудинской) области Къ тому же рано наступающіе холода и часто бывающія засухи губятъ урожай и на плодородныхъ мѣстностяхъ. «Такъ что, кромѣ кочующихъ народовъ, каковы бурята и тунгусы, никакому другому тутъ жить нельзя». Но и этимъ кочующимъ народамъ, занимавшимъ лучшія плодородныя мѣста вдоль рѣки, стало тѣсно, вслѣдствіе ихъ размноженія. А потому, совѣтовалъ Палласъ «надобно бы, по приведеніи здѣшняго хлѣбопашества въ совершенство, нѣкоторую часть здѣшнихъ народовъ перевести въ другія къ хлѣбопашеству неподходящія мѣстности, какъ-то на песчаныя и солончаковыя степи Иртышскія, и въ особенности по Барабѣ».

Прошло 50 лѣтъ послѣ путешествія Палласа. Въ теченіе этого времени семейскіе, благодаря своей энергіи и неутомимому труду, обзавелись хорошими, богатыми домами и отлично обработанными пашнями. Торговыя дѣла съ Верхнеудинскомъ, Петровскимъ заводомъ, Кяхтой также значительно способствовали экономическому благосостоянію семейскихъ. Патріархальность уклада семейной жизни, нѣкоторая самостоятельность въ административномъ и церковномъ отношеніяхъ – все это придавало особый, привлекательный оттѣнокъ ихъ жизни, и далеко за предѣлы ихъ мѣстности распространилась молва о «щастливомъ состояніи сихъ переселенцевъ» (Мартосъ). Въ 20 хъ г.г. Мартосъ, въ 1827 и въ 1830 г.г. декабристы, въ 1861 г. С. В.

---

[1]) Если это была церковь во имя Зосимы и Савватія, то она принадлежала не старообрядцамъ, православнымъ. Она была построена въ 1744 г.; см. въ статьѣ «Историческія замѣтки о забайкальскихъ церквахъ». Иркутск. Епарх Вѣдом 1874 г., № 37, стр. 410.

Максимовъ, въ 1871 г. П. А Ровинскій съ чрезвычайной похвалой отзывались о семейскихъ, о ихъ трудолюбіи, энергіи, здоровомъ укладѣ жизни (—кромѣ безплодныхъ разглагольствованій и лицемѣрія ихъ книжниковъ), о превосходствѣ надъ болѣе давними русскими поселенцами—«сибиряками».

Сообщенія Мартоса о Тарбагатаѣ очень панегиричны и возбуждаютъ сомнѣніе въ ихъ соотвѣтствіи дѣйствительности. Вотъ описаніе внутренности дома: изящная мебель краснаго дерева; полы покрыты коврами; большія зеркала въ нарядныхъ рамахъ; часы съ музыкой Всѣ политическіе и литературные журналы и газеты хозяинъ квартиры—старообрядецъ Федотъ Ивановъ Заиграевъ «исправно» получалъ. Онъ располагалъ «собраніемъ географическихъ картъ, недавно изданныхъ въ С. Петербургѣ, говорилъ»,что любитъ Литературу и сельскія работы» (110—116). Заиграевъ не представлялъ собою обычнаго старообрядца. Это торговый человѣкъ, выдвинувшійся среди своихъ собратій, обставившій себя по-городскому, имѣвшій не только отеческія писанія, но и столичныя «свѣтскія» изданія. Обрисовка обстановки дома Заиграева, данная Мартосомъ, согласуется съ сообщеніемъ и декабристовъ Якушкина и Розена. «Ночью въ Тарбагатаѣ офицеръ разбудилъ меня, снялъ съ меня цѣпи и вывелъ изъ комнаты тайкомъ; потомъ сказалъ, что я увижусь съ Муравьевымъ, и повелъ меня къ Заиграеву, о которомъ упоминаютъ многіе изъ путешественниковъ, описывавшихъ Забайкальскій край. Заиграевъ былъ не глупый и очень зажиточный крестьянинъ. У него въ гостиной была мебель краснаго дерева, въ углу стояли англинскіе столовые часы, и на столѣ, когда мы вошли, лежали Московскія газеты» [1]. Это было въ концѣ 1827 года. «Европейскій» пріемъ, оказанный Заиграевымъ декабристамъ въ 1830 г., отмѣчаетъ и бар. Розенъ. Въ это время Заиграевъ жилъ уже не въ Тарбагатаѣ, а въ сосѣднемъ селѣ. «Хозяинъ нашъ, Федотъ Ивановичъ Заиграевъ, принялъ насъ по европейски. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе подрядами въ Тарбагатаѣ, но непріятности съ начальствомъ заставили его переселиться въ сосѣднюю деревню, гдѣ онъ отказался отъ торговыхъ оборотовъ». [2].

Въ 20-хъ г. г. въ Тарбагатаѣ было уже 2 церкви: свв. Зосимы и Савватія. [3]), и Николая чудотворца. Эта послѣдняя названа Мартосомъ старообрядческой. (—Позднѣе она была отчислена властями къ единовѣрцамъ. Богатая была церковь, какъ передавали мнѣ. Она находится на верхней, старой улицѣ села).

Изъ декабристовъ бар. А. Е. Розенъ оставилъ въ своихъ запискахъ весьма интересныя сообщенія о семейскихъ. При переходѣ изъ Читы въ Петровскій заводъ (въ концѣ августа--въ сентябрѣ 1830 г.) декабристы останавливались въ 3 селахъ старообрядцевъ. (Названы Тарбагатай и Десятниково). Тарбагатай—большое богатое село, съ просторными домами; дома въ нѣсколько горницъ, съ большими окнами, съ тесовыми крышами, съ крытыми крыльцами. «Во дворѣ, подъ навѣсомъ стояли все кованныя телѣги, сбруя была сыромятная, кони были дюжіе и сытые, а люди, люди! ну, право, все молодецъ къ молодцу; красавицы не хуже донскихъ—рослыя бѣлолицыя, румяныя. День былъ воскресный; мужчины расхаживали въ синихъ суконныхъ кафтанахъ, женщины—въ душегрѣйкахъ шелковыхъ съ собольими воротниками, въ кокошникахъ, изъ коихъ одинъ лучше другого. Короче сказать, все у нихъ соот-

---

[1]) «Изъ записокъ декабриста Якушкина». «Рус. Архивъ». 1870, № 8—9, 1587—88.

[2]) «Записки бар. Розена» Отеч. Зап 1876, № 4 413.

[3]) Нестарообрядческая («сибирская»), построена въ 1744 г. см. «Историческія замѣтки о забайкальскихъ церквахъ». Иркут. Епарх Вѣдом. 1878 г. № 37,410

вѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». «Они не употребляютъ ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарствъ, все это почитаютъ за грѣхъ; они не прививаютъ оспы, но видно вѣра ихъ крѣпка—ни одного не встрѣтилъ между ними рябого [1]; они—богомольны, прилежно читаютъ священное писаніе и строго соблюдаютъ обряды свои» [2]). Семейские «народъ сильный и здоровый . Они поддерживаютъ «свою крѣпость, свое здоровье постояннымъ трудомъ и здоровою пищею. Въ мясоѣдъ каждый день имѣютъ говядину или свинину, въ постъ—рыбу». Семейскіе не испытываютъ бѣдности; многіе изъ нихъ очень зажиточны. «Не только въ домѣ и въ амбарахъ видны довольство и обиліе, но и въ сундукахъ хранятся капиталы. Между поселянами нѣсколько хозяевъ нажили до ста тысячъ рублей подрядами и доставками хлѣба, зерномъ и мукою, торговлею съ китайцами; по высокой цѣнѣ продаютъ имъ отборную пшеницу, черныя мерлушки, шкурки черныхъ ягнятъ и овецъ». Въ обработкѣ полей семейскіе представляютъ образецъ для своихъ сосѣдей—сибиряковъ. «Поля и обработка полей представляютъ совершенство, между тѣмъ какъ въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, селенія и пашни старожиловъ обнаруживаютъ крайнюю бѣдность и разореніе». Семейскіе располагаютъ нѣкоторой свободой въ общественномъ отношеніи; особаго гнета правительственной администраціи они не испытываютъ. «Весь наружный видъ этихъ людей превосходный; они блаженствуютъ, имѣютъ свое общинное правленіе, выбираютъ своихъ старостъ; на мірской сходкѣ раскладываютъ всѣ подати и повинности земскія, никогда не остаются въ долгу, рекрутъ ставятъ исправно. Между ними нѣтъ сословій съ особенными преимуществами; они имѣютъ дѣло только съ исправникомъ и засѣдателемъ, съ которыми умѣютъ ладить». То же довольство семейскихъ наблюдали декабристы и въ Десятниковѣ. Тамъ они встрѣтили 110-лѣтнаго бодраго старца, помнившаго обстоятельства переселенія въ Забайкалье. «Старецъ жилъ въ домѣ своего младшаго четвертаго сына, которому было уже за семьдесятъ лѣтъ. Прадѣдъ, хотя уже давно самъ не работалъ, но имѣлъ привычку носить всегда топоръ за поясомъ и рано утромъ самъ будилъ внуковъ на работу. Онъ повелъ меня къ тремъ старшимъ сыновьямъ своимъ, и съ простительнымъ тщеславіемъ показалъ мнѣ, гдѣ для каждаго изъ нихъ онъ выстроилъ особенный большой домъ, съ дворами и амбарами, для каждаго двора по водяной мельницѣ [3])... По богатству и довольству поселянъ мнѣ представлялось, что вижу трудолюбивыхъ русскихъ въ Америкѣ, а не въ Сибири; «жители управляются сами собою; сами открыли сбытъ своимъ произведеніямъ и будутъ блаженствовать, пока люди безтолковые не станутъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, забывая, что устроенная община, сама управляющаяся въ продолженіи столѣтія, лучше всѣхъ постороннихъ понимаетъ дѣйствительную выгоду свою» [4]). Въ такомъ же тонѣ отзывались о семейскихъ и другіе

---

[1]) Теперь иначе обстоитъ дѣло: ср. выше.

[2]) Записки бар Розена. Отеч. Зап. 1876 г, № 4. 411—412.

[3]) И до сихъ поръ держится эта традиція всею семьей заблаговременно построить домъ или 2—3 дома и снабдить всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ для очередного выдѣленія; ср выше.

[4]) Записки бар Розена, «Отеч. Зап.» 1876 г № 4, 411—414. Раньше эти записки были напечатаны въ Лейпцигѣ въ 1869 году:—«Aus den Memorien eines Russischen Dekabristen». Выдержки появились на русскомъ языкѣ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1869 г., №№ 269 и 274. На этихъ запискахъ основаны IX, X, XI, главы поэмы Некрасова: «Дѣдушка», напечатанной въ «Отеч Запискахъ» 1870 г., № 9 (сент). Та картина Тарбагатая, которую рисуетъ дѣдушка-декабристъ, та характеристика тарбагатайскихъ старообрядцевъ и даже сентенціи, которыя пред-

декабристы, Якушинъ, Бѣляевъ. «Когда мы приблизились къ Тарбагатаю, передъ нами развернулся чудесный видъ: всѣ покатости горъ, лежащія на югѣ, были обработаны съ такимъ тщаніемъ, что нельзя было довольно налюбоваться на нихъ... Жители староверческаго этого селенія вышли къ намъ на встрѣчу въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Мужики были въ синихъ кафтанахъ, и женщины въ шелковыхъ сарафанахъ и кокошникахъ, шитыхъ золотомъ. Это были уже не Сибиряки, а похожіе на подмосковныхъ и Яровславскихъ поселянъ. За Байкаломъ считаютъ около 20000 староверовъ, и туземцы называютъ ихъ поляками.... Въ 1830 г., когда мы проходили Тарбагатай, тамъ считалось болѣе 270 ревизскихъ душъ. Вообще забайкальскіе, большею частью, народъ грамотный [!], трезвый, работящій и живущій въ большомъ довольствѣ»[1]). О богатствѣ семейскихъ и образцовой обработкѣ полей вспоминалъ и А. П. Бѣляевъ. «Тарбагатайскіе староверы были отличные пахари. Земледѣліе было у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, а какъ ихъ мѣстность вообще гористая, то всѣ склоны горъ были воздѣланы съ большимъ тщаніемъ, что насъ очень удивляло и радовало». Бѣляевъ сообщалъ также о томъ, «что многіе изъ людей богаты, выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили въ религіозные разговоры съ многими изъ нашихъ, которые хорошо знали церковную исторію»[2]). Но сомнительно, чтобы «многіе» семейскіе выписывали газеты и журналы. Не явилось ли это сообщеніе въ результатѣ обобщенія Федота Заиграева съ прочими семейскими[3])?

ставлены въ поэмѣ, совпадаютъ, иногда дословно съ записками Розена. Сравните, напр. слѣдующіе стихи:

Чудо я Саша, видалъ:
Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь за расколъ,
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ
Ѣдутъ туда комиссары.
Глядь—ужъ деревня стоитъ,
Риги сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ
Мельницу выстроятъ скоро;
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки
Вновь черезъ годъ побывали,—
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли (IX).

Ср. сообщенный выше разказъ о поселеніи старообрядцевъ въ Тарбагатаѣ и о посѣщеніи ихъ комиссаромъ.

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ—
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!..
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители бодры всегда,—
Видно—ведется копѣйка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка,
Изъ соболей воротникъ! (X).
Дѣти до возраста въ нѣгѣ.
Конь—хоть сейчасъ на заводъ,—
Въ кованой прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ
Подати платятъ до срока,—
Только ты имъ не мѣшай.
«Гдѣ жъ та деревня?»—Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкаломъ.. (XI).

[1]) Изъ записокъ декабриста Якушкина. «Рус. Архивъ», 1870, № 8—9, 1613—1614.

[2]) Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ. «Рус. Старина», 1881 г, т. XXX 819—820.

[3]) Изъ другихъ описаній, касающихся семейскихъ, укажемъ слѣдующія. П. А. Ровинскій «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О 1872 г. т III № 3, т IV, №№ 2-3 (подъ загл.: «Матеріалы для этнографіи Забайкалья»). Это лучшая статья, посвященная этнографіи семейскихъ. Н. П. Ушаровъ. «Замѣтки о забайкальскихъ

Сравнивая состоянiе семейскихъ до половины прошлаго столѣтiя съ состоянiемъ ихъ въ настоящее время, наблюдаемъ, что ихъ жизненный укладъ въ общемъ остался прежнимъ: они стараются блюсти преданiя своихъ дѣдовъ во всѣхъ отношенiяхъ,—въ отношенiяхъ церкви, семьи, общества. Попрежнему семейскiе неутомимо трудятся въ обрабатываниі земли и въ веденiи хозяйства. Но на многихъ сторонахъ жизни забайкальскихъ старообрядцевъ отражаются и измѣненiя. Нѣтъ того экономическаго благосостоянiя, какое приводило въ восторгъ декабристовъ. Давно уже исчезла та самостоятельность въ общественномъ управленiи, какой располагали нѣкогда старообрядцы въ Забайкальѣ. Забыты или обойдены многiя правила, что утверждались ихъ книгами старопечатными и старописьменными. Есть и хорошiя и дурныя стороны въ удаленiи отъ преданiй старообрядческаго «житiя праведнаго». Хорошее—въ желанiи прiобщиться къ знанiю «свѣцкому», такъ пугавшему ихъ отцовъ и книжниковъ. Дурное—въ пониженiи нравственнаго уровня, въ распущенности, какъ реакцiи противъ той затхлой атмосферы, которая стала ужъ слишкомъ гнести при вѣянiи новой жизни. «Зайдите, господинъ, къ намъ, поговорите съ нами,—вы видите, какая жизнь наша»,—задушевно просилъ меня одинъ парень въ Н. Заганѣ. Въ кровавомъ пламени, пылающемъ по великой отчизнѣ нашей, гинетъ и многое изъ родного наслѣдства старины глубокой. И жутко и тяжко въ заревѣ этого пламени людямъ древляго благочестiя.

—«Кому повѣмъ печаль мою»?!...

КЪ СНИМКАМЪ.

За содѣйствiе въ изготовленiи клише и въ литографiи выражаю глубокую благодарность Дiонисiю Ив. Каленскому и Георгiю А. Захарову.

№№ 1—5, 7—9 сняты въ с. Никольскомъ. № 6—снимокъ семейскаго съ Чикоя, взятъ изъ книги Г. М. Осокина: «На границѣ Монголiи». Къ сожалѣнiю, не вышло клише со снимка двухъ молодыхъ женщинъ съ Чикоя, наряженныхъ въ свои высокiя угловатыя кички: выцвѣтшiй отпечатокъ этого снимка я досталъ въ с Никольскомъ у г. Бутыриной; негативъ же пропалъ у ней. № 10 представляетъ собою снимокъ изъ рукописнаго Апокалипсиса, принадлежащаго библiотекарю Иркутской городской б-ки Н. Ст. Романову; см. выше стр. 26. Апокалипсисъ съ многочисленными рисунками, хорошо исполненными различными красками. Образецъ письма этого Апокалипсиса см. на снимкѣ № 11. Снимокъ № 12 представляетъ предисловiе и заглавiе Олонецкихъ (Поморскихъ) отвѣтовъ по рукописному экземпляру Ирк. Дух. Семинарiи, XLV, 1784, см. выше стр. 23-24. №№ 13 ый и 14-ый—снимки изъ рукописнаго сборника старца Давыда, б-ки Ирк. Д. Сем. XLV. 1797; см. выше стр. 22—23.

старообрядцахъ». Сборникъ газеты «Сибирь» Т. I СПб 1876. Стр 313—333. Статья заключаетъ въ себѣ свѣдѣнiя о церковно-религiозной жизни семейскихъ. Разсказы Мишла. [М И. Орфанова]. «Въ дали. (Изъ прошлаго)» М 1883. Очеркъ V-ый: У семейскихъ и на Кяхтѣ», незначителенъ по содержанiю. Извлеченiя были помѣщены въ «Рус Курьеръ» 1882 г, № 208. и въ «Сибири» 1882 г., № 37. Ю. Д Талько-Грынцевичъ. 1) «Семейскiе въ Забайкальѣ», 2) «Къ антропологiи великороссовъ» цитированы выше (см стр. 6, 7). 3) Къ вопросу объ изученiи физiологическихъ явленiй половой жизни женщинъ въ Забайкальи». Труды Троицко-Кяхтинскаго Отд. Приамур Отдѣла Р. Г О Т. VI, вып I, 1903. Сообщено нѣсколько цыфровыхъ данныхъ, относящихся и къ женщинамъ семейскихъ. Г М Осокинъ. «На границѣ Монголiи». СПб. 1906 Въ V-ой главѣ имѣются свѣдѣнiя о семейскихъ. «Азiатская Россiя». Изд Переселенческаго управленiя главнаго управленiя землеустройства и земледѣлiя. Т. I СПб 1914. Нѣсколько строчекъ о забайкальскихъ старообрядцахъ. На снимкѣ между стр. 180—181 можно видѣть кички семейскихъ женщинъ.

По поводу послѣднихъ снимковъ изъ рукописи старца Давыда и имъ подобныхъ замѣтимъ, что и противная сторона, казалось бы, болѣе просвѣщенная, также прибѣгала къ уродливымъ иллюстрированнымъ обличеніямъ старообрядцевъ. Сравните рисунокъ, гравированный на большомъ листѣ, приложенный къ книгѣ: «Обличеніе неправды раскольнической. Сочиненіе Ѳеофилакта архіеп. Тверскаго». 1745. Въ Москвѣ. Пользуюсь экземпляромъ Иркутской Дух. семинаріи, XLV. 5¹/₁₅ 1840. Экземп. безъ заглав. листа.—Въ концѣ книги приложено изображеніе «Разныхъ толковъ раскольниковъ россійскихъ, обрѣтающихся по разнымъ мѣстамъ. А именно, отъ лѣта 1666-го». Внизу растянулся змѣй двуглавый. Изъ одной пасти выросло древо. На крупныхъ листьяхъ древа прописаны «толки» раскольническіе. «Змій изблева свою горесть и испусти всезлобное вѣтвие». За деревомъ видны домики; по другую сторону—человѣкъ съ длинной бородой, съ посохомъ, съ четками. Отъ этого древа вкусилъ Каинъ, Озіа-царь, еретики Арій и Несторій, такожде и россійскіе раскольники. Въ стихотвореніи, которымъ снабжено это изображеніе, имѣется между прочимъ такой призывъ:

Жилища лживыхъ в сей лжи учителей,
Суемудренныхъ пребезумныхъ скотовъ,
Блюстися требѣ всѣмъ црковным чадомъ...

Съ трудомъ вѣрится, что это иллюстрированное стихотвореніе—плодъ представителя высшей іерархіи.

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стран.	8	строка	19	сн.—резузьтаты—надо—результаты.
»	13	»	18	св.—предметомъ—надо—предметамъ.
»	13	»	13	сн.—обсужеенія—надо—обсужденія.
»	19	»	3	св.—вышить—надо—выпить.
»	21	»	23	сн.—дополнить:—Хранится въ Троицкомъ Селенгинскомъ монастырѣ.
»	22	»	14	св.—1882—надо—1822.
»	22	»	23	св.—Дополнить:—Принадлежитъ б-кѣ Ирк. Дух. Семинаріи. XLV. 1797.
»	22	»	3	сн.—тъ—надо—т.
»	23	»	19	св.—(изъ Патерика),—надо (изъ Патерика,
»	36	»	22	св.—каѳлическій—надо каѳолическій
»	44	»	3	св.—съ'—надо—съ'—
»	45	»	23	сн.—стр'äл'аг—надо—стр'äл'ат'—
»	46	»	1	св.—васкрисен н'а, вазнисен н'а—надо—васкрисен'н'а, вазнисен'н'а.—Надо имѣть въ виду, что и въ рядѣ другихъ случаевъ не вышли значки для выраженія мягкости согласныхъ; это видно по разстоянію, бóльшему, чѣмъ слѣдуетъ между знаками для мягкихъ согласныхъ.
»	47	»	2	сн.—об'ла—надо—бол'а—
»	48	»	7	сн.—с'ли"с!—надо—с'ли"с'!
»	50	»	17	св.—л' д—надо—л'од—
»	51	»	13	св.—вым а—надо—вым'а—
»	51	»	19	св.—уган ал—надо—уган'ал—
»	52	»	11	сн.—рут и, рек'т'и—надо—рут'и, рек'т'и—
»	53	»	10	св.—на а—надо—на 'а—
»	53	»	22	сн.—с',з—надо—с',з'—
»	54	»	2	св.—jec [т']—надо—jec'[т']—
»	55	»	4	сн.—д awч'ʺ'онка—надо—д'awч'ʺ'онка—
»	57	»	6	сн.—за jетэм, за этэм—надо—за jетэм. «Какъ?»—за этэм—
»	57	»	3	сн.—жер'äп—надо—жер'äп—
»	59	»	11	сн.—палавина-ден—надо—палавина-ден'—
»	61	»	14	св.—краснаj надо—краснаjа—
»	61	»	13	сн.—т'ак'от—надо—т'ак от'—
»	62	»	15	сн.—ус о—надо—ус'о—
»	63	»	9	св.—л'к а—надо—л'к'а—
»	63	»	26	сн.—итит—надо—итит'—
»	63	»	5	сн.—робит—надо—робит'—
»	64	»	9	св.—брихн а—надо—брихн'а—
»	64	»	11	св.—ван ка—надо—ван'ка—
»	64	»	13	св.—на горло—надо—на гарло—
»	64	»	18	св.—и о—надо—иjо—
»	64	»	19	св.—ил дом (аатянется—надо—ил'дом затянется—
»	64	»	20	сн.—ладон—надо—ладон'—
»	64	»	1	сн.—сес'[т]—надо сес'[т']—

Во многихъ случаяхъ не вышли при печатаніи запятыя, точки, скобки, кавычки.

Слово и҃. Глава к҃.

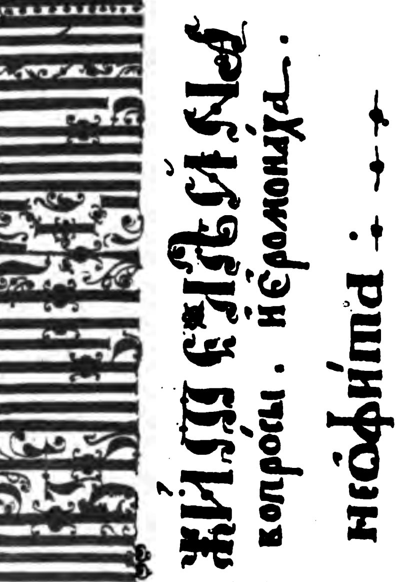
Ѡ народѣ бечислено иже имутъ сохрнито црствовати ѿ языкъ. Сущее. чз

И посихъ видѣхъ и се народъ многъ.. егоже изчести никтоже можетъ. ѿ всякаго языка и колѣна и людии и племенъ стоящие пре престоломъ. и пред агнцемъ облечены ризы бѣлыя. и финицы в рукахъ ихъ и возопиша гласомъ велиимъ. глаголюще спасение сѣдящаго на престолѣ Бга нашего и агнца.

Предисловие

Господних присланному учителю иеромонаху Несфиту. мура здравия спасения. и милосердаго пра благо и милосердаго разсуждения, всеусердно желаем и покорно кланяемся.

Еже убо всепресвѣтлѣйшее императорское величество повелѣ. еже степенный правительствующий синод присла... еже сьзаконово посланный указъ объявити. яко имѣти тебѣ сна... мн, с произшедшем несогласии. тихое и кроткое и безъопасное разглагольство. яко принуждения не творити насилия, в произволении вѣры. сие все благодатное императорское милосердие сие прекротное



вопросы. иеромонаха.

Неофита

Сїи крыжи и рестойки ѿдержимы латынских еретиков.
О церкви римской глава Н=
Ересь. Брадобритиа
Ересь. Власов наглав непострижениа
Ересь. Ї҃исус
Ересь. Отпадаже и кропании дара Д҃ха С҃таго
Ересь. щепотию крестатся, сиречь тремя перстными сложением в три беззаконную троицу
Ересь. в крещении обливают
Ересь. табак
Ересь. аллилуиа четверат
Ересь. Коленонепоклонная
Ересь. И непостящийся в среду и пяток весь год
Ересь. Одеждах христианских и поганских
Ересь. С҃таго Д҃ха происхождению исходит и от С҃на
Ересь. жертву совершаю на опресноках по жидовскому обычаю, а не на квасных хлебех
Ересь. Кофеи
Ересь. со псами из единаго сосуда едят, в каком сосуде сами едят и с того же сосуда и псов вскормят
И много у таковых еретиков ереси и сакони нечиста ты и развращениях, исчитати невозможно поединаму
Се жена седит на звери великая прелюбодеиница, сиречь римская церковь всех царств римских, сиречь всех людей еретических, и держит в руце чашу златую, полну нечестия всяких ереси наполнинну мерзостей и запустения.
Се престол антихристов
Обычаю
Се звер седмиглавый сиречь римское царство
Се же на седит на звери великая прелюбодеиница, сиречь всех царств римских всех людей еретических.
великая церковь сиречь
Се звер пестрый сиречь вера римских царств всех людей и испестрена многими различными ересьми.
Се река духовная сиречь священство рукоположения и служба, сиречь приношения жертва тела и крове Г҃да нашего І҃са Х҃рта поганным словеси когда возжестися
И се жена седит на звери великая прелюбодеиница сиречь вси еретицы и раскольницы человеци
Апокалипсис толковый
ЛЕ
13

книга вѣра глава · і

Сїа стаа соборнаа апостольская црковь, восточнаа сїѡнская їерусалимская. ѿсїѡна изыйде божественным закономсловом еваннскѡ ѿ їерусалима произшедшей. и врата адовыми никогда пременаемый быва етъ: Сїа церковь истиннаа ни поколебимое. и вней стаа истиннаа вѣра похртовѹ евалїю не изменнаа и нерушима нималовъ нищемъ вовѣки ѿзачатїа мира идоскончанїа. Црковь члкъ есть вѣрный вѣрует всемѹ преданїю стыхъ ѿцъ всемѹ стомѹ божественномѹ писанїю и соблюдае его ниспоколебимо:	Ѿ рымъскаго Евалїи Сїа церковь ѿпадшиа ѿистинныя вѣры христїанской, и пребываетъ вомногихъ въересахъ, и зыпае ѿвеликаго града вавилона. ѿжены рымской любодѣйницы великїа, которое стали наводамногихъ, и нагора наседми главы Бтъ Апо. рю. Снею же любодѣяша царїи земстїи и оупившеся живущїи наземли ѿвина любодѣанїа еа. Сїи врата адовы пѹть развращенный вѣдыи въпогибель вѣчную вторѹю смерть. Сїа церковь никонїанъскихъ оучинищихъ, авъцеркви вѣра ихъ развращенная порымъскомѹ евалїю польскомѹ проповѣданїю: церковь члкъ есть каковѹю вѣрѹ возлюбитъ члкъ, втомъ и пребывае таковаа и церковь бываетъ:

Сен путь истинный вѣжизнь вѣчную ведущїй

Сїа мнжа мнжа рымъского евангилїа зрѣ по ѡсѵдъ сииѵ ѡ ересехъ и ѿвидѣша · ... ѹжливаго пѹта погибельный вжизнь вѣчную;

Сїа мнжа мнжа хртова евангилїа истинная пѹть спасенїа жизни вѣчныя:

Сен агнецъ непраш дный, аще кто

ЇНСЪ ХСЪ

Ѣресь · чакитабака

Ѣресь · колѣнопоклонницы

Ѹжадь есть стыя хртовыя церкви соеретиками собщенїа имѣютъ:

Сообщники соеретиками нипостятся средѹ ипятокъ вовесь годъ:

Ѿпадшїи ѿстыа вѣры которїи и храна вранники

Ѣресь · ѿдежды еретическїя

Ѣресь · власовъ и наглаве нипострижения

Ѣресь · богомерская бретобритїе

Ѣресь · триперстное сложенїа сиръчь щепоть

Ѣресь · Їисъ, или благословїи щелчкома

Ѣресь · щепотная ·

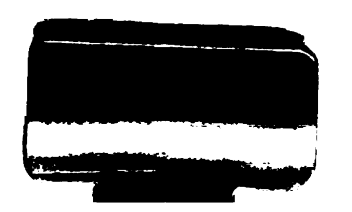
Ѣресь · крыжъ кат...

... человѣкъ ...

Сїе зде написанно ... нашего, како ересь ... дераютъ. и вѣрѹ раз... ѡсквернаютъ. Сен кругъ нсти... имъже просвиры знаменаю хртовы знаменїемъ крестнымъ

... учаи еретическїя ... нїю пр... еданы · и ѿстыя соборныя аплскїя церкви ѿгнаны и ѿвержены · а сеи лжиаон таковымъ крыже... просвиры:

Зри сїе половинѹ круга ... еретикъ хѿдитъ и церкви ... колико сей кругъ съересью ...



Проф. А. М. Селищевъ.

Діалектологическія замѣтки по изученію Сибири

(Предположены къ изданію).